

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Национальный исследовательский Томский государственный университет»

На правах рукописи

Полежаева Татьяна Владимировна

РЕЛИГИОЗНЫЕ ОСНОВАНИЯ
КОНСЕРВАТИВНОЙ КОНЦЕПЦИИ А.С. ШИШКОВА

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель
доктор исторических наук,
доцент Дутчак Елена Ерофеевна

Томск–2016

Оглавление

Введение.....	3
1 Факторы архаизации мировоззрения дворянина последней трети XVIII – первой трети XIX вв.....	38
1.1 Внутриличный конфликт: категории «порядка» и «полезности» в условиях политических трансформаций	40
1.2 Великая Французская революция и переоценка идей Просвещения	50
1.3 Массонство и процессы архаизации мировоззрения дворянина	64
2 Историко-лингвистические представления раннего консерватизма: традиционная религиозность в составе консервативной утопии А. С. Шишкова	75
2.1 Христианская мораль и традиции в ранних произведениях А. С. Шишкова...	78
2.2 Эсхатологическая метафора как средство концептуализации консервативных идей дворянина на рубеже XVIII – XIX вв.	88
2.3 Модель истории в консервативной утопии А. С. Шишкова	98
2.4 Язык, шрифт и политика: инструменты консервативной идеологии.....	108
3 Модели самопрезентации А. С. Шишкова как реализация консервативной утопии	118
3.1 Формирование поведенческих моделей дворянина последней трети XVIII – первой трети XIX вв.: между конфессиональным опытом и вестернизированной культурой.....	121
3.2 Модель поведения «старец» как политическая стратегия А. С. Шишкова	126
3.3 Писательская стратегия «летописец» и ее роль в консервативной утопии А. С. Шишкова	142
Заключение	153
Список использованных источников и литературы	158
Приложение А А. С. Шишков: краткая биографическая справка	228

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Жизнь и взгляды литератора, адмирала и государственного чиновника А. С. Шишкова (1754–1841 гг.) никогда не оставались в тени исследовательского внимания. В его творчестве, пришедшемся на эпоху активных духовных поисков и становления нового ощущения времени, идея защиты национальных ценностей получила оригинальную трактовку, основанную на представлениях об особой роли церковнославянского языка и православного мировидения в русской культуре. Им был обозначен набор важнейших тем (язык, воспитание, история), вокруг которых впоследствии выстраивался российский консервативный дискурс. Не случайно исследователи определили систему его взглядов как консервативную (или псевдоконсервативную) утопию¹: предложенная им модель идеального социума была ориентирована на мифическое прошлое и включила в себя политические взгляды, этические и религиозные принципы адмирала².

Злободневность проблем, поднятых А. С. Шишковым, форма их выражения и последующая дискуссия предопределили интерес к его творчеству не только специалистов, но и непрофессионалов. В последние годы наблюдается увеличение околонаучных публикаций об А. С. Шишкове, в которых он предстает как «русский всечеловек», «истинный Божией раб смиренный» и т.п.³. Переиздаются его труды о русском языке, роли православного наследия. Совершенно очевидно, что выделение в его многогранной деятельности одной магистральной линии, связанной с православным культурным комплексом (А. С. Шишков – защитник веры, ревнитель национальных ценностей и пр.), и

---

¹ Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Споры о языке в начале XIX в. как факт русской культуры («Происшествие в царстве теней, или Судьбина Российского языка» – неизвестное сочинение Семена Боброва) // Учен. зап. Тартус. гос. ун-та. 1975. Вып. 358. С. 175 ; Земскова Е. Е. О роли языка в построении национальной утопии: «онемечивание» Кампе и «корнесловие» Шишкова // Философский век. Альманах. 2000. Вып. 12 : Российская утопия: От идеального государства к совершенному обществу. С. 95

² На эту особенность консервативной утопии указал И. А. Исаев : Исаев И. А. Политико-правовая утопия в России. Конец XIX – начало XX в. М., 1991. С. 4.

³ Славянорусский корнеслов : язык наш – древо жизни на земле и отец наречий иных / вступ. ст. Г. Емельяненко. СПб., 2005. 415 с. ; Ирзабеков В. Д. Александр Семенович Шишков – патриарх русской словесности [Видеозапись] // YouTube. Электрон. дан. [Б. м.], 2016. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=NqJQAT2Nd-o> (дата обращения: 15.07.2016). Критику см. : Камчатнов А. М. Неужество как добродетель, или «Славянорусский корнеслов» // Вестн. Литературного института. 2011. № 2. С. 127–133.

рассмотрение ее вне богатого социокультурного контекста эпохи явились причинами примитивизации его личности и творчества. Во многом такой взгляд обусловлен кризисным мироощущением современного человека, когда поиск новых духовных путей российской цивилизации стал одной из важнейших общественных задач. В этой связи ренессанс православия породил поиски своих «героев», в числе которых оказался и А. С. Шишков.

В научной мысли вопрос о роли конфессиональных ценностей в формировании мировоззрения А. С. Шишкова до сих пор не рассматривался как самостоятельная исследовательская задача, решение которой позволит, с одной стороны, продемонстрировать единство его идей и деятельности; с другой – избежать односторонних «прогрессистских» трактовок при изучении логики изменения форм общественной жизни. Возможность взглянуть на проблему с иного ракурса обеспечивается предложенным современной гуманитарной наукой инструментарием, позволяющим охватить ту ситуацию культурного многообразия эпохи рубежа XVIII–XIX веков, о которой писал В.Г. Белинский: «Новое являлось, не сменяя старого, и старое и новое дружно жили друг подле друга, не мешая одно другому»⁴.

Сегодня назрела необходимость научного осмысления роли религиозного фактора в складывании консервативной утопии А. С. Шишкова. Речь идет о не только выяснении причин обращения адмирала к идеям православия, но и о понимании значения православного культурного комплекса в жизни европеизированного дворянина середины XVIII – первой трети XIX в. в целом.

Одним из путей определения места религиозного фактора в складывании взглядов и отношений А. С. Шишкова, на наш взгляд, может стать рассмотрение конфессионального языка в качестве идеологического инструмента, с помощью которого конструировалась никогда не существовавшая реальность⁵.

---

⁴ Белинский В. Г. Сочинения Александра Пушкина // Белинский В. Г. Собр. соч. : в 3 т. М., 1948. Т. 3 : Статьи и рецензии 1843–1848. С. 311.

⁵ О религии и языке как важнейших инструментах нациестроительства в XIX в. см. : Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. 288 с. ; Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991. 319 с. ; Христофоров И. Империя, нации и конфессиональная политика в эпоху реформ : [Российская империя в XVIII – начале XX вв. – «круглый стол»] // Российская история. 2012. № 4. С. 47–93 ; Илюха О. П. Когда Карелия училась читать : приобщение карельских крестьян к книге и чтению в конце XIX – начале XX вв. // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. История России. 2007. № 1. С. 117–127.

Таким образом, общественная и научная актуальность, проявляющаяся в противоречивости и недостатке существующих интерпретаций места конфессиональных ценностей в концепции А. С. Шишкова, обусловила необходимость исторической реконструкции религиозных оснований его консервативной утопии, отражающей социальный опыт и попытки самоопределения адмирала в условиях резких социокультурных трансформаций эпохи.

Предварительные выводы были сделаны в рамках участия в гранте Правительства РФ (проект № 14.В25.31.0009; тема: «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности»), а также государственного задания «Наука – 2016» (проект № 2265; тема: «Формирование социальной устойчивости студентов в условиях высшего образования»).

Степень изученности темы. Консервативная утопия А. С. Шишкова ранее не рассматривалась с позиций ее религиозных оснований, однако необходимо отметить, что в ходе изучения исследователями его взглядов и деятельности были сделаны выводы, сформулировавшие необходимость раскрытия проблемы и обозначившие отправные точки анализа. На наш взгляд, целесообразно рассмотреть процесс изучения идей А. С. Шишкова в хронологическом порядке по мере развития научных представлений о религиозной составляющей консервативной концепции адмирала.

Важно подчеркнуть, что на протяжении всех этапов изучения творчества и деятельности А. С. Шишкова определение места православного культурного комплекса в воззрениях адмирала не выступало для исследователей самостоятельной задачей. Их обращение к этому вопросу происходило в рамках анализа тех аспектов его жизни, которые являлись предметом исторического, литературоведческого или философского анализа.

На первом этапе основную тематику исследований, посвященных А. С. Шишкову, составила литературная полемика «шишковистов» и «карамзинистов», которая еще его современниками интерпретировалась не как частный

литературный факт, но как событие общественной важности. Немало обогатившаяся документальными свидетельствами (в это время продолжилась публикация сочинений А. С. Шишкова, начатая по его инициативе в 1805 г., был введен в научный оборот корпус мемуарных источников, посвященных периоду конца XVIII – начала XIX в.) тема языковых споров определила на годы вперед место адмирала в литературном процессе и круг исследователей, который интересовался, прежде всего, этим аспектом деятельности А. С. Шишкова.

Среди них – выдающиеся историки литературы и филологи Я. К. Грот, М. И. Сухомлинов, В. Я. Стоюнин и др.⁶, пытавшиеся осмыслить значение творчества А. С. Шишкова с либеральных позиций на фоне продолжавшегося в течение всего XIX в. обнародования материалов эпохи Александра I. В их поле зрения проблема религиозности А. С. Шишкова попала в связи с его лингвистической концепцией и местом в ней церковнославянского («славенского») языка. Однако злободневность вопросов, обсуждавшихся в ходе полемики, и политическая ориентированность исследователей препятствовали беспристрастному осмыслению идейных позиций участников спора. Взгляды А. С. Шишкова однозначно оценивались историками либерального направления как ненаучные и ретроградные. Например, Я. К. Грот выбрал следующие эпитеты для их характеристики: ограниченные, безвкусные, дилетантские⁷. Отсутствие должной научной подготовки предопределило, по Я. К. Гроту, обращение А. С. Шишкова к традиционным православным ценностям и представляло собой хорошо продуманный полемический ход. Таким образом, исследователь видел в воззрениях адмирала такой же анахронизм, каким являлся, по его мнению, церковнославянский язык – «иго, которое могучий народный язык должен был рано или поздно сбросить с себя»⁸.

---

⁶ Грот Я. К. Труды Я. К. Грота. СПб., 1899. Т. 2 : Филологические разыскания (1852–1892). 941 с. ; Сухомлинов М. И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. СПб., 1889. Т. 1. 671 с. ; Стоюнин В. Я. Исторические сочинения. СПб., 1880. Ч. 1 : Александр Семенович Шишков. 371 с. ; Булич Н. Н. Очерки по истории русской литературы и просвещения с начала XIX века. СПб., 1902. Т. 1. 381 с. ; Жаринов Д. А. Первые впечатления от войны. Манифесты // Отечественная война и русское общество. М., 1911. Т. 3. С. 170–179.

⁷ Грот Я. К. Труды Я. К. Грота. СПб., 1899. Т. 2 : Филологические разыскания (1852–1892). С. 66.

⁸ Там же. С. 67.

Зачастую тема литературных споров начала XIX в. являлась прологом к рассмотрению истории общественной мысли этого периода. Хотя исследования этого направления повторяли уже сложившуюся оценку взглядов и личности адмирала (человек «старого века», «крайний консерватор» и т.п.), благодаря им была существенно расширена анализируемая событийная канва. В частности, характеристика общественно-политической деятельности А. С. Шишкова была дополнена описаниями его роли в закрытии Библейского общества в России, формировании позиции министерства народного просвещения в последние годы царствования Александра I⁹.

Анализируя место А. С. Шишкова в консервативных кругах, историки общественной мысли на данном этапе однозначно относили его к представителям охранительного консерватизма, основывающегося на декларировании православных догм. Нужно подчеркнуть, что в работах этой группы исследователей, затрагивавших в том числе вопросы организации цензуры, была поставлена, но не получила целостного анализа проблема религиозного воспитания в понимании А. С. Шишкова, который в своем проекте цензурного устава определял для дворянина необходимый и достаточный круг литературы.

С увеличением привлекаемых для анализа эпохи начала XIX в. количества источников, в частности с публикацией в 1870 г. «Записок, мнений и переписки адмирала А. С. Шишкова», исследователями были предприняты первые шаги к комплексному осмыслению его деятельности. Например, предварявшая публикацию статья П. К. Щербальского четко обозначила новое видение творчества и личности А. С. Шишкова: его характеристика как честного, бескорыстного «слуги государева», почерпнутая из «Записок», сочеталась с традиционным рассмотрением его взглядов как устаревших и ретроградных. Более того, по мнению исследователя, личные качества А. С. Шишкова могли

---

⁹ Пыпин А. Н. Исследования и статьи по эпохе Александра I. Петроград, 1917. Т. II : Очерки литературы и общественности при Александре I. 536 с. ; Семевский В. И. Крестьянский вопрос в России в XVIII – первой половине XIX века. СПб. 1888. Т. II : Крестьянский вопрос в царствование императора Николая. 625 с. ; Семевский В. И. Крестьянский вопрос в царствование императора Николая // Русская мысль. 1884. № 6. С. 199–205 ; Скабичевский А. М. Очерки истории русской цензуры : 1700–1863. СПб., 1892. 495 с. ; Энгельгардт Н. А. Очерк истории русской цензуры в связи с развитием печати (1703–1903). СПб., 1904. 388 с.

найти лучшее применение, чем полемика с «карамзинистами» и борьба за «старые» порядки¹⁰.

В аналогичном ключе о роли полемики в общественной жизни начала XIX в. рассуждал Н. Н. Булич¹¹, но ему принадлежит ряд важных замечаний, актуальных для данного исследования.

Во-первых, автор обозначил проблему архаизации мировоззрения А. С. Шишкова, указав на неясность причин идеализации адмиралом времен Екатерины II, поскольку своим карьерным ростом он был в большей степени обязан Павлу. Даже несмотря на заявления Александра I о преемственности с «бабкиным» правлением, в новое царствование А. С. Шишков «вступил каким-то брюзгою, недовольный всем, что происходило вокруг него, с тоскою о прошлом»¹².

Во-вторых, Н. Н. Булич выделил еще одну содержательную линию анализа взглядов А. С. Шишкова – отношение к фольклору и народному языку. Как историк литературы автор отмечал, что адмирал «заговорил в ту пору об этом забытом или вовсе неизвестном для современных писателей предмете» – народной поэзии, отметив ее особенности и красоту¹³. Однако изучение исследователем фольклорной составляющей творчества А. С. Шишкова происходило в отрыве от идеологического единства языка консервативной утопии, что в итоге привело к воспроизведению уже установившихся характеристик концепции адмирала.

Настоящим событием в научной жизни дореволюционного этапа стала появившаяся в 1877 г. монография В. Я. Стоюнина, целью которого было создание «цельного нравственного образа [А. С. Шишкова], без намерения возвеличить или унижить его»¹⁴. Автор стремился описать биографию адмирала, используя накопившийся к тому времени богатый фактический материал. Он выделил три главных направления деятельности адмирала: литературную полемику, участие в

¹⁰ Щербальский П. К. А. С. Шишков и его союзники и противники // Русский вестник. 1870. № 11. С. 192–254.

¹¹ Булич Н. Н. Очерки по истории русской литературы и просвещения с начала XIX века. СПб., 1902. Т. 1. С. 122.

¹² Булич Н. Н. Очерки по истории русской литературы и просвещения с начала XIX века. СПб., 1902. Т. 1. С. 124.

¹³ Там же. С. 232.

¹⁴ Стоюнин В. Я. Исторические сочинения. СПб., 1880. Ч. 1 : Александр Семенович Шишков. С. 3.

Отечественной войне и заграничных походах и борьбу с Библейским обществом¹⁵.

Такое разделение было удобно с точки зрения анализа жизненных обстоятельств адмирала, но в то же время препятствовало главной цели исследователя – составить целостную картину жизни и творчества А. С. Шишкова. Тем не менее по объему и систематизации фактов работа В. Я. Стоюнина до сих пор не потеряла своей актуальности. Кроме того, автором была высказана гипотеза о роли конфессионального чтения в генезисе мировоззрения А. С. Шишкова: проведя историческую аналогию становления картины мира адмирала с формированием взглядов его современников (Д. И. Фонвизина и Г. Р. Державина), В. Я. Стоюнин сделал вывод, что в детстве будущий «архаист» познакомился с основным комплексом церковных книг и фольклорными произведениями.

Третья тема исследований, созданных до революции и посвященных А. С. Шишкову, – это тема его масонства, напрямую связанная с мировоззренческими основаниями его деятельности. Ее изучение было предпринято в начале XX в., когда крупнейший исследователь масонства дореволюционного периода Т. О. Соколовская установила, что А. С. Шишков входил в «Ложу Нептуна», и опубликовала в 1907 г. в журнале «Море» список членов¹⁶. Факт масонства А. С. Шишкова не получил тогда должного осмысления и оставался практически незамеченным до недавнего времени.

В целом работы первого этапа содержали обилие фактических сведений, исследователями был введен в научный оборот обширный источниковый корпус, сформирован фокус изучения личности и творчества А. С. Шишкова (литературные занятия, общественно-политическая деятельность), затронута, но, к сожалению, не получила развития тема его масонства. Однако попытки комплексного изучения взглядов и жизненных обстоятельств А. С. Шишкова были ограничены в силу методологических оснований исторической науки той эпохи. Научная парадигма XIX – начала XX в., апеллируя понятием «прогресс»,

---

¹⁵ Там же. С. 1–2.

¹⁶ Соколовская Т. О масонстве в прежнем русском флоте // Море. 1907. № 8. С. 2–39.

не оставляла шанса воззрениям А. С. Шишкова на беспристрастную оценку. Ю. М. Лотман замечал по этому поводу: «Применительно к интересующему нас времени вопрос ставится так: общественно-политические реформы есть благо и прогресс. Те, кто поддерживает их, – прогрессивны, те, кто оспаривает, – сторонники реакции»¹⁷. Вера в «неодолимость прогресса – социального, политического, экономического, нравственного»¹⁸ обрекала исследователей, видевших в консервативной утопии А. С. Шишкова «борьбу за старые порядки», на однозначную трактовку его концептуальных идей и определение его религиозных взглядов как дилетантских и декларативных.

Вместе с тем уже на первом этапе были определены ключевые для данного исследования направления: поставлен вопрос о причинах идеализации А. С. Шишковым прошлого, высказана гипотеза о влиянии конфессиональной книжности на формирование его мировоззрения, а также найдены документальные свидетельства членства в масонской ложе. Кроме того, исследователи обратили внимание на фольклор и «народный язык» как важные элементы, повлиявшие на формирование общественно-политической позиции адмирала. Именно вокруг последней темы развернутся основные дискуссии следующего этапа, результаты которых развили и дополнили выводы дореволюционных историков жизни и творчества А. С. Шишкова.

После революции 1917 г. единое методологическое и парадигмальное пространство изучения воззрений А. С. Шишкова оказалось разрушенным. Любопытная ситуация сложилась за рубежом в эмигрантской среде, где, с одной стороны, исследования литературной эпохи начала XIX в. были продолжены на основе либерально-прогрессивных концепций¹⁹, но с другой – подняты темы, ранее не входившие в круг обычно затрагиваемых сюжетов. Речь идет о месте творчества А. С. Шишкова в духовной жизни его современников.

В 1920–1930-е гг. выходят в свет работы А. В. Тырковой-Вильямс, прот. Г. Флоровского, видевших свою цель в поиске духовных основ расколотой

---

¹⁷ Лотман Ю. М. Карамзин : Сотворение Карамзина. Статьи и исследования 1957–1990. Заметки и рецензии. СПб., 1997. С. 590.

¹⁸ Могильницкий Б. Г. История исторической мысли XX века. Томск, 2001. Вып. 1 : Кризис историзма. С. 11.

¹⁹ Karlinsky S. Russische Literaturgeschichte des 19. Jahrhunderts, I : Die Romantik by Dmitrij Tschizewskij. (Review) // The Slavic and East European Journal. 1965. Vol. 9, № 3. P. 320–322.

революцией русской нации. Так, для исследовательницы такой спасительной фигурой был А. С. Пушкин, ставший символом возрождения России²⁰. В контексте пушкинской литературной эпохи А. В. Тыркова-Вильямс анализировала роль А. С. Шишкова и «Беседы любителей русского слова» в процессах формирования национальной идентичности, базирующейся на православных ценностях. В заслугу адмиралу исследовательница ставила его «открытие» Четых-Миней как важного литературного памятника и источника морального воспитания, подчеркивая их значение в творчестве А. С. Пушкина²¹. Тем не менее общий анализ взглядов А. С. Шишкова А. В. Тырковой-Вильямс находился в русле тенденций и оценок, характерных для русской либеральной мысли дореволюционного периода.

Прот. Г. Флоровский попытался осмыслить происшедшие революционные события в контексте истории русской религиозной философии. В своей работе «Пути русского богословия» отдельную главу он посвятил эпохе Александра I. Об А. С. Шишкове речь заходит при рассмотрении деятельности Библейского общества. Адмирал характеризуется как активный участник в деле закрытия общества, но относительно его религиозности сделан однозначный вывод: заявления А. С. Шишкова о важности православных ценностей для сохранения русского общества были декларативными и политизированными, что проявилось и в позиции по вопросу о переводе Священного писания на русский язык²².

Тем не менее, на наш взгляд, появление интереса к религиозной составляющей деятельности А. С. Шишкова принципиально и показательно, поскольку оно стало следствием процесса архаизации мировоззрения человека эпохи декаданса, что нашло отражение, в том числе, в работах исследователей. Сходство исторических ситуаций начал XIX и XX вв. несомненно: и в том, и в другом случае глубокий общественный кризис вызвал к жизни духовные поиски и обращение части русского дворянства к православию. Применительно к изучению деятельности А. С. Шишкова такая же ситуация повторится на рубеже XX–XXI

---

²⁰ Тыркова-Вильямс А. В. Жизнь Пушкина. М., 2004. Т. 1 : 1799–1824. С. 20.

²¹ Там же. С. 117.

²² Флоровский Г. В. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. С. 161.

вв. В частности, параллелизм в мироощущении человека 1800-х и 1980-х гг. был отмечен А. Л. Зориным, А. С. Немзером и О. А. Проскуриным при сопоставлении причин возросшего интереса к творческому наследию Н. М. Карамзина²³.

Описываемое в литературе «возрождение» традиционного мировидения в кризисных условиях и привлечение сочинений А. С. Шишкова для их осмысления позволяет определить труды адмирала как «рецидивные тексты» с достаточно ярким религиозным содержанием – тот корпус литературы, который оказывается востребованным в условиях резких социокультурных трансформаций и который во многом обеспечивает поворот к архаизации, поскольку демонстрирует не только желаемый большинством идеал, но и механизм его достижения²⁴. Данный вывод, в свою очередь, возвращает нас к вопросу о причинах и формах обращения А. С. Шишкова к православной традиции, который будет впервые поставлен тартусской семиотической школой. Однако до ее появления историко-филологическая научная мысль советского периода сформировала свое понимание деятельности адмирала, на критике и развитии которого впоследствии выросла школа семиотики.

Исследования советского периода развивали в основном тему участия А. С. Шишкова в литературной жизни начала XIX в., поскольку установившаяся формационная теория в исторической науке предписывала оценку консерватизма как идеологии правящего класса и предполагала заведомо негативную характеристику деятелей этого направления общественной мысли. Действительно, в таком контексте А. С. Шишков воспринимался как «враг новшеств», «проповедник обскурантизма» и пр.²⁵, а роль религиозного фактора в культурной жизни общества александровской эпохи практически не рассматривалась или сводилась к минимуму.

Тем не менее, несмотря на методологически заданные шаблонные оценки политической позиции адмирала как реакционера и сторонника «охранительного

---

²³ Зорин А. Л., Немзер А. С., Проскурин О. А. Человек, который пережил конец света // Карамзин : pro et contra. СПб., 2006. С. 795–803.

²⁴ Сергеев Д. В. Социально-культурная ситуация в России начала XXI в. : рецидивная культура, архаизация, изобретенная архаика // Мир России. 2012. № 3. С. 100–118.

²⁵ Мордовченко Н. И. Русская критика первой четверти XIX века. М., 1959. 430 с.

дворянского консерватизма», нивелирование роли религиозного фактора в истории и подчеркивающееся в современных историографических обзорах «бесплодие» советского этапа²⁶, наука этого периода, прежде всего литературоведение, внесла значительный вклад в изучение консервативной утопии А. С. Шишкова.

Как правило, обращение исследователей к вопросу о религиозности А. С. Шишкова происходило через рассмотрение роли народного языка и фольклора в идейных построениях адмирала, отмеченной еще в дореволюционной историографии. В той или иной степени данный аспект затрагивали такие масштабные фигуры советской науки как В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, Б. В. Томашевский, В. Э. Вацура²⁷. Одна из задач, которую они решали, заключалась в определении места А. С. Шишкова в процессе создания русского национального языка на основе синтеза трех составляющих: церковнославянской, разговорной²⁸ и народной стихий. Вершиной этого процесса стал, по общему признанию, гений А. С. Пушкина. Однако единства мнений о вкладе А. С. Шишкова в изучение фольклора достигнуто не было, поэтому можно говорить о наличии двух позиций по этому вопросу.

Большая часть исследователей (Ю. Н. Тынянов, Б. С. Мейлах, М. К. Азадовский, Н. И. Мордовченко, А. В. Архипова и др.²⁹) говорили о весомом вкладе А. С. Шишкова в изучение «народной стихии» русского литературного языка и

---

²⁶ Минаков А. Ю. Изучение русского консерватизма в современной российской историографии: некоторые направления и тенденции // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2005. № 1. С. 104–122; Ермаков А. В. Консервативное направление общественной мысли по вопросу просвещения России XIX в. : дис. ... канд. ист. наук. М., 1999. 177 с.; Минаков А. Ю., Репников А. В., Чернавский М. Ю. Консерватизм // Общественно-политическая мысль России XVIII – начала XX века. М., 2015. С. 217–220.

²⁷ Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М., 1982. 528 с.; Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959. 490 с.; Томашевский Б. В. Стилистика и стихосложение. Л., 1959. 534 с.; Вацура В. Э. Пушкинская пора. СПб., 2000. 620 с.

²⁸ Имеется в виду речь дворянской элиты. О восприятии слова «простонародный» у А. С. Шишкова см.: Успенский Б. А. Из истории русского литературного языка XVIII – начала XIX века. Языковая программа Карамзина и ее исторические корни. М., 1985. С. 45.

²⁹ Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М., 1969. 423 с.; Мейлах Б. С. А. С. Шишков и «Беседа любителей русского слова» // История русской литературы. М.; Л., 1941. Т. 5, ч. 1. С. 183–197; Азадовский М. К. История русской фольклористики. М., 1958. 477 с.; Мордовченко Н. И. Русская критика первой четверти XIX века. М., 1959. 430 с.; Архипова А. В. Проблема национальной самобытности в русской литературе первой четверти XIX в. (эпоха становления романтизма) // Русская литература и фольклор (первая половина XIX в.). М., 1976. С. 30–84. В это же время о романтизме А. С. Шишкова писали зарубежные исследователи, однако их контекст был связан с национальными настроениями: Thaden E. C. The Beginnings of Romantic Nationalism in Russia // American Slavic and East European Review. 1954. Vol. 13, № 4. P. 500–521; Leighton L. G. Russian Romantism : Two essays. The Hague, 1975. 128 p.

указывали на «шишковистов» как на романтиков. Так, Н. И. Мордовченко писал, что «Беседа любителей русского слова» в своем интересе к фольклору, древнерусской книжности подготовила их романтическое восприятие³⁰. С такой оценкой соглашался Б. С. Мейлах, отметивший описания А. С. Шишкова «художественных средств фольклорных произведений»³¹. В контексте романтизма изучался вклад «шишковистов» в комментирование «Слова о полку Игореве»³².

С таких же позиций оценивался вклад архаистов в изучение фольклора Ю. Н. Тыняновым, который буквально заново открыл тему споров «шишковистов» и «карамзинистов». Значение работ исследователя состояло в том, что он призвал отказаться от упрощения литературной полемики того времени и предложил более продуктивное рассмотрение дебатов не как борьбы между классиками и романтиками, а как «архаистов» и «новаторов». Казалось бы, со сменой наименований сущностных трансформаций не произошло, однако предложенные термины, быстро закрепившись в научной среде, в значительной мере переориентировали тему: теперь дискуссия рассматривалась как часть поступательного движения прогресса, в которой передовую роль играли не отдельные личности, а общественные силы, ориентиром для которых выступало прошлое или будущее. Ю. Н. Тынянов не только расширил круг «архаистов», разделив их на «старших» и «младших», но и указал связь последних с декабристскими проектами³³. Развивая это положение, исследователи писали о том, что романтизм декабристов был подготовлен творчеством «старших архаистов», в том числе А. С. Шишкова, в области фольклора и народного языка³⁴.

³⁰ Мордовченко Н. И. Указ. соч. С. 146.

³¹ Мейлах Б. С. Указ. соч. С. 188.

³² Прийма Ф. Я. «Слово о полку Игореве» в русском историко-литературном процессе первой трети XIX века. Л., 1980. 249 с.; Стеллецкий В. И. Перевод «Слова о полку Игореве» Н. М. Карамзина // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1951. Т. 8. С. 68–70; Гудзий Н. К. Судьбы печатного текста «Слова о полку Игореве» // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1951. Т. 8. С. 31–52.

³³ Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М., 1969. 423 с.

³⁴ Шадури В. С. Друг Пушкина А. А. Шишков и его роман о Грузии. Тбилиси, 1951. 382 с.; Мордовченко Н. И. Русская критика первой четверти XIX века. М., 1959. С. 89.

Признание исследователями заслуг А. С. Шишкова в области фольклористики определило постановку проблемы религиозных оснований его взглядов, поскольку, с точки зрения языковой концепции адмирала, церковнославянский язык и фольклор находились в одной плоскости идеализировавшегося прошлого. Однако в силу классового подхода развития этого аспекта в изучении историко-литературного наследия А. С. Шишкова не произошло.

В литературном контексте также был рассмотрен вопрос о масонстве А. С. Шишкова. В работе В. П. Семенникова, помещенной в сборнике «Радищев. Материалы и исследования», приведены сведения о подписке А. С. Шишкова на масонский журнал «Беседующий гражданин», издававшийся в 1789 г. Обществом друзей словесных наук³⁵, но развернутой интерпретации этот факт не получил.

Демонстрируя типичную для историка-марксиста точку зрения, В. А. Десницкий называл ориентацию А. С. Шишкова на народ «демагогией» и «средством борьбы феодального дворянства за сохранение старого порядка»³⁶. Для исследователя народный язык и религия в мировоззрении адмирала оказывались в тесной корреляции, поэтому, признавая первый элемент концепции адмирала несостоятельным, логически автор делал вывод о поверхностном отношении ко второму. Таким образом, воспроизводилась и не нарушалась логика формационной теории.

Обращение советских исследователей к темам «народности» и декабризма было обусловлено приоритетом проблем истории классовой борьбы, и, поскольку полемика «архаистов» и «новаторов» рассматривалась как внутриклассовая, как закономерный оценивался факт последующего сближения противоборствующих сторон. Такой подход позволил увидеть сходство в мировоззрении Н. М. Карамзина и А. С. Шишкова в доалександровское время. Например, Б. С. Мейлах заметил наличие идей сентиментализма в «Собрании детских повестей» А. С. Шишкова³⁷.

---

³⁵ Семенников В. П. Литературно-общественный круг Радищева // Радищев А. Н. Материалы и исследования. М., 1936. С. 237–238.

³⁶ Десницкий В. А. Избранные статьи по русской литературе XVIII–XIX вв. М. ; Л., 1958. С. 96.

³⁷ Мейлах Б. С. А. С. Шишков и «Беседа любителей русского слова» // История русской литературы. М. ; Л., 1941. Т. 5, ч. 1. С. 195.

Методологическая разработанность советской литературоведческой школы сказалась на немногочисленных работах зарубежных авторов, посвященных А. С. Шишкову. Так, в рамках теоретических положений В. В. Виноградова находились исследования французского ученого П. Гарда, анализировавшего не только полемику «шишковистов» и «карамзинистов», но и взаимоотношения лидеров этих групп³⁸. Однако отсутствие идеологических рамок предопределило более широкий взгляд исследователя на знаменитую литературную борьбу начала XIX в. Увидев в творчестве А. С. Шишкова зачатки настоящей лингвистической теории, П. Гард попытался связать их с политическими взглядами адмирала и высказал мысль о необходимости изучения деятельности «Беседы любителей русского слова» вне исследовательских стереотипов, сложившихся в XIX – начале XX в.

Таким образом, всестороннее изучение пушкинской эпохи в 1920–1950-е гг. сопровождалось открытиями в области языковой концепции А. С. Шишкова и установлением ее связей с идеями декабристов. Обозначенный круг тем включал в себя конфессиональные взгляды А. С. Шишкова, однако исследователям не удавалось вплотную приступить к их изучению в условиях доминировавшей методологической модели. Тем не менее лингвистический и литературный ракурсы рассмотрения консервативной утопии А. С. Шишкова позволили им установить корреляцию между языком и религией в концепции адмирала.

Исследования второго этапа стали прологом к «культурному взрыву» в филологии, осуществленному Ю. М. Лотманом и его школой в последующие годы. Сегодня, безусловно, назрела необходимость всестороннего научного осмысления вклада советской литературоведческой мысли в исследование консерватизма начала XIX в.

Однако уже сейчас можно сделать несколько замечаний по этому поводу. Важность языковой проблематики, обозначившаяся на данном историографическом этапе, в сущности, в дальнейшем определила интерес к вопросу о литературно-

---

³⁸ Garde P. A propos du premier mouvement slavophile // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1964. Vol. 5. № 3. P. 261–269 ; Garde P. Šiškov et Karamzin: deux ennemis? // Studia slavica mediaevalia et humanistica. 1986. № 1. P. 279–285.

языковых средствах как способу выражения политических позиций. В оформленном виде эта идея уже будет представлена в современных исследованиях, открывших исторические параллели в истории государственного строительства начал XIX и XX вв. и доказавших структурообразующую роль языка идеологии в процессах формирования нового национального комплекса ценностей³⁹.

В 1960-х гг. начался новый виток в изучении концепции А. С. Шишкова, обусловленный появлением работ Ю. М. Лотмана, Б. А. Успенского, Л. Н. Киселевой, М. Г. Альтшуллера, В. М. Живова, Ф. З. Кануновой, А. С. Янушкевича⁴⁰. Анализируя особенности русской культуры конца XVIII – начала XIX в., историю формирования русского литературного языка, авторы способствовали развитию представлений

о сложности и неоднозначности идей А. С. Шишкова и ввели применительно к его концепции термин «консервативной утопии»⁴¹. Применение структуралистских методов позволило проследить развитие идейных течений эпохи, выявить стратегии и модели развития культуры и в целом дать новое измерение понятию «человек в истории». Отказ от попыток выявить

---

³⁹ Миллер А. Империя Романовых и национализм : эссе по методологии исторического исследования. М., 2006. 248 с.

⁴⁰ Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Учен. зап. Тартус. гос. ун-та. 1977. Вып. 414. С. 3–36 ; Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре : Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1994. 339 с. ; Успенский Б. А. Из истории русского литературного языка XVIII – начала XIX века. Языковая программа Карамзина и ее исторические корни. М., 1985. 212 с. ; Киселева Л. Н. Идея национальной самобытности в русской литературе между Тильзитом и Отечественной войной (1807–1812) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1982. 16 с. ; Киселева Л. Н. Русский «архаист» в Европе // *Studia Rossica Helsingiensia et Tartuensia*. Тарту, 1995. IV : «Свое» и «чужое» в литературе и культуре. С. 66–86 ; Киселева Л. Н. С. Н. Глинка и кадетский корпус (из истории «сентиментального воспитания» в России) // Учен. зап. Тартус. гос. ун-та. 1982. Вып. 604 : Единство и изменчивость историко-литературного процесса. С. 48–63 ; Альтшуллер М. Г. «Слово о полку Игореве» в кругу «Беседы любителей русского слова» // Труды Отдела древнерусской литературы. 1971. Т. 26. С. 109–122 ; Альтшуллер М. Г. Творческое наследие Третьяковского в «Беседе любителей русского слова» // Венок Третьяковскому. Волгоград, 1976. С. 94–99 ; Альтшуллер М. Г., Мартынов И. Ф. «Звучащий стих свободы ради...» : очерки о читателях декабристской поры. М., 1976. 120 с. ; Живов В. М. Первые русские литературные биографии как социальное явление : Третьяковский, Ломоносов, Сумароков // Новое литературное обозрение. 1997. № 25. С. 24–83 ; Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века. М., 1996. 590 с. ; Канунова Ф. З., Янушкевич А. С. В. А. Жуковский – читатель и критик А. С. Шишкова : (по материалам библиотеки Жуковского) // Русская литература. 1975. № 4. С. 84–93.

⁴¹ Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Споры о языке в начале XIX в. как факт русской культуры («Происшествие в царстве теней, или Судьбина Российского языка» – неизвестное сочинение Семена Боброва) // Учен. зап. Тартус. гос. ун-та. 1975. Вып. 358. С. 168–322.

генерализирующее начало в определении исторических типов⁴² и складывание взгляда на личность как продукт своей эпохи поставило вопрос о системных связях между формами публичного поведения, частной жизнью и ценностными ориентирами конкретного исторического периода. Именно в этом исследователи данного направления видели возможности «декодирования», расшифровки «текста культуры».

Современный историк русского консерватизма Т.А. Егерев а однозначно определяет, что постсоветские исследования, посвященные А. С. Шишкову и его эпохе, находятся в методологических рамках, заданных школой Ю. М. Лотмана, в частности, в совместной с Б.А. Успенским статьей «Споры о языке в начале XIX века как факт русской культуры» (1975), в которой впервые прозвучала мысль не только об утопичности взглядов адмирала, но и их связи с эсхатологической картиной мира⁴³.

Таким образом, в московско-тартуской семиотической школе были сделаны основные открытия, касающиеся мировоззренческих основ раннего русского консерватизма, и был поставлен вопрос о необходимости конкретно-исторических исследований данной проблематики.

Современный (четвертый) этап изучения концепции А. С. Шишкова начался в конце XX в. с преодолением методологических подходов советской гуманитаристики и появлением новых направлений и методов исторического познания. Однако количество публикаций, посвященных консервативной утопии А. С. Шишкова, не было отмечено резким ростом, как следовало того ожидать. Этому способствовала определенная фактическая «решенность» задачи по реконструкции его жизни и творчества дореволюционными историками и советскими литературоведами, достигшими значительных результатов в определении вклада А. С. Шишкова в формирование русского литературного языка.

---

⁴² Так, для советских лингвистов важное значение имели понятия «тип», «стиль», «класс», через которые исследователи пытались выявить генерализирующее начало и которые зачастую навязывали тому или иному деятелю мировоззрение, ему не свойственное.

⁴³ Егерев а Т. А. Русские консерваторы в социокультурном контексте эпохи конца XVIII – первой четверти XIX вв. : на примере Н. М. Карамзина, А. С. Шишкова, С. Н. Глинки и Ф. В. Ростопчина : дис. ... канд. ист. наук. М., 2011. 375 с.

Пристальное внимание исследователей к литературным и языковым вопросам на предыдущих этапах сказалось на смене ориентиров современной историографии. Ученые, стремясь уйти от шаблонных оценок идейного наследия А. С. Шишкова, находятся сейчас в активном поиске новых тем и подходов к изучению роли адмирала в истории русской культуры первой трети XIX века. На сегодняшний день можно выделить несколько направлений исследований жизни и творчества А. С. Шишкова, в которых ставится вопрос об основаниях его консервативной утопии.

Исчерпанность литературоведческих работ советского периода по определению места А. С. Шишкова в процессе формирования русского литературного языка привела к появлению в 1980-е гг. трудов по истории лингвистики⁴⁴, которые были продолжены современными авторами⁴⁵. Исследователи, работающие в этом направлении, пытаются отказаться от навязанного дореволюционной либеральной историографией взгляда на языковую программу А. С. Шишкова как бесперспективную, его «непрофессионализм» и дилетантство в области лингвистики объясняют начальной стадией формирования этой науки, а языковые взгляды рассматривают в контексте общемировых тенденций. Так, А. М. Камчатновым, А. В. Прокофьевым были найдены параллели в концепциях А. С. Шишкова и В. Гумбольдта в области философии

---

⁴⁴ Кондрашов Н. А. Общелингвистические взгляды А. С. Шишкова // Лексическая, словообразовательная и синтаксическая семантика. М., 1980. С. 3–9 ; Файнштейн М. Ш. А. С. Шишков и словарь Академии Российской (1789–1794) // Словари и словарное дело в России XVIII в. Л., 1980. С. 157–163 ; Якимович Ю. К. Деятели русской культуры и словарное дело. М., 1985. 159 с. ; Коломинов В. В., Файнштейн М. Ш. Храм муз словесных : из истории Российской Академии. 1783–1841. Л., 1986. 151 с.

⁴⁵ Леурда И. Н. Взгляды А. С. Шишкова на историю русского литературного языка и дальнейшие пути его развития // Русский язык : история и современность. М., 1992. С. 14–24 ; Леурда И. Н. Общелингвистические взгляды А. С. Шишкова // Русский язык : история и современность. М., 1993. С. 83–92 ; Чердаков Д. Н. Семантика слова и развитие русского языка в концепции А. С. Шишкова // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 2, История, языкознание, литературоведение. 1996. Вып. 1. С. 37–44 ; Чердаков Д. Н. А. С. Шишков и А. Х. Востоков : к вопросу о соотношении старого и нового в истории отечественной филологии // Язык и речевая деятельность. СПб., 1998. Т. 1. С. 142–150 ; Захарова М. В. Языковые взгляды А. С. Шишкова и их отражение в его речевой практике : дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 174 с. ; Камчатнов А. М. В тени Карамзина : (страница из истории русского литературного языка) // Феномен русской духовности : словесность, история, культура. Калининград, 2007. С. 185–195 ; Камчатнов А. М. Язык императорских манифестов в эпоху Отечественной войны 1812 года // Вестн. Литературного института им. А. М. Горького. 2009. № 2. С. 177–200 ; Камчатнов А. М. У истоков русского исторического словообразования : Александр Семенович Шишков // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 4 (2). С. 530–534 ; Тетеркина С. В. Основные когнитивные признаки концепта «язык русских» в мировоззрении А. С. Шишкова [Электронный ресурс] // Современные исследования социальных проблем. 2012. № 3(11). Электрон. дан. URL: <http://ej.soc-journal.ru/archive/2012/3/tetyorkina.pdf> (дата обращения 16.07.2016) ; Михалев А. Б. Фоносемантические идеи в «Корнеслове» А. С. Шишкова // Русский язык и межкультурная коммуникация. 2014. № 1 (13). С. 151–159.

языка (в языке им виделось проявление «народного духа») и лингвистики (оба являлись сторонниками звукоподражательной теории возникновения языка и сравнительно-исторического метода в языкознании)⁴⁶.

В рамках второго направления, представленного работами В. И. Сахарова, активно разрабатывается такое понятие, как «масонская литература», введенное еще в 1947 г. Н. К. Пиксановым⁴⁷. В этой связи актуальны стали сведения, обнаруженные Т. О. Соколовской о членстве А. С. Шишкова в «Ложе Нептуна», которые рассматриваются если не как ключевой, то оказавший большое влияние на формирование литературно-языковой позиции адмирала факт. Это утверждение подлежит более подробному рассмотрению и доказательству и специально будет проанализировано далее.

Третья группа современных исследований, затрагивающих деятельность А. С. Шишкова, представлена работами К. Г. Боленко, Е. Э. Ляминой, Л. Н. Киселевой, В. Филатовой-Шишковой, которые находятся в том числе в рамках такого направления, как микроистория⁴⁸. Им принадлежит заслуга в публикации источников личного характера: были введены в научный оборот письма А. С. Шишкова к его первой жене Д. А. Шельтинг и членам семьи. Вырисовывавшиеся в этих источниках картины домашнего быта дворянина средней руки резко контрастируют с его консервативной концепцией, что настоятельно требует научной интерпретации. Не получили должной оценки и приведенные

---

⁴⁶ Камчатнов А. М. Русский Гумбольдт: к вопросу о лингвистической философии А. С. Шишкова // Кирилл и Мефодий : духовное наследие. Калининград, 2002. С. 3–15 ; Прокофьев А. В. А. С. Шишков: языковая утопия российского традиционализма и ее истоки // Философский век. СПб., 1998. Вып. 5 : Идея истории в российском просвещении. С. 249–257.

⁴⁷ Пиксанов Н. К. Масонская литература // История русской литературы : в 10 т. М. ; Л., 1947. Т. 4. Ч. 2. С. 51–84 ; Сахаров В. И. «Там гроб стоит...» : Державин и масоны // Мир романтизма. 2009. № 14. С. 153–156 ; Масонство и русская литература XVIII – начала XIX вв.. М., 2000. 272 с. ; Сахаров В. Каменщики в эпохах : масонство в русской армии // Родина. 2003. № 9. С.48–49.

⁴⁸ Шишков А. С. Письма А. С. Шишкова к жене (1797–1798 гг.). Ч. 1 / публ. Л. Н. Киселевой // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение : новая серия. Тарту, 1994. Вып. 1. С. 215–241 ; Боленко К. Г., Лямина Е. Э. «Классическое стихотворение». О детском стихотворении А. С. Шишкова «Николашина похвала зимним утехам» // Новое литературное обозрение. 1994. № 6. С. 222–227 ; Шишков А. С. Письма А. С. Шишкова к жене (1797–1798 гг.). Ч. 2 / публ. Л. Н. Киселевой // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение : новая серия. Тарту, 1996. Вып. 2. С. 258–297 ; Боленко К.Г. «Kleine Kinderbibliothek» И. Г. Кампе в переводе А. С. Шишкова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8, История. 1996. № 3. С. 57–68 ; Филатова-Шишкова В. «Неугомонный русопят» : к 160-летию со дня смерти адмирала, министра народного просвещения, писателя и государственного деятеля Александра Семеновича Шишкова // Наш современник. 2001. № 4. С. 284–287 ; Из семейной переписки А. С. Шишкова / вступ. ст. и публ. К. Г. Боленко, Е. Э. Лямина // Пушкин и его современники. СПб., 2005. Вып. 4 (43). С. 63–163.

исследователями сведения о методах воспитания, в том числе религиозного, принятых в семье А. С. Шишкова.

Наиболее разработанной тема религиозности А. С. Шишкова оказалась в рамках исследований русского консерватизма и национальной идеи, которые составляют четвертое направление. Оно представлено работами А. Мартина, М. Г. Михайловского, А. Ю. Минакова, А. В. Ермакова, Т. А. Егеревой, В. С. Парсамова, А. Е. Гребенщикова⁴⁹. Эта проблематика находится сейчас на пике популярности: проводятся научные конференции, симпозиумы, выходят в свет энциклопедические издания, созданы научные школы, среди которых наиболее известными и авторитетными стали воронежская (руководитель А. Ю. Минаков) и пермская (руководитель П. Ю. Рахшмир)⁵⁰.

Результатом комплексного научного рассмотрения феномена консерватизма явились появление ряда обобщающих трудов по истории русской общественной мысли⁵¹, создание библиографической базы данных «Российский консерватизм»⁵². Тем не менее огромный объем материалов и исследований не исчерпывает проблематики истории русского консерватизма и открывает все новые и новые позиции для осмысления одного из важнейших направлений общественной мысли.

Религия трактуется исследователями как основа русского консерватизма, что нашло отражение в определении, данном ведущими специалистами в области

⁴⁹ Мартин А. «Россия есть европейская держава...»: проблема «Россия и Европа» в консервативной мысли эпохи Александра I (А. С. Шишков, С. Н. Глинка, А. С. Стурдза) // Исследования по консерватизму. Пермь, 1998. Вып. 5. С. 14–22; Михайловский М. Г. Государственный совет Российской империи. Государственные секретари. А. С. Шишков // Вестн. Совета Федерации. 2007. № 6. С. 28–39; Минаков А. Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж, 2011. 560 с.; Егерева Т. А. Русские консерваторы в социокультурном контексте эпохи конца XVIII – первой четверти XIX вв.: на примере Н. М. Карамзина, А. С. Шишкова, С. Н. Глинки и Ф. В. Ростопчина: дис. ... канд. ист. наук. М., 2011. 375 с.; Парсамов В. С. Конструирование идеи народной войны в 1812 г. // Новое литературное обозрение. 2012. № 118. С. 69–94; Гребенщиков А. Е. Взгляды адмирала А. С. Шишкова на сословный вопрос в России // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2015. Т. 20, № 12 (152). С. 111–116.

⁵⁰ Исследования по консерватизму / гл. ред. П. Ю. Рахшмир. Пермь, 1994. Вып. 1: Консерватизм в современном мире. 152 с.; Рахшмир П. Ю. Три консервативные традиции: общее и особенное // Исследования по консерватизму. Пермь, 1995. Вып. 2: Консерватизм в политическом и духовном измерениях. С. 4–17; Консерватизм в России и мире: в 3 ч. Воронеж, 2004. Ч. 1–3; Минаков А. Ю. Указ. соч.

⁵¹ Чернавский М. Ю. Идеологии либерализма и консерватизма. М., 2008. 379 с.; Общественная мысль России XVIII – начала XX в.: [энциклопедия]. М., 2005. 637 с.; Русский консерватизм середины XVIII – начала XX в.: [энциклопедия]. М., 2010. 637 с.

⁵² Информационная система «Российский консерватизм XIX–XX веков»: библиографическая база данных / А. Ю. Минаков [и др.] // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. История. Политология. Социология. 2012. № 2. С. 134–137; Российский консерватизм [Электрон. ресурс]. Воронеж, [б. г.]. URL: <http://conservatism.lib.vsu.ru> (дата обращения 13.04.2016).

истории общественной мысли А. Ю. Минаковым, А. В. Репниковым, М. Ю. Чернавским: «Консерватизм – общественно-политическое течение, опиравшееся на религиозные (в России – православные) принципы мировосприятия и отстаивавшее традиционные устои социальной и политической жизни с позиций последовательного антилиберализма. Как антилиберальная и религиозно ориентированная система воззрений на мир, общество и человека, консерватизм исходит из идеи Бога, ставит в центр мироздания Божество»⁵³.

Определив религиозное мировоззрение как неотъемлемую часть консервативных убеждений, авторы сделали акцент на том, что православие было для консерваторов своего рода «идеологическим оружием», атрибутом «русскости». Отмечая политизированную сторону религиозных воззрений консерваторов, исследователи выделили особый тип русского консерватизма – церковный консерватизм, к которому ими отнесены деятели церкви и некоторые чиновники (в том числе А. С. Шишков), отстаивавшие доминирование православных ценностей при решении внутривнутриполитических задач. Эти положения на настоящем этапе требуют включения в сферу анализа механизмов трансляции православной картины мира, что позволит не только поднять вопрос о политическом аспекте идей А. С. Шишкова, но и определить историко-культурные последствия религиозного оформления его консервативных взглядов.

И, наконец, пятая группа исследователей (Е. Е. Земскова, А. Л. Зорин, А. Д. Ивинский, Е. Э. Лямина, О. А. Проскурин, В. Проскурина, Т. Смолярова, А. Г. Альтшуллер⁵⁴) продолжают исследования в русле методологии Ю. М. Лотмана, выбрав в качестве предмета изучения русскую культуру рубежа XVIII–XIX вв. Именно в этой области были сделаны основные выводы, применимые к

⁵³ Минаков А. Ю., Репников А. В., Чернавский М. Ю. Консерватизм // Общественно-политическая мысль России XVIII – начала XX века. М., 2015. С. 217.

⁵⁴ Лямина Е. Э. Общество «Беседа любителей русского слова»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1995. 17 с.; Земскова Е. Е. О роли языка в построении национальной утопии: «онемечивание» Кампе и «корнесловие» Шишкова // Философский век. 2000. Вып. 12: Российская утопия: от идеального государства к совершенному обществу. С. 86–98; Проскурин О. А. Литературные скандалы пушкинской эпохи. М., 2000. 366 с.; Зорин А. «Кормя двуглавого орла...»: литература и государственная идеология в России последней трети XVIII – первой трети XIX в. М., 2004. 416 с.; Проскурина В. Мифы империи: литература и власть в эпоху Екатерины II. М., 2006. 328 с.; Альтшуллер М. Г. Беседа любителей русского слова: у истоков русского славянофильства. М., 2007. 444 с.; Ивинский А. Д. Литературная политика императрицы Екатерины II: «Собеседник любителей русского слова»: дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 337 с.; Смолярова Т. Зримая лирика. Державин. М., 2011. 608 с.

настоящей работе. Так, А. Л. Зорин, развивая концептуальные идеи К. Гирца, показал принципиальную близость литературы и идеологии. Более того, первая давала «пищу» и основания для идеологических концепций, являясь своего рода «депозитарием» смыслов.

Личностный аспект проблемы взаимосвязей литературы и идеологии демонстрирует в своей работе Т. Смолярова, проанализировавшая новое мировидение Г. Р. Державина («оптику»), которое отражало процесс концептуализации и осознания макроисторических изменений⁵⁵.

Чрезвычайно интересны исследования Е. Е. Земсковой, посвященные транскультурным связям и влиянию немецкой мысли на становление русского национального дискурса. Уделив особое внимание взглядам А. С. Шишкова, автор описывает их как «псевдоконсервативную утопию» и раскрывает связи концепции адмирала с позициями немецких пуристов⁵⁶.

Таким образом, к настоящему времени в рамках разных научных дисциплин сформулирована задача изучения религиозных оснований консерватизма А. С. Шишкова. С точки зрения лингвистики возникла необходимость установления соотношения между церковнославянской языковой традицией, европейскими заимствованиями и фольклорными оборотами, использовавшимися адмиралом. Для истории общественной мысли существенное значение имеет включение в исследовательское пространство религиозных представлений, предпочтений и идеалов эпохи, связанных как с православной доктриной, так и с масонством. Наконец, в истории литературы принципиально важным является вопрос о связях идеологических и литературных текстов второй половины XVIII – первой трети XIX в., включающих религиозные символы, образы и метафоры.

В поле внимания исследователей попадали разные аспекты проблемы «религия – консерватизм». Однако не было предложено модели анализа, позволяющей понять: были ли заявления А. С. Шишкова о важности для формирования личности церковнославянского языка и православия лишь полемическими высказываниями «на злобу дня» или они явились итогом

---

⁵⁵ Смолярова Т. Указ. соч.

⁵⁶ Земскова Е. Е. Указ. соч.

целенаправленной и осознанной интеллектуальной работы дворянина начала XIX в. На наш взгляд, конкретно-исторические и методологические результаты изучения текстуального наследия А. С. Шишкова и раннего русского консерватизма в целом дают возможность ответить на поставленный вопрос.

Гипотеза исследования: консервативная утопия А. С. Шишкова опиралась на традиционное понимание мира, актуализировавшееся в эпоху грандиозных перемен и ломки обыденной жизни, и демонстрировала особую форму русской религиозности интеллектуалов последней трети XVIII – первой трети XIX в. В политической деятельности А. С. Шишкова православные ценности были не просто декларируемым «символом национальной идентификации и политической лояльности»⁵⁷, они определяли логику и язык ведения борьбы с негативными последствиями модернизации.

Объектом исследования является интеллектуальное наследие А. С. Шишкова как идеолога раннего консерватизма, **предметом исследования** – религиозная составляющая мировоззрения А. С. Шишкова, отразившаяся в его концепции и моделях самопрезентации.

Цель диссертационного исследования – выявить факторы, условия и результаты формирования религиозной составляющей консервативной утопии А. С. Шишкова в контексте социокультурной ситуации последней трети XVIII – первой трети XIX вв.

Задачи:

1. Реконструировать факторы архаизации мировоззрения российского дворянина в контексте духовных исканий и эсхатологических представлений интеллектуальной элиты в последней трети XVIII – первой трети XIX в.

2. Охарактеризовать историко-лингвистические представления А. С. Шишкова в их корреляции с процессами формирования государственной консервативной идеологии.

3. Определить связи концепции адмирала с традиционным православным культурным комплексом и его значение при складывании идеологии раннего консерватизма.

---

⁵⁷ Минаков А. Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж, 2011. С. 342.

4. Раскрыть роль традиционных религиозных ценностей и литературных образов в процессах формирования социальных практик русского дворянина первой трети XIX столетия (на примере моделей самопрезентации А. С. Шишкова).

Хронологические рамки исследования – последняя треть XVIII – первая треть XIX в. – обусловлены временем формирования и функционирования в качестве идеологической доминанты консервативной утопии А. С. Шишкова и ее ролью в политической жизни эпохи.

Научная новизна исследования определяется спецификой объекта исследования: впервые консервативная утопия А. С. Шишкова рассматривается с точки зрения ее религиозных оснований, актуализировавшихся на фоне макроисторических изменений рубежа конца XVIII – начала XIX в. Вводимые в научный оборот новые источники дополняют выводы историков о факторах архаизации мировоззрения дворянина и дают возможность проследить механизмы трансляции идей консервативной утопии А. С. Шишкова в общественно-политическую жизнь. Применение методологического подхода «новой имперской истории» и модели исследования, разработанной в рамках изучения этноконфессиональных практик чтения и письма, позволило уточнить пути развития консервативного направления общественной мысли Российской империи в начале XIX в.

Теоретическая и практическая значимость. Основные положения диссертационного исследования дополняют и расширяют представления историков о становлении консерватизма в России. Его рассмотрение с позиций «новой имперской истории» позволило по-новому взглянуть на проблему и предложить методику ее решения. Результаты исследования могут быть использованы при подготовке курсов по истории русского консерватизма, исторической мысли рубежа XVIII–XIX вв., а также применены в обобщающих работах по истории русской культуры XVIII–XIX вв.

Методологическая и методическая основа диссертации. Методологическим основанием реконструкции религиозной составляющей

консервативной утопии А. С. Шишкова явились идеи «новой имперской истории», сложившиеся в начале XXI в.⁵⁸ Применение достижений этого направления исторической мысли обусловлено его ключевой задачей – анализировать феномен империи не с точки зрения структуралистских, эссенциалистских и функциональных походов, во главу угла ставивших противопоставление империи и национального государства, но с позиций категории разнообразия, сохранение и воспроизводство которого обеспечивают динамику имперского развития.

Понять («ухватить») логику сочетания несочетаемого можно только при анализе момента столкновения с Другим и формирования в результате этого особого дискурса – «языка самоописания империи», передающего «исторический опыт при помощи доступных инструментов сигнификации»⁵⁹. Интерпретируемый достаточно широко (начиная от собственно лингвистических и исторических экскурсов в прошлое, заканчивая самопозиционированием в многомерном культурном пространстве империи на основе социологических и естественнонаучных исследований) «язык самоописания империи» всегда, тем не менее, является ответом на определенные вызовы современного общества.

Представленные в таком контексте утопические проекты имперского прошлого открывают важную рефлексивную сторону населения империи: являясь продуктом коллективного творчества, утопия демонстрировала собой образ идеального общества, лишённого недостатков современности. На наш взгляд, обращение к религиозным основаниям консервативной утопии позволяет открыть еще один «язык самоописания империи» – дискурс, который до сих пор оставался малозамеченным исследователями и потому могущий прояснить механизмы взаимодействия религиозного сознания и сознания модернизирующегося.

---

⁵⁸ Хоскинг Д. Россия: народ и империя (1552–1917). Смоленск, 2001. 510 с. ; Российская империя в сравнительной перспективе. М., 2004. 383 с. ; Миллер А. Империя Романовых и национализм : эссе по методологии исторического исследования. М., 2006. 248 с. ; Герасимов И., Глебов С., Кусебер Я., Могильнер М., Семенов А. Новая имперская история и вызовы империи // *Ab imperio*. 2010. № 1. С. 19–52 ; Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России. М., 2012. 951 с. ; Эткинд А. М. Внутренняя колонизация : имперский опыт России. М., 2014. 441 с. ; Чуркин М. К. Колонизация Степного края Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. : историографическая традиция и исследовательские практики // *Вестн. Том. гос. ун-та*. 2016. № 406. С. 158–163.

⁵⁹ Новая имперская история и вызовы империи / И. Герасимов [и др.] // *Ab imperio*. 2010. № 1. С. 44.

Такой подход определил использование в диссертационном исследовании достижений московско-тартуской семиотической школы, сделавшей важные открытия в области знаковой природы культуры. Создатели семиотики как научного направления (Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский, В. М. Живов и др.) при изучении послепетровской культуры исходили из следующих предпосылок: 1) основу («ядро») русской культуры XVIII – начала XIX в. составили традиционные представления допетровского общества; 2) толчком («катализатором») к развитию традиционного общества послужила начатая Петром модернизация, в ходе которой происходило усвоение частью русского дворянства фрагментов чужих культурных систем («периферия»); 3) динамика дворянской культуры этого периода обеспечивалась постоянным взаимодействием «ядра» и «периферии»⁶⁰.

Вместе с тем не раскрытым до конца остается вопрос о том, за счет чего происходили процессы сохранения и трансляции традиционного «ядра» русской культуры. В методологическом плане эту брешь восполняют исследования, посвященные изучению соотношения «Языка», «Текста» и «Шрифта» в сравнительно-исторической перспективе⁶¹, в методическом – исследования по культуре чтения, показавшие, что именно через практики чтения конфессиональной литературы (как вслух, так и «про себя») в русском дворянстве сохранялись и продолжали воспроизводиться традиционные религиозные представления⁶². Их фиксация в сфере литературы предопределила использование в работе теоретических положений К. Гирца, А. Л. Зорина, В. Проскуриной⁶³ о конструктивистской роли литературной метафоры в идеологическом пространстве, которые перекликаются с исследованиями в области теории

---

⁶⁰ Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М., 1992. 271 с. ; Лотман, Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1999. 447 с. ; Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века. М., 1996. 590 с.

⁶¹ Померанц Г. С. Великие нации живут мировыми задачами // Западники и националисты: возможен ли диалог? : материалы дискуссии. М., 2003. С. 124–143 ; Шемякин Я. Г. Субэкумены и «пограничные» цивилизации в сравнительно-исторической перспективе : (о характере соотношения Языка, Текста и Шрифта) // Общественные науки и современность. 2014. № 2. С. 113–123 ; № 3. С. 119–129.

⁶² Рейтблат А. И. Как Пушкин вышел в гении : Историко-социологические очерки о книжной культуре пушкинской эпохи. М., 2001. 328 с. ; Материалы Международного научного симпозиума «Книжность этноконфессиональных культур прошлого и настоящего : методология, методика и практика исследования», Томск, 14–15 июня 2012 // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2013. № 1. С. 7–79.

⁶³ Гирц К. Интерпретация культур. М., 2004. 560 с. ; Зорин А. «Кормя двуглавого орла...» : литература и государственная идеология в России последней трети XVIII – первой трети XIX в. М., 2004. 416 с. ; Проскурина В. Мифы империи : литература и власть в эпоху Екатерины II. М., 2006. 328 с.

когнитивной метафоры⁶⁴, рассматривающие ее как «средство концептуализации, позволяющее осмыслить ту или иную область действительности в терминах понятийных структур, изначально сложившихся на базе опыта, полученного в другой области»⁶⁵.

Погружение предмета исследований – традиционных представлений в консервативной утопии А. С. Шишкова – в пространство социального взаимодействия и публичного поведения обусловило привлечение работ в области исследования феномена жизнотворчества и культурных моделей поведения (Л. Я. Гинзбург, Ю. М. Лотман, О. Б. Вайнштейн)⁶⁶.

Модель диссертационного исследования строится на рассмотрении коммуникативной ситуации «социокультурная среда – религиозный текст – человек», анализ которой был предложен интернациональным междисциплинарным исследовательским коллективом как определяющей в процессах культурной динамики⁶⁷ и в настоящее время апробируется при изучении этноконфессиональных практик письма и чтения⁶⁸.

Таким образом, исследование религиозных оснований консервативной утопии А. С. Шишкова разворачивается в трех «измерениях»:

1) контекстуальном как процесс архаизации, когда в случае крайней неустойчивости социальной системы происходит обращение к сформированному

⁶⁴ Теория метафоры / вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой. М., 1990. 512 с. ; Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем. М., 2004. 256 с.

⁶⁵ Калашникова Л. В. Приоритетная роль метафоры в процессе познания // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2008. № 2. С. 49.

⁶⁶ Гинзбург Л. О психологической прозе. Л., 1977. 462 с. ; Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре : быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1994. 339 с. ; Вайнштейн О. Б. Жизнотворчество в культуре европейского романтизма // Вестн. Рос. гос. гуманитарного ун-та. 1998. Вып. 2. 161–186.

⁶⁷ Базаров А. А., Бахтина О. Н., Дутчак Е. Е. Роль священной книги в традиционных культурах Сибири («социальная археография») // Проблемы сибирской ментальности : [коллект. монография]. СПб., 2004. С.147–164 ; Бахтина О. Н., Керов В. В., Дутчак Е. Е. «Егда чтем, Господь к нам беседует»: к вопросу об институционализации социальной археографии // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. История России. 2006. № 2 (6). С. 73–85 ; Росісчїна Е. Проблемы исследования памятников старообрядческой письменности // Язык и текст в системном и историческом аспекте. Olsztyn, 2011. С. 9–44; Дутчак Е. Е., Ким Е. А., Васильев А. В., Полежаева Т. В. Православный ландшафт таежной Сибири: концепция исследования // Сибирские исторические исследования. 2013. № 1. С. 79–90.

⁶⁸ Полежаева Т. В. Казус одного еврея: чтение как фактор формирования / разрушения этноконфессиональной идентичности // История мировых цивилизаций. Культурные события как отражение общественных процессов. Красноярск, 2012. С. 202–214 ; Базаров А. А. Буддийская книжность в области парчин: между философией и ритуалом // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер. История. 2013. № 1 (21). С. 58–62 ; Дутчак Е. Е., Ким Е. А., Буркун А. О. Крестьянская община и старообрядческий скит: формула притяжения // Православная культура вчера и сегодня [коллект. монография]. Olsztyn, 2015. С. 235–251.

(имеющемуся) религиозному комплексу, традиционным ценностям и воззрениям (в том числе – эсхатологического характера);

2) нарративном как определенная технология работы с текстом⁶⁹, направленная на выработку соответствующих внешним вызовам идентификационных стратегий;

3) социально организационном как набор поведенческих моделей-сценариев, ориентированных на адаптацию социокультурной системы к изменившимся условиям бытования.

Поставленная в исследовании цель обусловила применение общенаучных методов (анализ, синтез, сравнение, классификация и типология), а также специальных методов исторического исследования (историко-генетического и проблемно-хронологического). Историко-генетический метод позволил проследить связи консервативной утопии А. С. Шишкова, оформившейся в XIX в., с его ранним литературным творчеством XVIII в. При помощи проблемно-хронологического метода были определены основные вехи в складывании утопии А. С. Шишкова и на этой основе реализован анализ его моделей публичного поведения.

Источниковая база исследования. Задачи исследования определили круг использованных источников. В их число вошли как опубликованные документы, так и неопубликованные архивные материалы, хранящиеся в фондах Рукописного отдела Института русской литературы РАН (Пушкинский дом) и Российском государственном историческом архиве⁷⁰. В целом, выбранная источниковая база разнообразна по видовому составу и соответствует поставленной цели.

В число *законодательных материалов*, использованных в диссертационном исследовании, вошли утвержденный Екатериной II доклад И. И. Бецкого «О воспитании обоего пола юношества» (1764 г.); манифесты Александра I времен Отечественной войны 1812 г., написанные А. С. Шишковым; цензурный устав

---

⁶⁹ Текст здесь понимается как часть профессионального дискурса : Виноградский В. Г. Затихающие голоса: крестьянские нарративы во времени // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. 2013. Вып. 8. С. 121–134.

⁷⁰ РО ИРЛИ РАН. Ф. 636. Архив Шишкова А.С. ; РГИА. Ф. 1673. Шишков Александр Семенович.

1826 г.⁷¹ Источники данной группы позволили установить правовые рамки жизни человека последней трети XVIII – первой трети XIX в. и выявить взгляды политической элиты на роль процесса воспитания в национальной политике. Документы, вышедшие из-под пера А. С. Шишкова, ярко демонстрируют особенности языка его консервативной концепции в государственной практике.

Реконструкция обстоятельств продвижения А.С. Шишкова по социальной и карьерной лестнице и выявление его моделей самопрезентации стали возможными благодаря *делопроизводственным источникам*, которые представлены в диссертационном исследовании, в основном, архивными документами: записка А. С. Шишкова «о несправедливом отобрании в казну части его земель в Тверской губернии по решению Межевой канцелярии» (1824 г.), его завещание (черновики 1832–1840 гг.), «Прошение адмирала А. С. Шишкова в Капитул императорских и царских орденов о выплате денег (со сведениями о жаловании Шишкову по разным должностям)» (1836 г.) и др.⁷² В этих документах нашли отражение служебный статус и материальное положение А. С. Шишкова в годы его службы при императорах Павле, Александре. Кроме того, были получены сведения о происхождении его рода и семейных связях, что дало повод усомниться в его легенде об отсутствии покровителей.

---

⁷¹ Высочайше утвержденный доклад Академии Художеств Главного Директора Генерал-Поручика Бецкого «О воспитании обоего пола юношества» // Полное собрание законов Российской империи : Собрание первое : С 1649 по 12 декабря 1825 года. СПб., 1830. Т. 16. № 12.103. С. 668–671 ; Высочайше утвержденный Устав о Цензуре, 10 июня // Полное собрание законов Российской империи : Собрание 2. СПб., 1830. Т. 1 : С 12 декабря 1825 по 1827. № 403. С. 550–571 ; Манифесты и рескрипты Александра I, написанные А. С. Шишковым в военные 1812–1813 гг., содержатся в : Шишков А. С. Краткие записки адмирала А. Шишкова, веденные им во время пребывания его при блаженной памяти Государе Императоре Александре Первом в бывшую с Французами в 1812 и последующих годах войну. СПб., 1831. 300 с. ; Приложение // Шишков А. С. Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова : в 2 т. Берлин, 1870. Т. 1. С. 421–479.

⁷² Записка Шишкова А. С. о несправедливом отобрании в казну части его земель в Тверской губернии по решению Межевой канцелярии 1824 // РГИА. Ф. 1673. Оп. 1. Д. 7. Л. 6 ; Записка Шишкова А. С. о его службе с 1767–1828 г., составленная по случаю его представления к «Знаку отличия беспорочной службы» (копия), март 1828 // РГИА. Ф. 1673. Оп. 1. № 2. Л. 2 ; Духовные завещания Шишкова А. С., письмо его к Александру I и переписка с разными лицами по поводу завещания (черновики, написанные Сербиновичем К. С.). 5 янв. 1832 г. – сент. 1840 г. // РГИА. Ф. 1673. Оп. 1. Д. 5. Л. 11 ; Прошение адмирала Шишкова А. С. в Капитул императорских и царских орденов о выплате денег (со сведениями о жаловании Шишкову по разным должностям) от 5 мая 1827 // РГИА. Ф. 1673. Оп. 1. № 3. Л. 3 ; Род Шишковых // Родословная книга князей и дворян российских (бархатная книга) а также Гербовники Всероссийского и Польского дворянства : с указателями [Электронный ресурс] / сост. В. Дурасов. Электрон. дан. М., 2004. С. 149–156. URL: <http://eknigi.org/istorija/58929-rodoslovnaya-kniga-knyazej-i-dvoryan-rossijskix.html> (дата обращения: 07.01.2016).

Основу исследования составили *источники личного происхождения*. Исходя из установки на принесение пользы Отечеству, А. С. Шишков ответственно подходил к своему жизненному опыту, который стремился передать последующему поколению через сочинения мемуарного характера. К ним можно отнести «Записки, мнения и переписка адмирала Шишкова» в 2 т., «Разбитие русского военного корабля у берегов Швеции в 1771 году (Отрывок из жизни N...)» и др.⁷³ Необходимо отметить специфику мемуарных источников этого времени, которые отражают эволюцию «исторического самосознания личности», обусловленную переходом общества от средневековья к Новому времени⁷⁴.

Помимо мемуарных записей к группе эго-документов относится также переписка А. С. Шишкова, как деловая, так и семейная, материалы которой были частично введены в научный оборот Л. Н. Киселевой, К. Г. Боленко, Е. Э. Ляминой, В. Шадури⁷⁵. Из ее неопубликованной части при решении задач диссертационного исследования использованы письма С. Т. Аксакова и Евгения, епископа Курского и Белогородского⁷⁶.

Источники личного происхождения представлены также широким кругом воспоминаний современников А. С. Шишкова. Мемуарные записи С. Т. Аксакова

---

⁷³ Военные действия русского флота против шведского в 1788, 89 и 90 годах, почерпнутые из дневных записок и донесений Главноначальствовавшего над оным адмирала Чичагова / Издал с примечаниями своими А. Ш. СПб., 1826. 294 с. ; Шишков А. С. Разбитие русского военного корабля у берегов Швеции в 1771 г. // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской Академии Президента и разных ученых обществ Члена : в 17 ч. СПб., 1828. Ч. XII. С. 262–333; Шишков А. С. Краткие записки адмирала А. Шишкова, веденные им во время пребывания его при блаженной памяти Государе Императоре Александре Первом в бывшую с Французами в 1812 и последующих годах войну. СПб., 1831. 300 с. ; Шишков А. С. Записки адмирала А. С. Шишкова, веденные им во время путешествия его из Кронштада в Константинополь. СПб., 1834. 117 с. ; Шишков А. С. Записки адмирала Александра Семеновича Шишкова. М., 1869. 142 с. ; Шишков А. С. Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова : в 2 т. Берлин, 1870. Т. 1. 479 с. ; Шишков А. С. Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова : в 2 т. Берлин, 1870. Т. 2. 464 с. ; Шишков А. С. Заметки его о русском языке [Б. д.] // РО ИРЛИ РАН. Ф. 636 : Архив Шишкова А. С. (Собрание Дашкова П. Я.). Оп. 3. № 4. Л. 4 ; Шишков А. С. Последние мои всеподданейшие просьбы (черновик обращения его к Николаю I) [Б. д.] // РО ИРЛИ РАН. Ф. 636 : Архив Шишкова А. С. (Собрание Дашкова П. Я.). Оп. 2. № 3.

⁷⁴ Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в. : от рукописи к книге. М., 1991. С. 11–18.

⁷⁵ Приложение (извлечения из архивов) [письма А. С. Шишкова, А. А. Шишкова, А. П. Ермолова, И. А. Вельяминова, А. Х. Бенкендорфа и других по поводу ссылки А. А. Шишкова на Кавказ и в связи с делом декабристов] // Шадури В. Друг Пушкина А. А. Шишков и его роман о Грузии. Тбилиси, 1951. С. 327–383 ; Шишков А. С. Письма А. С. Шишкова к жене (1797–1798 гг.). Ч. 1 / публ. Л. Н. Киселевой // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение : новая серия. Тарту, 1994. Вып. 1. С. 215–241 ; Шишков А. С. Письма А. С. Шишкова к жене (1797–1798 гг.). Ч. 2 / публ. Л. Н. Киселевой // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение : новая серия. Тарту, 1996. Вып. 2. С. 258–297 ; Из семейной переписки А. С. Шишкова / вступ. ст. и публ. К. Г. Боленко, Е. Э. Лямина // Пушкин и его современники. СПб., 2005. Вып. 4 (43). С. 63–163.

⁷⁶ Письмо Аксакова Сергея Тимофеевича к Шишкову А. С. от 12 авг. 1827 // РГИА. Ф. 1673. Оп. 1. № 122. Л. 2 ; Евгений, епископ Курский и Белогородский. Письмо Шишкову, Александру Семеновичу от 20 февр. 1820 г. // РО ИРЛИ РАН. Ф. 636. Оп. 3. № 8. Л. 2.

Э. М. Арндта, Ф. В. Булгарина, Ф. Ф. Вигеля, П. А. Вяземского, Н. И. Греча, И. И. Дмитриева, С. П. Жихарева, барона фон Штерна и других⁷⁷ задают исторический контекст деятельности А. С. Шишкова, описывая детали семейной обстановки, государственной деятельности адмирала. Своеобразную реализацию идей А. С. Шишкова представляет собой деятельность С. А. Ширинского-Шихматова, участника «Беседы любителей русского слова», принявшего впоследствии монашеский сан. Описание его жизни дано в книге «О жизни и трудах иеромонаха Аникиты, в миру князя Сергея Александровича Ширинского-Шихматова»⁷⁸. Мемуары современников позволили критически взглянуть на факты, приведенные А. С. Шишковым о своей жизни, и оценить реакцию интеллектуальной элиты первой трети XIX в. на его идеи.

Консервативная концепция А. С. Шишкова обретала свой облик в ходе полемики, основные вехи которой зафиксированы в материалах *публицистики*. Начавшаяся с издания сочинения А. С. Шишкова «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» (1803 г.) полемика между «архаистами» и «новаторами» сопровождалась активной публикационной деятельностью с обеих сторон. В пылу споров появились как прямо отвечающие на критику противников сочинения А. С. Шишкова («Прибавление к сему сочинению, или Собрание критик...»), так и произведения, расширявшие и уточнявшие его языковую программу («Разговоры о словесности между двумя лицами Аз и Буки...», «Рассуждение о красноречии Священного Писания ...», «Рассуждение о любви к Отечеству», «Речь Министра Народного Просвещения по случаю собрания членов Главного

---

⁷⁷ Аксаков С. Т. Воспоминание о Александре Семеновиче Шишкове // Аксаков С. Т. Полное собрание сочинений : в 6 т. СПб., 1886. Т. 3. С. 172–219 ; Булгарин Ф. Докладные записки и письма в III отделение / публ. А. Рейтблата // Вопросы литературы. 1990. № 3. С. 102–114 ; Вигель Ф. Ф. Записки. М., 2000. 590 с. ; Вяземский П. А. Старая записная книжка. М., 2000. 364 с. ; Глинка С. Н. Записки Сергея Николаевича Глинки. СПб., 1895. 380 с. ; Греч Н. И. Записки о моей жизни. М., 1990. 396 с. ; Державин Г. Р. Записки 1743–1812. М., 2000. 334 с. ; Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь : в 3 ч. М., 1866. 311 с. ; Дмитриев М. А. Московские элегии : стихотворения. Мелочи из запаса моей памяти. М., 1985. 317 с. ; Жихарев С. П. Записки современника. М. ; Л., 1955. 834 с. ; Из воспоминаний Э. М. Арндта о 1812 г. // Русский архив. 1871. № 2. Стб. 76–120 ; Свербеев Д. Н. Первая и последняя моя встреча с А. С. Шишковым (из записок Д. Н. Свербеева) // Русский архив. 1871. Т. LXXXVIII. Вып. 9. Стб. 162–182 ; Штейн К. Ф. Х. фон. Барон Штейн о России // Русский архив. 1872. № 2. Стб. 126–128 ; Arndt E. M. Erinnerungen aus dem äußeren Leben. Leipzig, 1840. 381 s.

⁷⁸ О жизни и трудах иеромонаха Аникиты, в мире князя С. А. Ширинского-Шихматова. СПб., 1853. 69 с.

Правления Училищ к предварительному совещанию по делам Министерства»⁷⁹. В них ярко проявилось содержание консервативной утопии А. С. Шишкова и механизмы ее реализации. Так, содержание помет А.С. Шишкова на полях газеты «Северная Пчела» открыло иной ракурс его консервативной концепции, продемонстрировав специфику его повседневных интересов⁸⁰.

Для воссоздания интеллектуального контекста эпохи были привлечены публицистические сочинения современников А. С. Шишкова, как соотечественников, так и иностранцев, чьи идеи повлияли на становление консервативной концепции адмирала («Размышлениями о Французской революции» Э. Берка, «Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» Н. М. Карамзина и др.) а также философские работы, в полемике с которыми выработывались ключевые идеи раннего консерватизма.⁸¹

Анализ художественных произведений А. С. Шишкова и его современников позволил выявить устойчивые литературные тропы, ставшие впоследствии смыслообразующими в его консервативной утопии. Ее язык выкристаллизовывался и апробировался как в переводных сочинениях А. С. Шишкова («Собрание детских повестей» И. Г. Кампе, «Освобожденный Иерусалим» Т. Тассо), так и его собственных («Ода на покорение Польши», драма

---

⁷⁹ Шишков А. С. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка. М., 2011. 376 с. ; Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской Академии Президента и разных ученых обществ Члена : в 17 ч. СПб., 1824. Ч. II [«Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» и ответы на его критику]. 466 с. ; Шишков А. С. Разговоры о словесности между двумя лицами Аз и Буки // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской Академии Президента и разных ученых обществ Члена : в 17 ч. СПб., 1824. Ч. III. С. 1–166 ; Шишков А. С. Рассуждение о красноречии Священного Писания и о том, в чем состоит богатство, обилие, красота и сила российского языка и какими средствами оный еще более распространить, обогатить и усовершенствовать можно // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской Академии Президента и разных ученых обществ Члена : в 17 ч. СПб., 1825. Ч. IV. С. 22–106 ; Шишков А. С. Рассуждение о любви к Отечеству // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской Академии Президента и разных ученых обществ Члена : в 17 ч. СПб., 1825. Ч. IV. С. 147–184 ; Речь Министра Народного Просвещения по случаю собрания членов Главного Правления Училищ к предварительному совещанию по делам Министерства. 11 сентября // Сборник распоряжений по Министерству Народного Просвещения. СПб., 1866. Т. 1 : 1802–1834. С. 527–530 ; Шишков А. С. Речь при открытии Беседы любителей русского слова // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской Академии Президента и разных ученых обществ Члена : в 17 ч. СПб., 1825. Ч. IV. С. 108–145.

⁸⁰ Шишков А. С. Пометы его на «Северной пчеле» на № 130м от 13 июня 1831 г. // РО ИРЛИ РАН. Ф. 636 : Архив Шишкова А. С. (Собрание Дашкова П. Я.). Оп. 3. № 3. Л. 2.

⁸¹ Берк Э. Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию. М., 1993. 144 с. ; Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России. СПб., 1914. 133 с. ; Уваров С. С. О преподавании истории, относительно к народному воспитанию. СПб., 1813. 28 с. ; Rousseau J.-J. Lettre Jean-Jacques Rousseau, citoyen de Genève à Christophe de Beaumont, archevêque de Paris, le 18 Novembre 1762 [La ressource électronique] // J.-J. Rousseau. Collection complète des oeuvres. Genève, 1780-1789. Vol. 6. P. 5–119. URL: <http://www.rousseauonline.ch/Text/volume-6-melanges-tome-premier.php> (la date de l'accès: 05.07.2016).

«Невольничество»⁸². Источники данной группы дают возможность также реконструировать эстетические и литературные вкусы А.С. Шишкова.

Помимо художественных произведений самого А. С. Шишкова в диссертационном исследовании были привлечены сочинения деятелей французского Просвещения Ж.-Ж. Руссо, оказавшие большое влияние на мировоззрение адмирала, а также другие художественные произведения, входившие в его круг чтения и повлиявшие на складывание его концепции⁸³.

Материалы *периодики* представлены в диссертационном исследовании сочинениями, опубликованными в «Собеседнике любителей русского слова» – журнале, основанном для очищения русского литературного языка и сатирической критики нравов общества и издававшемся в 1783–1784 гг. при поддержке императрицы, а также публикациями «Журнала Министерства народного просвещения», освещавшие деятельность С. С. Уварова на посту министра⁸⁴. Данный вид источников позволил прояснить контекст бытования языковых идей А.С. Шишкова и установить их связь, во-первых, с исканиями екатерининского времени и, во-вторых, с образовательными идеями преемников адмирала на посту министра народного просвещения.

Для корректного смыслового отражения языка XVIII–XIX вв. в исследовании были использованы *научные труды*. Среди них – сочинения самого А. С. Шишкова⁸⁵, а также работы, в создании которых он принимал участие⁸⁶. Кроме того, при решении задач диссертационного исследования был привлечен «Карманный философский словарь» Вольтера, с содержанием которого А. С. Шишков был хорошо знаком и использовал его идеи при необходимости

---

⁸² Шишков А. С. Ода на покорение Польши // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской Академии Президента и разных ученых обществ Члена : в 17 ч. СПб., 1831. Ч. XIV. С. 143–153 ; Шишков А. С. Невольничество // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской Академии Президента и разных ученых обществ Члена : в 17 ч. СПб., 1828. Ч. XII. С. 1–31.

⁸³ Руссо Ж.-Ж. Педагогические сочинения : в 2 т. М., 1981. Т. 1 [Эмиль, или О воспитании]. 653 с. ; Руссо Ж.-Ж. Юлия, или Новая Элоиза // Руссо Ж.-Ж. Избранные сочинения : в 3 т. М., 1961. Т. 2. 764 с. ; Краледворская рукопись, собрание древних чешских лирических и эпических песен. М., 1846. 79 с. ; Шиллер Ф. Дон-Карлос, инфант Испанский // Шиллер Ф. Избр. соч. : в 2 т. М., 1959. Т. 1. С. 349–570.

⁸⁴ Собеседник любителей русского слова : содержащий разные сочинения в стихах и в прозе некоторых российских писателей. СПб., 1783–1784 ; Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1834–1917.

⁸⁵ Шишков А. Трехязычный морской словарь на английском, французском и русском языках : в 3 ч. СПб., 1795. 317 с. ; Шишков А. С. Морской словарь, содержащий объяснение всех названий употребляемых в морском искусстве : словарь по кораблестроению. СПб., 1832. 180 с.

⁸⁶ Словарь Академии Российской : в 6 т. СПб., 1789 – 1794.

теоретического обоснования своих представлений⁸⁷. Для сравнения значений конфессиональных терминов, использованных адмиралом, с устоявшимися православными концептами использовались лингвистические и богословские словари⁸⁸.

В начале XIX в. большинство перечисленных сочинений А. С. Шишкова были объединены в многотомном издании «Собрания сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской Академии Президента и разных ученых обществ Члена» в 17 частях (издавалось с 1818 по 1839 гг.). Особенности расположения в нем произведений адмирала и восприятие издания современниками и последователями позволяют рассматривать его в качестве отдельной группы источников, поскольку издание демонстрирует не только идейный замысел А. С. Шишкова (произведения выбирались, группировались и тщательно редактировались им лично), но и исследовательский фокус (до сих пор исследователями прокомментирована и проанализирована лишь малая часть произведений адмирала).

Таким образом, привлеченный для решения задач диссертационного исследования корпус источников позволяет проанализировать процесс складывания консервативной концепции А.С. Шишкова в ее связях православным культурным комплексом

Степень достоверности результатов исследования обеспечивается рассмотрением репрезентативной источниковой базы, изучением научной литературы по теме диссертации и корректным применением общенаучных и специально-исторических методов исследования, соответствующих поставленным цели и задачам.

Структура диссертации отражает решение поставленных задач и представлена введением, тремя главами, заключением, списком использованных источников и литературы и приложением.

---

⁸⁷ Voltaire. The Philosophical Dictionary [Electronic Resource]. New York, 1924. Electronic data. URL: <https://history.hanover.edu/texts/voltaire/volindex.html> (access date 17.07.2016).

⁸⁸ Словарь русского языка XVIII века : в 21 ч. Л. ; СПб., 1984–2015 ; Полный православный богословский энциклопедический словарь : в 2 т. СПб., 1912. Т. II. 697 с. ; Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской академии наук : в 4 т. СПб., 1847.

Положения, выносимые на защиту:

1. Архаизация взглядов дворянина последней трети XVIII – первой трети XIX в. произошла в контексте усиления в российском обществе эсхатологических настроений, связанных со сменой правящей элиты в России и революционными событиями во Франции. Запущенный в процессе архаизации культурный сценарий для дворянства, вышедшего из поместной среды и сохранявшего связи с провинцией, предполагал наряду с переоценкой идей Просвещения и масонства обращение к традиционной религиозности, язык, тексты и шрифт которой выступили инструментами формирования консервативной утопии А. С. Шишкова.

2. В идеологии раннего русского консерватизма важную роль приобрело конфессиональное чтение как фактор формирования, сохранения и трансляции традиционной картины мира, в частности представлений о прошлом. Практики конфессионального чтения (чтение религиозной литературы с сотериологическими и нравственными целями), сохранявшиеся в быту русского провинциального дворянства, предопределили использование в консервативной утопии А. С. Шишкова образов «старца» и «летописца»: первый был органично связан с крестьянской традиционной культурой; второй отражал общественный интерес к древнерусской литературе и «русской старине» в целом.

3. Идеализированные представления А. С. Шишкова о прошлом, сформированные в XVIII в., определили политические идеи и действия адмирала в первой трети XIX в. на постах государственного секретаря и министра образования. Предпринятые им меры были связаны с задачей защиты православных ценностей и русского языка как основы имперской государственности и фундированы его историко-лингвистическими трудами.

4. Историко-лингвистические построения А. С. Шишкова могут быть рассмотрены как попытка создания «языка самоописания империи», способного преодолеть разнородность современной ему имперской культуры России путем наделения системообразующими качествами одного из ее элементов – православного варианта государственной идеологии и системы образования.

5. Консервативная утопия А. С. Шишкова явилась ответом дворянина последней трети XVIII – первой трети XIX вв. на вызовы трансформирующегося общества и продемонстрировала, с одной стороны, попытку адаптировать к новым реалиям христианскую модель истории, с другой – определить и защитить сферы общественной жизни, наиболее затронутые процессами вестернизации.

Апробация работы. Диссертация обсуждалась на заседании кафедры отечественной истории Национального исследовательского Томского государственного университета. Основные положения работы были представлены и обсуждены на 3 конференциях всероссийского и международного уровней в Красноярске, Санкт-Петербурге, Томске.

Публикации автора по теме диссертации. По материалам диссертации опубликовано 5 работ, в том числе 4 статьи в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (из них 1 статья в журнале, индексируемом Scopus), 1 статья в сборнике материалов всероссийской научной конференции.

1 Факторы архаизации мировоззрения дворянина последней трети XVIII – первой трети XIX в.

Большинство исследователей творчества А. С. Шишкова, описывая фактическую сторону его жизни, ставят в центр своего внимания участие адмирала в таких событиях, как полемика «архаистов» и «новаторов», Отечественная война 1812 г., заграничный поход русской армии и дальнейший поворот к консервативному курсу в имперской политике Александра I. Можно констатировать, что основная масса всех изысканий сконцентрирована на событиях первой четверти XIX в. Рубеж веков разделил жизнь адмирала практически пополам и впоследствии определил хронологические рамки исследований, посвященных его личности.

Такой дисбаланс выглядит странным, если учесть тот факт, что полемика с «карамзинистами», начавшаяся с публикации сочинения А. С. Шишкова «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» (1803 г.), велась человеком в возрасте 49 лет (!), то есть уже зрелым, а по меркам того времени даже престарелым человеком со сложившимися взглядами на жизнь.

Причины фрагментарности и наличия небольшого количества работ, посвященных жизни А. С. Шишкова в периоды правления Екатерины II и Павла, на наш взгляд, заключаются в следующем. Во-первых, такова историографическая традиция, сложившаяся еще в дореволюционное время, а затем закрепившаяся в советском литературоведении. Либеральных историков XIX в. интересовала биография А. С. Шишкова только в контексте связей с государственной жизнью, что, естественно, ограничивало его литературную и политическую деятельность эпохой Александра I. Первый период жизни А. С. Шишкова не вписывался в создаваемую ими диалектическую модель «либерализм–консерватизм», в которой последний однозначно признавался проигравшим «историческую дуэль».

Во-вторых, с точки зрения «большой» истории путь будущего адмирала был ничем не примечателен. В XVIII в. жизнь А. С. Шишкова протекала по обычному сценарию для небогатого дворянина: воспитание в деревне, поступление в

сословное учебное заведение, служба, карьерный рост. Он был типичным представителем провинциального дворянства средней руки. В то время как его карьерный взлет при Павле и дальнейшее политическое и культурное влияние на жизнь страны всегда интересовали историков, лингвистов и филологов.

В-третьих, сам А. С. Шишков, выстраивая свою модель поведения, не раз подчеркивал ее воспитательную, назидательную направленность: ему должны были подражать и учиться на его ошибках не только племянники, но и все патриотически настроенные граждане. С этой точки зрения ничего примечательного в деревенском детстве и учебе в кадетском корпусе он не видел.

В совокупности данные обстоятельства составляют субъективную сторону дела. К объективным причинам можно отнести тот факт, что основной автобиографический источник по раннему периоду жизни А. С. Шишкова, охватывающий «бывшие в молодости приключения, а именно: рождение, домашнее воспитание, бытность в морском кадетском корпусе...»⁸⁹, был утрачен. По свидетельству близкого к семейству Шишковых С. Т. Аксакова, «многие его [А. С. Шишкова. – *Т. II.*] ученые труды после его кончины, а может быть, еще и при жизни, которая долго тлелась в его уже недвижимом теле, погибли без следа»⁹⁰. Это объективное обстоятельство не позволяет однозначно решить проблему, обозначенную еще Н. Н. Буличем и сформулированную Л. Н. Киселевой: «Шишков не родился «архаистом». Требование безусловного предпочтения России всем другим землям стало его знаменем лишь в начале XIX в. Когда именно и почему с ним произошел такой поворот, еще предстоит выяснить»⁹¹.

Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратиться к биографии А. С. Шишкова и выявить те ключевые моменты, которые привели к архаизации его мировоззрения. По нашему мнению, такая переориентация во взглядах произошла не только в связи с внешнеполитическими событиями (Великая французская революция и наполеоновские войны) и их осмыслением, но

⁸⁹ Шишков А. С. Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова : в 2 т. Берлин, 1870. Т. 1. С. 1.

⁹⁰ Аксаков С. Т. Воспоминание о Александре Семеновиче Шишкове // Аксаков С. Т. Полн. собр. соч. : в 6 т. СПб., 1886. Т.3. С. 203.

⁹¹ Булич Н. Н. Очерки по истории русской литературы и просвещения с начала XIX века. СПб., 1902. Т. 1. С. 124 ; Киселева Л. Н. Русский «архаист» в Европе // *Studia Rossica Helsingiensia et Tartuensia*. Тарту, 1995. IV : «Свое» и «чужое» в литературе и культуре. С. 82.

в первую очередь на острое восприятие национальных проблем повлияли обстоятельства частной жизни – внутриличностный конфликт между дворянской установкой служить, приносить пользу государству, выраженной в категории «истинный сын отечества», и фактическим отстранением от двора.

Типичность такой судьбы в период правления Павла для дворян, воспитанных на ценностях екатерининской эпохи, позволяет говорить об архаизации взглядов не только применительно к А. С. Шишкову, но и к части русского дворянства.

1.1 Внутриличностный конфликт: категории «порядка» и «полезности» в условиях политических трансформаций

Оборвавшийся вместе со смертью Екатерины II «золотой век» русского дворянства отозвался в последующих сочинениях А. С. Шишкова ностальгическими настроениями, которые были присущи большинству дворян, выделившихся в эпоху императрицы и отстраненных от власти в годы правления Павла и Александра I. Для характеристики настроений этой части русской аристократии подходят романтические строки М. Ю. Лермонтова: «Гляжу на будущность с боязнью, гляжу на прошлое с тоской»⁹². Ушедшее время императрицы, «иной век, иное бытие»⁹³, было заменено беспокойным и опасным царствованием Павла, когда, по словам А. С. Шишкова, господствовала атмосфера «беспрестанного страха»⁹⁴. Тем не менее, несмотря на неоднозначные чувства, вызванные противоречивостью личности и политики императора в условиях нарастающей внешнеполитической опасности в лице революционной Франции, в целом российское дворянство сохраняло свое привилегированное положение в социально-политическом пространстве империи, выступая гарантом государственного порядка. Поэтому в современной историографии принят вывод А. Б. Каменского, полагающего, что «было бы ошибкой считать политику Павла антидворянской.

---

⁹² Лермонтов М. Ю. Соч. : в 2 т. М., 1988. Т. 1. С. 166.

⁹³ Шишков А. С. Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова : в 2 т. Берлин, 1870. Т. 1. С. 24.

⁹⁴ Там же. С. 80.

Скорее в ней прослеживается явное стремление превратить дворянство в рыцарское сословие, дисциплинированное, организованное, поголовно служащее и преданное государю»⁹⁵.

Следует пояснить, что понятие «порядка» складывалось для А. С. Шишкова прежде всего на основе «Табели о рангах», которая однозначно определяла место человека в системе государственной службы и его движение по социальной лестнице в зависимости от личных качеств и в то же время отвечала представлениям о традиционном мироустройстве⁹⁶. Вся модель петровского государства, строившаяся на неприятии традиции, на самом деле воспроизводила ее в принципиальных вещах. Ю. М. Лотман в этом смысле заметил, что «новая (послепетровская) культура значительно более традиционна, чем это принято думать»⁹⁷. С ним соглашалась И. Ф. Худушина, утверждавшая, что общество рубежа XVIII–XIX вв. – «еще в большей степени традиционное добуржуазное общество, не вышедшее из рамок религиозного мировоззрения»⁹⁸.

«Табель о рангах» можно, таким образом, воспринимать как ориентированную на достижение божественной благодати средневековую систему служения в ее светском варианте, где конечная цель была заменена государственной милостью. На эту подмену указывает А.Б. Каменский, говоря об усилении зависимости человека «непосредственно от благорасположения самодержца, который становился прямым источником благосостояния»⁹⁹. Поэтому и «иной век, иное бытие» наступает для А. С. Шишкова с нарушения порядка – переворота иерархии и игнорирования «Табели о рангах»: «Знаменитейшие особы, первостепенные чиновники, управлявшие государственными делами, стояли, как бы лишенные уже должностей своих и званий, с поникнутою головой, неприметны в толпе народной. Люди малых чинов, о которых день тому назад никто не помышлял,

---

⁹⁵ Каменский А. Б. Российская империя в XVIII в. : традиция и модернизация. М., 1999. С. 291.

⁹⁶ Каменский А. Б. От Петра I до Павла I : реформы в России XVIII в. : (опыт целостного анализа). М., 2001. С. 141.

⁹⁷ Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Учен. зап. Тартус. гос. ун-та. 1977. Вып. 414. С. 35.

⁹⁸ Худушина И. Ф. Царь. Бог. Россия. Самосознание русского дворянства (конец XVIII – первая треть XIX в.). М., 1995. С. 7.

⁹⁹ Каменский А. Б. От Петра I до Павла I : реформы в России XVIII в. : (опыт целостного анализа). М., 2001. С. 121.

никто почти не знал их, – бегали, повелевали, учреждали»¹⁰⁰. Ротация кадров сопровождалась к тому же раздачей орденов и наград (символов дворянского звания) священникам и врачам, что вызвало резко негативную реакцию А. С. Шишкова: в своих воспоминаниях он посвятил не одну страницу рассуждениям об идее дворянского достоинства и особенностях служения государству, подчеркивая, что при Екатерине, строго соблюдавшей порядка, нарушений подобного рода никогда не было¹⁰¹.

Тем не менее непосредственное участие А. С. Шишкова в жизни павловского двора, включенность в государственные дела обусловили отсутствие с его стороны открытой критики и выступлений. Выполняя поручения императора по вербовке кадров для флота и наблюдению за заграничной жизнью екатерининских фаворитов П. А. Зубова, А. Г. Орлова, К. Г. Разумовского (неприятное задание), в 1797–1798 гг. А. С. Шишков совершил поездку за рубеж.

В дополнение к государственным обязанностям по личной просьбе И. П. Кутайсова, павловского фаворита, он взял с собой его сына, для которого это было первое воспитательное путешествие по Европе. Ответственность и надежность А. С. Шишкова были вознаграждены по его возвращении. В целом при Павле военно-морская карьера будущего главы «архаистов» резко устремилась вверх: за три года он прошел путь от капитана 1 ранга до вице-адмирала¹⁰². Благодаря своему товарищу по Морскому кадетскому корпусу Г. Г. Кушелеву, который, возможно, был его покровителем¹⁰³, он стал владельцем 250 душ в Тверской губернии. При этом каждая новая должность и награда была для него полной неожиданностью¹⁰⁴.

Из вышеизложенных фактов следует, что царствованию Павла А. С. Шишков был более обязан, чем екатерининскому времени. Не случайно Н. Н. Булич не понимал, откуда взялась ностальгия адмирала по временам императрицы, ведь

¹⁰⁰ Шишков А. С. Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова : в 2 т. Берлин, 1870. Т. 1. С. 10.

¹⁰¹ Там же. С. 85–86.

¹⁰² Записка Шишкова А. С. о его службе с 1767–1828 г., составленная по случаю его представления к «Знаку отличия беспорочной службы» (копия), март 1828 // РГИА. Ф. 1673. Оп. 1. № 2. Л. 2.

¹⁰³ Миф, созданный и распространенный А. С. Шишковым о его служебной независимости и самостоятельности, был раскритикован Е. Э. Ляминой: Лямина Е. Э. Общество «Беседа любителей русского слова» : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1995. С. 3–4.

¹⁰⁴ Шишков А. С. Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова : в 2 т. Берлин, 1870. Т. 1. С. 11, 25.

при ней он ничем особенным не блистал. На наш взгляд, такая привязанность ценностям екатерининской эпохи и ее идеализация были обусловлены положением дворянства – его сопричастностью к государственному управлению, ролью, которое оно играло в общественно-политической сфере и дарованными правовыми гарантиями.

Поэтому закономерно, что идеализация прошлого А. С. Шишковым вместе с критикой существующей действительности произошла в царствование Александра, когда адмирал особенно остро почувствовал, как и многие другие «екатерининские служаки», свою ненужность двору.

Французская исследовательница М.-П. Рэй так охарактеризует отношение Александра к русскому дворянству: «Он не питал ни уважения, ни симпатии к русскому дворянству»¹⁰⁵. Воспитанный Лагарпом в духе либерализма, император делал ставку не на учреждения, а на частную инициативу. Выдвижение незнатных молодых людей с программой активных преобразований, главное достоинство которых состояло, по мнению А. С. Шишкова, «в презрении к чинам и знакам отличия»¹⁰⁶, свидетельствовало о смене идейных ориентиров, несмотря на обещание внука управлять по заветам «августейшей бабки».

«Новые заветы» исходили из положения о недостатках организации государства, вытекавших из неправильно выстроенной системы учреждений. Последовавшая в 1802 г. министерская реформа, резко осужденная Н. М. Карамзиным, А. С. Шишковым и другими деятелями, преследовала именно эту цель – внести новый порядок, основанный не на «Табели о рангах» как жесткой административной системе, а на личной ответственности каждого деятеля. Происходила своего рода реверсия петровских установок на продвижение по социальной лестнице незнатных, но способных людей. Следствием этого явилось нарушение «Табели о рангах» не только как документа, регламентирующего дворянскую службу, но и как воплощения сословного порядка. Ярким примером такого нарушения являлась карьера М. М. Сперанского, демонстрирующая особенность русского социально-политического дискурса: если в Европе разрушение сословности имело

---

¹⁰⁵ Рэй М.-П. Александр I. М., 2013. С. 137–138.

¹⁰⁶ Шишков А. С. Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова : в 2 т. Берлин, 1870. Т. 1. С. 85.

экономический характер, то в России начала XIX в. эти процессы носили сугубо политический характер, поскольку переход в дворянское звание всецело зависел от монаршей воли.

Для А. С. Шишкова крах мира начался именно с министерской реформы: «сия перемена, разрушившая постановление Петра Великого и Екатерины Второй, крепко меня опечалила: казалось мне, что многое после сего не устоит на своем месте, и что новый порядок и новое преобразование вещей едва ли поведут нас по лучшему пути, нежели тот, который проложен был толь мудрыми монархами»¹⁰⁷. Впоследствии, став министром просвещения, А. С. Шишков попытался закрепить принцип сословности образования. Он заявил об этом на совещании по делам Министерства народного просвещения в 1824 г.: «Науки полезны только тогда, когда, как соль, употребляются и преподаются в меру, смотря по состоянию людей, и по надобности, какую всякое звание в них имеет... Обучать грамоте весь народ... принесло бы более вреда, нежели пользы»¹⁰⁸.

При Александре I А. С. Шишков на себе ощутил «новый порядок». В своих «Записках» он запечатлел несколько обстоятельств, которые, по его мнению, свидетельствовали об охлаждении к нему государя: его попытались обойти по службе, не включили в недавно созданный Государственный совет, наконец, даже отказали в типичном для столичного дворянина досуге, перестав присылать билеты в Эрмитаж на спектакли¹⁰⁹.

Оказавшись в стороне от политической жизни, А. С. Шишков переключился на идеологическое творчество. В подобной ситуации оказался его ближайший единомышленник Г. Р. Державин¹¹⁰, с которым он впоследствии основал «Беседу любителей русского слова» – собрание литераторов, организационно воспроизводившее «старый порядок»: по отзывам современников, «она имела

¹⁰⁷ Шишков А. С. Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова : в 2 т. Берлин, 1870. Т. 1. С. 87.

¹⁰⁸ Речь Министра народного просвещения по случаю собрания членов Главного правления училищ к предварительному совещанию по делам Министерства, 11 сент. 1824 г. // Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. СПб, 1866. Т. 1 : 1802–1834. С. 529.

¹⁰⁹ Шишков А. С. Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова : в 2 т. Берлин, 1870. Т. 1. С. 87–88, 115–117.

¹¹⁰ Смолярова Т. Указ. соч.

более вид казенного места, чем ученого сословия, и даже в распределении мест держались более табели о рангах, чем о талантах»¹¹¹.

Крушение привычного миропорядка, начавшееся в эпоху Павла и особенно ярко выразившееся в реформаторской деятельности Александра, воспринималось А. С. Шишковым как мировоззренческая трагедия не только и не столько потому, что он потерял ряд привилегий или не был удостоен каких-либо почестей. Наличие последних в сословном обществе тесно коррелировало с наличием обязанностей, главной из которых для дворянина являлась служба. Ее ценностное восприятие формировалось в закрытых сословных учреждениях и воплощалось в идеологической формулировке «истинный сын Отечества»¹¹². Основное содержание этой категории заключалось в чувстве сопричастности к государственному строительству, созиданию нового мира, принесении пользы государству.

Усвоение А. С. Шишковым основных принципов «истинного сына Отечества», о которых размышлял и А. Н. Радищев¹¹³, произошло во время его учебы в Морском кадетском корпусе, переживавшем свой расцвет при директоре И. Л. Голенищеве-Кутузове, свойственнике будущего адмирала¹¹⁴. Основанный Елизаветой в 1752 г. Морской шляхетный кадетский корпус поставлял офицерские кадры для флота, продолжая в этом смысле традиции петровских навигацких школ. Во время учебы в нем А. С. Шишкова (1766–1772 гг.) Морской корпус представлял собой закрытое учебное заведение, в котором преподавались специальные и общеобразовательные предметы¹¹⁵. Помимо собственно обучения большое внимание уделялось вопросам воспитания¹¹⁶.

¹¹¹ Вигель Ф. Ф. Записки. М., 2000. С. 279.

¹¹² Моряков В. И. Проблема воспитания «истинного сына Отечества» в России XVIII в. // Вестник МГУ. Сер. 8, История. 2009. № 2. С. 42–58.

¹¹³ Радищев А. Н. Беседа о том, что есть сын Отечества // Радищев А. Н. Избранные философские и общественно-политические произведения. М., 1952. С. 278–286.

¹¹⁴ Вахмистрова С. И. Вклад генерал-фельдмаршала И. Л. Голенищева-Кутузова в развитие военно-морского образования России (на примере Морского шляхетного кадетского корпуса) [Электронный ресурс] // Елагинские чтения, 2001. СПб., 2003. Вып. 1. Электрон. дан. URL: https://rgavmf.ru/lib/vahmistrova_golenischev-kutuzov.pdf (дата обращения: 15.06.2016).

¹¹⁵ Распорядок преподавания учебных дисциплин в Морском кадетском корпусе, составленный Г. А. Полетикой (февраль 1765) // «Регулярная академия учреждена будет...»: образовательные проекты в России в первой половине XVIII века. М. 2015. С. 334–342; Веселаго Ф. Ф. Очерк истории Морского кадетского корпуса с приложением списка воспитанников за 100 лет. СПб., 1852. 143 с.

¹¹⁶ Соловьев И. Школа Екатерининской эпохи // Екатерина II: pro et contra. СПб., 2006. С. 705.

Основной прогресс в области нравственного воспитания в Морском кадетском корпусе связывался с деятельностью Г. А. Полетики, главного инспектора с 1764 по 1770 г.¹¹⁷, предпринявшего энергичные попытки сделать корпус образцовым учебным заведением, сопоставимым по качеству образования с Сухопутным кадетским корпусом, являвшимся «экспериментальной площадкой» в области педагогики в 1760–1770-х гг. Действуя в рамках доклада «О воспитании обоего пола юношества» от 1764 г. И. И. Бецкого¹¹⁸, возглавлявшего Сухопутный корпус в 1766–1773-х гг., Г. А. Полетика стремился воспитать «новую породу людей» – «истинных сынов Отечества», уделяя пристальное внимание моральной стороне дела. Так, помимо чтений во время приемов пищи морского и военного регламентов, напомиавших, по выражению Д. Руднева, «хорошо знакомую Полетике традицию, принятую в монастырях и духовных учебных заведениях, читать во время общей трапезы жития святых»¹¹⁹, в учебную программу корпуса был включен пункт об изучении Библии и катехизиса¹²⁰ для хорошего наставления к «исправлению должностей в разсуждении себя и ближняго, к послушанию и почтению вышших себя и проч.»¹²¹.

Формируемую таким образом при помощи конфессиональной традиции поведенческую модель «истинного сына Отечества» В. И. Моряков описывает следующим образом: «...послушный власти, верный самодержавному монарху и издаваемым им законам ревностный служака и работник, обладавший определенными знаниями, дабы успешно выполнять свои обязанности перед государством»¹²². Это определение для воспитанников Г. А. Полетики можно дополнить: «...и почитающего конфессиональные ценности». Цель жизни такого человека заключалась в принесении пользы государству, воплощавшему в себе высшую ипостась общественного блага.

---

¹¹⁷ Руднев Д. Григорий Андреевич Полетика и его деятельность // «Регулярная академия учреждена будет...»: образовательные проекты в России в первой половине XVIII века. М. 2015. С. 315–324.

¹¹⁸ Высочайше утвержденный доклад Академии Художеств Главного Директора Генерал-Поручика Бецкого «О воспитании обоего пола юношества» // Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 года. СПб., 1830. Т. 16. № 12.103. С. 668–671.

¹¹⁹ Руднев Д. Указ. соч. С. 317.

¹²⁰ Там же. С. 316–317.

¹²¹ Предложения главного инспектора Г. А. Полетики директору Морского шляхетного кадетского корпуса И. Л. Голенищеву-Кутузову по улучшению преподавания в корпусе (декабрь 1764) // «Регулярная академия учреждена будет...»: образовательные проекты в России в первой половине XVIII века. М. 2015. С. 329.

¹²² Моряков В. И. Указ. соч. С. 57.

Можно утверждать, что А. С. Шишков прочно усвоил установку «истинного сына Отечества» в Морском кадетском корпусе, ревностно служив в строю и на литературном поприще. Его военно-морская карьера была полна путешествий и сражений. Кратко, но емко А. С. Шишков охарактеризовал ее в «Записке о службе с 1767–1828 г., составленной по случаю его представления к «Знаку отличия беспорочной службы» в марте 1828 г. и хранящейся в РГИА. В послужном списке адмирала можно найти длительные ученические плавания в качестве гардемарина (звание было получено в 1771 г.), преподавание в Морском кадетском корпусе (1779–1788 гг.), военные экспедиции (командование фрегатом в русско-шведскую войну 1788–1790 гг.)¹²³. Эти факты противоречат мнению Ф. Ф. Вигеля, называвшего адмирала «еще менее моряком, чем автором»¹²⁴. В 1828 г. А. С. Шишков был награжден учрежденным в 1827 г. знаком отличия «За беспорочную службу», которая на тот момент составляла уже более 50 лет.

Стремление к «полезности» проявлялось не только на службе, но и в литературной деятельности. Первые литературные работы А. С. Шишкова относятся к 1770–1790-м гг., среди них центральное место занимали переводы. Им были подготовлены и опубликованы «Морское искусство» Ш. Ромма («L'Art de la Marine» par Romme), «Маленькая детская библиотека» И. Г. Кампе («Kleine Kinderbibliothek» J. H. Campes)¹²⁵. В это же время А. С. Шишков трудился над составлением «Трехязычного морского словаря»¹²⁶, выдержавшего несколько переизданий и вызвавшего недоумение Ю. К. Якимовича, который считал, что как «архаист» адмирал должен был противодействовать «всему передовому в языке и литературе»¹²⁷. Причины обращения А. С. Шишкова к переводам и языковым изысканиям на данном этапе очевидны: будучи оставленным после обучения в Морском кадетском корпусе для преподавания, он стремился улучшить

¹²³ Записка Шишкова А. С. о его службе с 1767–1828 г., составленная по случаю его представления к «Знаку отличия беспорочной службы» (копия), март 1828 // РГИА. Ф.1673. Оп. 1. № 2. Л. 1. С. 1.

¹²⁴ Вигель Ф. Ф. Записки. М., 2000. С. 142.

¹²⁵ Ромм Ш. Морское искусство, или Главные начала и правила научающие искусству строения, вооружения, правления и вождения кораблей : в 2 ч. / пер. с фр. А. С. Шишкова. [СПб.], 1793–1795 ; Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской Академии Президента и разных ученых обществ Члена : в 17 ч. СПб., 1818. Ч. I [Собрание детских повестей]. 403 с.

¹²⁶ Шишков А. Трехязычный морской словарь на английском, французском и российском языках : в 3 ч. СПб., 1795. 317 с.

¹²⁷ Якимович Ю. К. «Трехязычный морской словарь» флота капитана А. С. Шишкова // Якимович Ю. К. Деятели русской культуры и словарное дело. М., 1985. С. 56.

образовательный процесс путем подготовки специального учебно-методического материала и справочных изданий. Практическая необходимость данных работ выражалась А. С. Шишковым также в категории полезности. В своих записках он отмечал: «Я, в сие время, по усердию моему к морской службе, занимался сочинением и переводом учебных по сей части книг. Составлял «Морской словарь» и перевел с французского языка «Морское искусство» (l'Art de la marine, par Romme): обе весьма *полезные* [курсив наш. – Т. П.] книги, но требовавшие многих трудов»¹²⁸. То же самое упоминание о полезности мы встречаем в предисловии к «Детской библиотеке», которую он называет «полезной для детей»¹²⁹.

Стоит отметить, что издание морской литературы преследовало просветительскую цель – распространение знаний, улучшение морской науки в России. В то время как занятия А. С. Шишковым детской литературой разнообразили его преподавательскую деятельность, укрепили знания иностранного языка и актуализировали тему развития внутреннего мира ребенка, что соответствовало современным ему зарубежным тенденциям в педагогике, в которой постепенно под влиянием Ж.-Ж. Руссо приходили к мысли о необходимости внимания не только к развитию «ума», но и «сердца»¹³⁰. Эту дихотомию зафиксировал Г. А. Полетика, высказав в числе своих предложений при вступлении в должность главного инспектора идею о необходимости «сбалансированного» воспитания: «Просвещая разум молодых людей, должно вместе исправлять и сердце их»¹³¹.

В своих занятиях детской литературой А. С. Шишков следовал магистральной линии, задаваемой Екатериной. Его перевод «Маленькой детской библиотеки» И. Г. Кампе, знаменитого филантрописта¹³² – последователя Ж.-Ж. Руссо, может быть воспринят как дань интересам императрицы, так как в 1780-е гг. Екатерина

¹²⁸ Шишков А. С. Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова : в 2 т. Берлин, 1870. Т. 1. С. 3.

¹²⁹ Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской Академии Президента и разных ученых обществ Члена : в 17 ч. СПб., 1818. Ч. I [Собрание детских повестей]. С. 2.

¹³⁰ Златопольская А. А. Образ гувернера и педагогическая теория Руссо в русской культуре // Французский ежегодник 2011 : франкоязычные гувернеры в Европе XVII–XIX вв. 2011. С. 81–91.

¹³¹ Предложения главного инспектора Г. А. Полетики директору Морского шляхетного кадетского корпуса И. Л. Голенищеву-Кутузову по улучшению преподавания в корпусе (декабрь 1764) // «Регулярная академия учреждена будет...» : образовательные проекты в России в первой половине XVIII века. М. 2015. С. 329.

¹³² О филантропизме см.: Koester H. L. Geschichte der Deutschen Jugendliteratur. Hamburg, 1906. 417 s. ; Земскова Е. Е. Русская рецепция немецких представлений о нации в конце XVIII – начале XIX века : дисс. ... канд. филол. наук. М., 2002. 213 с. ; Медведева И.Н. Просветительское движение и педагогика филантропизма в Германии XVIII в. // Вестн. Моск. гос. областного ун-та. Сер. Педагогика. № 4. 2012. С. 44–48.

разрабатывала план воспитания внуков Александра и Константина, опираясь на труды Дж. Локка и Ж.-Ж. Руссо¹³³. Отсутствие подобной литературы на русском языке обусловило популярность сочинений А. С. Шишкова, о чем свидетельствуют многочисленные переиздания «Детской библиотеки»: с момента выхода книги в 1783 г. и до 1842 г. – около 10 раз¹³⁴, последнее переиздание совершено уже в наши дни¹³⁵. Сам А. С. Шишков писал о книге: «Я почти себя весьма счастливым, если принесу чрез то некоторую отечеству моему услугу»¹³⁶. В этих словах четко выражается модель поведения «истинного сына Отечества».

Упоминание той же категории полезности можно встретить и в более поздних сочинениях А. С. Шишкова, например, в «Прибавлении к Рассуждению о старом и новом слоге российского языка»: «Желание быть полезным, а не побуждение оскорбленного самолюбия... есть причиною издания сей книги»¹³⁷.

«Быть полезным» для дворянина означало проявить себя не только на службе, военной или гражданской, но и в часы досуга не оставлять мысли о государственном благе. Оставшись не у дел в начале царствования Александра, А. С. Шишков чувствовал себя уязвленным: кризис бытийных и ценностных оснований привел к тому, что модель поведения «истинного сына отечества», выработанная в рамках века Просвещения, была переориентирована с созидательных позиций на критические. Осудив действия правительства, он высказывал «особые мнения» по ряду административных дел и в частности предпринял ряд активных действий в помощь морским офицерам Н. А. Хвостову, который приходился ему также родственником, и Г. И. Давыдову, известным участникам американской и японской компаний, капитанам кораблей «Юнона» и

¹³³ Златопольская А. А. Образ гувернера и педагогическая теория Руссо в русской культуре // Французский ежегодник 2011 : франкоязычные гувернеры в Европе XVII–XIX вв. 2011. С. 81–91. ; Рэй М.-П. Александр I. М., 2013. С. 38–42 ; Булин С. А. Развитие военно-педагогической мысли в России : начало XVIII в. – 1863 г. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2005. С. 15.

¹³⁴ Алексеева О. В. Библиография русской детской книги (1717–1854) // Материалы по истории русской детской литературы : (1750–1855). М., 1929. Вып. 2. С. 38.

¹³⁵ Самая первая детская книга. Книга о книге «Детская библиотека» Александра Шишкова. СПб. ; М., 2012. 128 с.

¹³⁶ Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской Академии Президента и разных ученых обществ Члена : в 17 ч. СПб., 1818. Ч. I [Собрание детских повестей]. С. 2.

¹³⁷ Шишков А. С. Прибавление к сочинению, называемому Рассуждение о старом и новом слоге российского языка, или Собрание критик, изданных на сию книгу с примечаниями на оные // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской Академии Президента и разных ученых обществ Члена : в 17 ч. СПб., 1824. Ч. II. С. 355.

«Авось». Обвиненные в нарушении дисциплины, они были арестованы в Охотске, но бежали. В Петербурге за них заступился А. С. Шишков, написав письмо с обращением в адмиралтейскую коллегию, которое осталось без ответа¹³⁸.

Однако консервативная утопия А. С. Шишкова, координаты которой задавали категории «полезности» и «порядка», не могла сложиться, основываясь на одной критике. Необходимая концептуализация ее позитивного облика, основанного на традиционном мировоззрении, произошла под влиянием Французской революции, наглядно, по его мнению, доказывавшей, что путь, избранный Александром I и его окружением, ведет к катастрофе. Именно «переворот» во Франции стал той отправной точкой, которая объясняла происходящие в Российской империи трансформации, а концептуализация образа революции как причины всех бед способствовала дальнейшей архаизации взглядов адмирала.

1.2 Великая французская революция и переоценка идей Просвещения

Великая французская революция стала своего рода вехой в развитии мирового исторического процесса. Ее значение в политической, экономической, социальной сферах жизни общества еще до сих пор изучено не полностью. В идеологическом плане она способствовала закреплению «в общественном сознании Европы идей Либерализма и Национализма как альтернатив Просвещению и Консерватизма и Романтизма как реакции европейцев на её поражение»¹³⁹. Именно в революции А. С. Шишков видел причины того, что молодое поколение реформаторов усвоило «превратный и уродливый смысл»¹⁴⁰ таких понятий, как «вольность» и «равенство». Сам адмирал стремился избегать в своих сочинениях слова «революция» и заменял его термином «переворот».

Примечательно, что для части декабристов – представителей провинциального дворянства, которые наотрез отказывались называть себя вольнодумцами, при определении понятия «свободомыслие» негативный контекст Французской

¹³⁸ Шишков А. С. Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова : в 2 т. Берлин, 1870. Т. 1. С. 104–114.

¹³⁹ Соколов В. В. История Франции на рубеже XVIII–XIX вв. [Электронный ресурс]. Томск, 2012. Электрон. дан. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000494562> (дата обращения: 12.05.2015).

¹⁴⁰ Шишков А. С. Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова : в 2 т. Берлин, 1870. Т. 1. С. 85.

революции оставался актуален. Уже гораздо позже, в ходе работы над мемуарами выработалось иное понимание этого термина, подразумевавшее противостояние официальной идеологии¹⁴¹.

Современный исследователь М. Г. Альтшуллер подчеркивает страх и ненависть, которые питал А. С. Шишков к революционным событиям во Франции, порожденным идеями Просвещения¹⁴². Однако эти чувства возникли у адмирала спустя какое-то время после событий за рубежом. В момент происходящей революции А. С. Шишков не только не выразил свое отношение к ней, но и, по сути, вообще не интересовался тем, что происходило во Франции. Он участвовал в боевых действиях во время русско-шведской войны (1788–1790 гг.). Даже путешествуя по соседним Германии и Швейцарии в 1797–1798 гг. по заданию Павла, А. С. Шишков в частной переписке не затрагивал французские политические обстоятельства: в своих письмах к жене он предстает обычным путешественником, интересующимся больше ценами на кружева, чем политическими событиями¹⁴³. Революция на данном этапе его жизни представляла собой постороннее явление, не касавшееся его непосредственно.

Впервые А. С. Шишков открыто продемонстрировал свое отношение к революции во Франции в 1794 г., когда вспыхнуло восстание в Польше. Это событие настолько его потрясло, что он написал «Оду на покорение Польши» (1795 г.)¹⁴⁴, в которой непосредственной причиной бунта в недавно присоединенных к Российской империи территориях назвал французские революционные идеи. Действия русской армии в таком контексте предстают как «справедливое наказание строптивцам, осмелившимся покуситься на славу и благоденствие России»¹⁴⁵. Впоследствии для А. С. Шишкова образ революции всегда ассоциировался с казнью короля и якобинским террором. Именно в этот момент, судя по «Оде»,

¹⁴¹ Эдельман О. В. 1812-й год и генезис декабризма // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 3. С. 3–7.

¹⁴² Альтшуллер М. А. С. Шишков о французской революции // Русская литература. 1991. № 1. С. 144–149.

¹⁴³ Киселева Л. Н. Русский «архаист» в Европе // Studia Rossica Helsingiensia et Tartuensia. Тарту, 1995. IV : «Свое» и «чужое» в литературе и культуре. С. 66–86.

¹⁴⁴ Ода на покорение Польши // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской Академии Президента и разных ученых обществ Члена : в 17 ч. СПб., 1831. Ч. XIV. С. 143–153.

¹⁴⁵ Ратников К. В. Исторические формы отражения правительственной политики в общественном сознании (по материалам русских стихотворных откликов на польское восстание 1794 года) // Альманах современной науки и образования. Тамбов, 2008. № 6 (13). Ч. II. С. 158.

происходят реверсия традиционных религиозных установок – казнь монарха означала для А. С. Шишкова разрыв связи с сакральным миром – и «апокалипсис в отдельно взятой стране»:

О коль престащныя мрак ночи
Страну нещастну ту покрыл,
От коей Бог свой слух и очи
Во гневе яром отвратил!¹⁴⁶

По сути, вся «Ода», состоящая из 29 строф, 18 из которых относятся к французским событиям, – описание грехов, в которых революционная Франция погрязла после казни короля. Не случайно на первом месте А. С. Шишков помещает «безначалие» – «сей лютый, стоглавый, ядовитый змей»¹⁴⁷, а далее следуют праздность, безжалостность, подозренье, безверие, злочестие и пр. Причина этих кровавых событий – «суемудрие», заставившее опорочить религию и убить монарха:

Но там покою быть не должно...
Где рушен Божеский закон,
Где царский погран скиптр и трон,
Где сам монарх, сердца злыми,
Как древних мученик времен,
Со всеми ближними своими
Лежит злодейски убиен.

Разбираясь в причинах революции, А. С. Шишков идет далее. Он задает себе вопрос: «Откуда мысли толь презлые?» и сам же на него отвечает:

Знать праведный во гневе Бог,
К преступникам являясь строг,
Свои отъял пресветлы очи
От недостойных оных чад:
Тогда изшед из вечной ночи
Меж ними водворился ад.

---

¹⁴⁶ Ода на покорение Польши // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской Академии Президента и разных ученых обществ Члена : в 17 ч. СПб., 1831. Ч. XIV. С. 146.

¹⁴⁷ Там же. С. 146.

Следовательно, происшедшая революция стала для него свидетельством божественной воли, а Франция – олицетворением царства антихриста, могущего, более того, привести к соблазну и другие народы. Последнее обстоятельство и воплотилось в восстании в Польше:

Единый токмо ослепленный
 Впадает в сеть сию народ;
 Бурливых не страшась погод
 Идет на брань вооруженный.
 Пружина дерзких супостат,
 Приемля буйный их разврат,
 На пагубу свою стремится,
 И словом вольности пустым
 В безумии своем гордится,
 Как неким благом вседрагим¹⁴⁸.

Таким образом, в «Оде на покорение Польши» А. С. Шишкова шла перекодировка эсхатологических представлений под совершенно конкретную политическую ситуацию. Картина Апокалипсиса, которую создавал адмирал, содержала и спасительный ориентир. Им, естественно, выступила Российская империя времен Екатерины II, главное достоинство которой заключалось в любви к царю и Богу. Библейская лексика присутствует и здесь: Екатерина сравнивается с «пастырем», который блюдет покой «стад тельцов и агнцов»¹⁴⁹.

«Ода на покорение Польши» – самое раннее выражение отношения А. С. Шишкова к революции во Франции. Следующее обращение адмирала к антитезе революционной Франции и христианской России произошло в правление Александра I во время очередного витка модернизации. Позицию А. С. Шишкова в 1790-е гг. можно описать словами английского консерватора Э. Берка: «Я пекусь прежде всего о мире моей страны, хотя никоим образом не равнодушен к

¹⁴⁸ Ода на покорение Польши // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской Академии Президента и разных ученых обществ Члена : в 17 ч. СПб., 1831. Ч. XIV. С. 143–150.

¹⁴⁹ Там же. С. 144.

Вашей»¹⁵⁰, иными словами – адмирала не интересовала революция до тех пор, пока ее последствия не начали отражаться на российской действительности. До этого момента А. С. Шишков не только не проявлял внимания к событиям во Франции, но и в повседневной жизни европеизированного русского дворянина руководствовался в известной степени идеями «просвещенной» страны. Такая двойственность поведения русского дворянства явилась результатом того, что революция, точнее ее осознание как негативного опыта развития страны, способствовала дискредитации общественных идеалов французских философов, что отнюдь не означало полного отказа от их творческого наследия. Особенно ярко такая «выборка» идей видна на примере восприятия А. С. Шишковым таких столпов французского Просвещения, как Ж.-Ж. Руссо и Вольтер.

Ж.-Ж. Руссо и Вольтер – популярнейшие писатели второй половины XVIII в. в России. Отдельные произведения первого, такие как «Эмиль, или О воспитании», печатались фрагментами или с сокращениями в 1770, 1779, 1807, 1866, 1896 гг.¹⁵¹, а к концу XIX в. практически весь корпус сочинений Ж.-Ж. Руссо был переведен на русский язык. Из всех частей романа наибольшей популярностью среди русских читателей пользовалось запрещенное Екатериной II «Исповедание веры савойского викария», тем не менее выходявшее в рукописном и печатном виде под другими названиями, чтобы обмануть цензуру¹⁵².

Переводы сочинений Вольтера также пользовались популярностью у русского читателя: «С 1744 по 1798 г. было издано 72 отдельных издания произведений Вольтера. В среднем каждый год выходило по 2 книги, в отдельные года – по 3, 4, в 1789 г. – 5 книг, а в 1788 г. был достигнут «пик» издания – 9 названий»¹⁵³.

Несомненно, А. С. Шишков был знаком с произведениями обоих философов и выстраивал свое к ним отношение в характерной для русского просвещенного

¹⁵⁰ Берк Э. Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию. М., 1993. С. 47.

¹⁵¹ Джурицкий А. Н. Комментарии. Эмиль, или О воспитании // Руссо Ж.-Ж. Педагогические сочинения : в 2 т. М., 1981. Т. 1. С. 619.

¹⁵² Златопольская А. А. «Письмо Кристофу де Бомону» с пометками Вольтера : парадоксы восприятия спора Руссо и Вольтера в России [Электронный ресурс] // Gallica. Электрон. дан. [S. 1.], 1997. URL: http://gallica.bnf.fr/dossiers/html/dossiers/Voltaire/D4/Zlato_VR.htm (дата обращения: 16.07.2016).

¹⁵³ Баренбаум И. Е. Французская переводная художественная литература в России (вторая половина XVIII в.) // Книга в России XVII – начала XIX в. : проблемы создания и распространения. Л., 1989. С. 140.

дворянина диалектической манере: Ж.-Ж. Руссо являлся для него олицетворением гуманности и природного начала, Вольтер же – рациональности и логики. При этом необходимо отметить, не согласившись с М. Г. Альтшуллером, считающим, что «взгляды Шишкова за всю его долгую жизнь (1754–1841) не претерпели сколько-нибудь заметного развития»¹⁵⁴, тот факт, что за концептуализацией революции в сознании адмирала как мирового зла последовала существенная переоценка идей крупнейших мыслителей эпохи Просвещения.

В исследованиях, так или иначе затрагивавших вопрос о восприятии А. С. Шишковым идей французских философов XVIII в., наиболее разработана тема влияния идей Ж.-Ж. Руссо на жизнь и творчество адмирала¹⁵⁵. При этом основной предметной областью, в которой велись научные изыскания, выступила педагогика. Действительно, проблема воспитания находилась среди самых актуальных тем своего времени, в обсуждении которой приняли участие и европейские монархи. В русской образовательной практике наиболее активно педагогические воззрения Ж.-Ж. Руссо применялись в Сухопутном морском кадетском корпусе при руководстве Ф. Е. Ангальта в 1786–1794 гг.¹⁵⁶. Тогда же с ними познакомился и А. С. Шишков, кадет Морского корпуса – учебного заведения, стремившегося не отставать от своего старшего собрата.

Сущность педагогических идей Ж.-Ж. Руссо, учитывавших возрастные особенности развития ребенка, заключалась в тесной связи воспитания с живой деятельностью и природой. Так, в Морском кадетском корпусе ученики были поделены на классы в зависимости от уровня знаний; учителям предписывалось следить не только за усвоением знаний, но и за правильной осанкой учеников; малолетним кадетам были сокращены часы, отводимые для математических наук и т. д.¹⁵⁷

¹⁵⁴ Альтшуллер М. А. С. Шишков о французской революции // Русская литература. 1991. № 1. С. 144.

¹⁵⁵ Зорин А. «Кормя двуглавого орла...» Литература и государственная идеология в России последней трети XVIII – первой трети XIX в. М., 2004. С. 167–173; Земскова Е. Е. Русская рецепция немецких представлений о нации в конце XVIII – начале XIX века: дис. ... канд. филол. наук. М., 2002. С. 76–118, 171; Живов В. Двуглавый орел в диалоге с литературой [Электронный ресурс] // Новый мир. 2002. № 2. Электрон. версия печат. публ. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2002/2/zhiv.html (дата обращения: 14.06.2016).

¹⁵⁶ Киселева Л. Н. С. Н. Глинка и кадетский корпус (из истории «сентиментального воспитания» в России) // Учен. зап. Тартус. гос. ун-та. 1982. Вып. 604: Единство и изменчивость историко-литературного процесса. С. 48–63.

¹⁵⁷ Распорядок преподавания учебных дисциплин в Морском кадетском корпусе, составленный Г. А. Полетикой (февраль 1765) // «Регулярная академия учреждена будет...»: образовательные проекты в России в первой половине XVIII века. М. 2015. С. 334–342; Веселаго Ф. Ф. Очерк истории Морского кадетского корпуса с приложением списка воспитанников за 100 лет. СПб., 1852. 143 с.

Более осмысленное знакомство А. С. Шишкова с системой взглядов Ж.-Ж. Руссо произошло при посредничестве немецкой педагогики. В 1780-х гг. А. С. Шишков, будучи уже преподавателем в Морском кадетском корпусе, занимался переводами из «Маленькой детской библиотеки» И. Г. Кампе, развивавшего идеи Ж.-Ж. Руссо о «естественном воспитании» и создавшего «новую» литературу для детей.

Переводу А. С. Шишкова посвящены интересные работы Е. Э. Ляминой и К. Г. Боленко¹⁵⁸, в которых последний высказал гипотезу о причинах последующего забвения «Маленькой детской библиотеки». Исследователь считает, что она не вошла в корпус классических детских книг, поскольку изобиловала языковыми архаизмами, отягощавшими чтение книги¹⁵⁹. На наш взгляд, снижение популярности перевода в середине XIX в. кроется не просто в устарелости языка, но в устарелости идей, которые содержались в книге, точнее их практической дискредитации, к мысли о которой сам А. С. Шишков, как и большинство его образованных современников, пришел в период правления Александра I.

Русские читатели приняли со вниманием педагогические идеи, изложенные в романе Ж.-Ж. Руссо «Эмиль, или О воспитании», о чем свидетельствуют многочисленные издания книги. Популярность идей «женевского гражданина» в России связывалась исследователями с интересом к «религии сердца» Ж.-Ж. Руссо, ее связи с христианством, что становилось особенно актуальным в условиях духовных поисков русской аристократии последней трети XVIII в. в условиях очередного этапа модернизации. В этом смысле глубоко нравственные идеи «естественного воспитания» в сочетании с истинно мученической биографией их автора были симпатичны русским мыслителям и в определенном смысле канонизировали его фигуру¹⁶⁰. Недаром Д. Философов называл «темой Руссо –

¹⁵⁸ Боленко К. Г., Лямина Е. Э. «Классическое стихотвореньице». О детском стихотворении А. С. Шишкова «Николашина похвала зимним утехам» // Новое литературное обозрение. 1994. № 6. С. 222–227 ; Боленко К. Г. «Kleine Kinderbibliothek» И. Г. Кампе в переводе А. С. Шишкова // Вестн. Москов. ун-та. Сер. 8, История. 1996. № 3. С. 57–68.

¹⁵⁹ Боленко К. Г. «Kleine Kinderbibliothek» И. Г. Кампе в переводе А. С. Шишкова // Вестн. Москов. ун-та. Сер. 8, История. 1996. № 3. С. 68.

¹⁶⁰ Златопольская А. А. «Письмо Кристофу де Бомону» с пометками Вольтера : парадоксы восприятия спора Руссо и Вольтера в России [Электронный ресурс] // Gallica. Электрон. дан. [S. 1.], 1997. URL: http://gallica.bnf.fr/dossiers/html/dossiers/Voltaire/D4/Zlato_VR.htm (дата обращения 16.07.2016) ; Златопольская А. А. Вольтер и Руссо в русской мысли XVIII–XIX века // Вестн. Рус. христиан. гос. академии. 2011. № 4. С. 55–63 ; Златопольская А. А. Под маской «бедного Жан Жака». А. М. Белосельский-Белозерский и апокрифические сочинения Ж.-Ж. Руссо в русской культуре // Человек. 2005. № 5. С. 124–134.

подлинно русской»¹⁶¹, и не случайно он был популярен в масонской среде: его гуманизм, воплотившийся в «религии сердца», привлекал внимание многих «душестроителей».

Однако вскоре стала очевидна практическая неприменимость педагогических идей Ж.-Ж. Руссо. Еще Екатерина II, составляя план воспитания для своих внуков, в первую очередь использовала идеи Дж. Локка, о Ж.-Ж. Руссо же оставила негативный отзыв, фактически означавший запрет на ввоз романа «Эмиль» в страну¹⁶².

Характерен также рассказ князя В. С. Долгорукого, приведенный А. А. Златопольской: «В одном семействе, хорошо мне знакомом, <...> было шесть сыновей. Предстояло заняться воспитанием младшего, когда появился на свет “Эмиль” Жан-Жака Руссо. Отец порешил, что лучшего он не может сделать, как последовать указаниям женеvского философа. По окончании же воспитания отец в отчаяньи написал этому прославленному философу, что приняв его советы о воспитании, он сделал какое-то чудовище из своего последнего сына. Руссо отвечал ему так: “Издавая свою книгу, я мог надеяться, что ее будут читать, но вовсе не воображал, что найдется такой неразумный отец, который последует моим указаниям”»¹⁶³. Происходила ли эта история на самом деле или нет, остается загадкой, но сам факт ее бытования в качестве апокрифа достаточно красноречив и открывает особенности восприятия философии Ж.-Ж. Руссо в России.

Скепсис относительно реализации педагогической системы Ж.Ж. Руссо и филантропистов усилился после революции во Франции, воспринимавшейся как прямой результат «передовых» идейных воззрений философов. В общественном сознании происходила постепенная идеализация личности Ж.-Ж. Руссо с ее пафосом страдания и ориентацией на гуманность, но его педагогические идеи, равно как и общественно-политические, были дискредитированы.

¹⁶¹ Философов Д. Жан-Жак Руссо // Руссо Ж.-Ж. : pro et contra : идеи Жан-Жака Руссо в восприятии и оценке русских мыслителей и исследователей (1752–1917). СПб., 2005. С. 396–397.

¹⁶² Джуриhский А. Н. Комментарии. Эмиль, или О воспитании // Руссо Ж.-Ж. Педагогические сочинения : в 2 т. М., 1981. Т. 1. С. 619–620.

¹⁶³ Цит. по : Златопольская А. А. Потерянный рай естественного состояния и утопия состояния гражданского (Ж.-Ж. Руссо и утопизм в России XVIII–XIX вв.) [Электронный ресурс] // Образ рая : от мифа к утопии. СПб., 2003. Вып. 31. Электрон. версия печат. публ. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/zlatopolskaya-aa/poteryannyu-ray-estestvennogo-sostoyaniya-i-utopiya-sostoyaniya-grazhdanskogo> (дата обращения: 12.04.2016).

А. А. Златопольская, исследуя бытование апокрифических сочинений Ж.-Ж. Руссо в русской культуре, отмечает, что в конце XVIII – начале XIX в. «акцент ставится на религиозно-этических воззрениях, на самой личности “бедного Жан Жака”, а радикально-демократические взгляды “женевского гражданина” не замечаются»¹⁶⁴. Ф. З. Канунова, описывая отношение В. А. Жуковского к Ж.-Ж. Руссо, отмечала те же особенности восприятия философа: «Многое в Руссо не импонировало Жуковскому, например его общественный радикализм, содержащая явно выраженные негативистские черты историческая концепция и многое другое. Однако именно Руссо явился генератором ведущих идей первого русского романтика...»¹⁶⁵.

Критические настроения относительно идей Ж.-Ж. Руссо затронули и А. С. Шишкова. Так, он рекомендовал своим племянникам читать для нравственного развития в первую очередь духовные книги¹⁶⁶, даже не упомянув своего перевода «Маленькой детской библиотеки». Обозначившийся у А. С. Шишкова в XIX в. приоритет православного воспитания над изучением философии казался для адмирала очевидным фактом, поскольку общество отклонилось от «естественного» развития, что проявилось в кризисе морали и нравственности, вызванного «духом времени» – «нравственным развратом»¹⁶⁷, хотя само противопоставление «естественного» (природа) и «искусственного» (цивилизация) основывалось на идеях Руссо.

Доминирование религиозной этики над рациональными методами познания в области воспитания получило выражение в термине А. С. Шишкова «истинное просвещение». Его сущность – «в страхе Божиим, который есть начало премудрости; в утверждении себя в православной нашей вере, напоющей душу и сердце человеческое благоговением к Богу, любовью к ближнему и всеми нужными для благоденственного общежития добродетелями; и наконец в украшении ума своего

¹⁶⁴ Златопольская А.А. Под маской «бедного Жан Жака». А. М. Белосельский-Белозерский и апокрифические сочинения Ж.-Ж. Руссо в русской культуре // Человек. 2005. №5. С. 124-134.

¹⁶⁵ Канунова Ф. З. Философия человека в эстетике русского романтизма первой трети XIX в. // Филология и философия в современном культурном пространстве: проблемы взаимодействия. Томск, 2006. С. 230.

¹⁶⁶ Ответ адмирала А. С. Шишкова на недошедшее до нас письмо А. А. Шишкова о тяжелой болезни последнего в Грузии, 1820 г. // Шадури В. Друг Пушкина А. А. Шишков и его роман о Грузии. Тбилиси, 1951. С. 333.

¹⁶⁷ Шишков А. С. Записки адмирала Александра Семеновича Шишкова. М., 1869. С. 2.

науками, отвергающим путь к обширнейшим познаниям, к полезным искусствам и художествам»¹⁶⁸. Так он писал Александру I в 1824 г. после своего назначения на пост министра просвещения.

Стоит обратить особое внимание на роль концепта «страх Божий» в православной традиции, которую, очевидно, воспроизводил А. С. Шишков. Являясь одним из ключевых понятий христианской этики, «страх Божий» (или «страх Господень») имеет несколько трактовок: это и «страх, боязнь, опасение наказания от Бога, как низшая ступень добродетели страха Божия»¹⁶⁹. В этом смысле понятие является важнейшим средством регулирования социального поведения христианина.

Так, для старообрядческой традиции характерно повышенное внимание к понятию «страха Божия», рассматриваемого в эсхатологическом контексте как ключевой принцип нормального функционирования и выживания конфессии и являющегося, по сути, «формой социального контроля, средством стабилизации и саморегуляции»¹⁷⁰. В таком же значении термин трактуется в «Словаре Академии Российской», в создании которого принимал участие и А. С. Шишков¹⁷¹: «Повиновение, послушание»¹⁷².

На более высокой ступени понимания христианской этики «страх Божий» трактуется как «благочестие» или «совершеннейшая чистота и святость жизни..., простирающаяся до отсутствия страха Божия, до отождествления его с совершеннейшею, сыновней любовью к Богу»¹⁷³. В таком значении христианский термин противостоит понятию «злочестие», которое А. С. Шишков использовал в «Оде на покорение Польши» для показа одной из причин революции.

¹⁶⁸ Шишков А. С. Записки адмирала Александра Семеновича Шишкова. М., 1869. С. 14.

¹⁶⁹ Полный православный богословский энциклопедический словарь. СПб., 1912. Т. 2. Стб. 2122.

¹⁷⁰ Романова Н. И. Эсхатологические представления старообрядцев // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. 2012. № 18. С. 42–51 ; Пустовойт Ю. В. «Страх Божий» и его современное понимание: к вопросу о «растлении смыслов» // Научные труды Северо-Западного института управления. 2013. Т. 4. № 5 (12). С. 290–294.

¹⁷¹ Файнштейн М. Ш. А. С. Шишков и словарь Академии Российской (1789–1794) // Словари и словарное дело в России XVIII в. Л., 1980. С. 157–163.

¹⁷² Словарь Академии Российской : в 6 ч. СПб., 1794. Ч. V. Стб. 859.

¹⁷³ Полный православный богословский энциклопедический словарь. СПб., 1912. Т. 2. Стб. 2122 ; Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской академии наук : в 4 т. СПб., 1847. Т. IV. С. 234.

В конечном счете обращение к «религии сердца» Ж.-Ж. Руссо играло роль вспомогательного аргумента при обосновании необходимости в первую очередь духовного воспитания человека.

С точки зрения приоритетности конфессионального воспитания А. С. Шишковым понимались и цели образования в целом. Так, пользовавшиеся спросом в середине XVIII в. педагогические идеи Ж.-Ж. Руссо с его ориентацией на внутренний мир ребенка и гуманность методов воспитания были направлены на формирование гражданина, т.е. человека, подготовленного к жизни в обществе. Тогда как интерес А. С. Шишкова к вопросам воспитания после революции сдвинулся к религиозной концепции спасения: конечная цель воспитания виделась адмиралу в подготовке человека, образно говоря, к смерти, иными словами, к такой жизни, которая выступит залогом спасения на Страшном суде.

Таким образом, Ж.-Ж. Руссо в мысли А. С. Шишкова связывался с идеализацией «естественного» порядка, «религией сердца» – педагогическими идеями, носящими характер утопии и переосмысленными адмиралом после революции в религиозно-эсхатологическом ключе. Заданные конфессиональные рамки были обозначены терминами «благочестие»–«злочестие», с точки зрения которых А. С. Шишков оценивал результативность педагогических преобразований.

Антиподу Ж.-Ж. Руссо, Вольтеру, в русской культуре отводилась роль проповедника «разума». О знакомстве А. С. Шишкова с его произведениями свидетельствуют многочисленные ссылки на философа в сочинениях адмирала XIX в. Однако до выхода в свет в 1803 г. «Рассуждения о старом и новом слоге...» Вольтер практически не упоминается А. С. Шишковым. Его увлечения филантропизмом, масонством свидетельствуют о явном приоритете в XVIII в. идей «женеvского гражданина» над теориями «фернейского патриарха».

Однако, как ни странно, идеи Вольтера становятся востребованными в консервативной утопии А. С. Шишкова в период правления Александра I. Область их использования ярко видна в «Прибавлении к сочинению, называемому Рассуждение о старом и новом слоге российского языка, или собрание критик, изданных на сию книгу, с примечаниями на оные» (1804 г.),

эпиграфом к которому стали Руссо, взятые из знаменитого письма Кристофу де Бомону: «Pourquoi faut il que je vous écrive?...Quelle langue commune pouvons nous parler?» («Почему же я пишу вам?... на каком общем языке мы с Вами можем говорить?»)¹⁷⁴. Произведение состоит из двух частей: в первой («Примечания на письмо деревенского жителя») ведется полемика со статьей, опубликованной в «Северном вестнике», издававшемся И. И. Мартыновым; вторая часть представляет собой ответ на критику П. И. Макарова в «Московском Меркурии». Именно в ней встречаются неоднократные ссылки на Вольтера, тема которых – языковые вопросы.

А. С. Шишков цитирует несколько произведений Вольтера, затрагивающих вопросы переводов, языка и пр., среди которых «Карманный философский словарь» («Dictionnaire philosophique portatif»), появившийся в 1764 г. в Женеве и неоднократно переиздававшийся после¹⁷⁵. Словарь содержал в себе ряд статей о важнейших вопросах и понятиях современности, при этом автор критиковал религиозные воззрения, остроумно высмеивая пороки и догмы церкви. Читателям импонировал игривый и саркастический тон текстов. Сам А. С. Шишков находил в сочинениях Вольтера «острые и забавные шутки»¹⁷⁶, несмотря на то что зачастую они носили антирелигиозный характер. Тем не менее главный интерес для адмирала составили не религиозные очерки, а статья о языке¹⁷⁷. В ней Вольтер рассуждал о происхождении, эволюции, преимуществах и недостатках языков ведущих европейских наций (французского, английского, немецкого и др.). Не случайно в перечне рассматриваемых философом языков русский отсутствовал:

---

¹⁷⁴ Rousseau J.-J. Lettre Jean-Jacques Rousseau, citoyen de Genève à Christophe de Beaumont, archevêque de Paris, le 18 Novembre 1762 [La ressource électronique] // Rousseau J.-J. Collection complète des oeuvres. Genève, 1780–1789. Vol. 6. P. 27. URL: <http://www.rousseauonline.ch/Text/volume-6-melanges-tome-premier.php> (la date de l'accès: 05.07.2016).

¹⁷⁵ Voltaire. The Philosophical Dictionary [Electronic resource]. New York, 1924. Electronic data. URL: <https://history.hanover.edu/texts/voltaire/volindex.html> (access date 17.07.2016).

¹⁷⁶ Шишков А. С. Прибавление к сочинению, называемому Рассуждение о старом и новом слоге российского языка, или Собрание критик, изданных на сию книгу с примечаниями на оные // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской Академии Президента и разных ученых обществ Члена : в 17 ч. СПб., 1824. Ч. II. С. 426.

¹⁷⁷ Languages // Voltaire. The Philosophical Dictionary [Electronic resource]. New York, 1924. Electronic data. URL: <https://history.hanover.edu/texts/voltaire/vollangu.html> (access date: 17.07.2016).

по идеологическим соображениям он еще не попадал в поле зрения ведущих лингвистов¹⁷⁸.

С каким именно изданием «Философского словаря» познакомился А. С. Шишков, неизвестно, скорее всего, он читал его в оригинале, так как на русском языке статья «Французский язык. Языки» вышла только в 1812 г. в Москве в типографии Селиванского (перевел Н. Е. Левицкий) в составе второй части «Духа, или Избранных философических мыслей г. Волтера, о важнейших предметах, касающихся вообще до религии, богослужения, нравственности, законодательства, политики, истории, любомудрия, словесности; о законах, о нравах, обычаях; науках и художествах у различных народов, обитающих на земном шаре, выбранные из всех его сочинений некоторым любителем всеобщего просвещения», тираж которой почти полностью погиб во время пожара в Москве в 1812 г.¹⁷⁹.

Примечательно, что в «Письме деревенского жителя» А. С. Шишков не находил серьезных для себя обвинений, важным ему представлялось ответить московскому критику, статья которого была «более острой и аргументированной»¹⁸⁰. Поэтому постоянные отсылки к Вольтеру, а также к классикам Буало, Расину и другим, призваны были победить врага его же оружием – рациональными доводами просвещенной эпохи. Тем не менее нельзя не отметить созвучность многих высказываний Вольтера и самого А. С. Шишкова, который писал: «Вольтер здесь не только согласно с мнением моим говорит, но еще большего требует, чем я...», – и далее: «Кажется при таковых умствованиях Вольтер прочитав книгу мою о старом и новом слоге не стал бы так, как Меркурий, осмеивать меня, для чего желающим писать советую я упражняться больше в чтении славенских книг»¹⁸¹.

¹⁷⁸ Козлов С. «Гений языка» и «гений нации»: две категории XVII–XVIII веков // Новое литературное обозрение. 1999. № 36. С. 4–27.

¹⁷⁹ Вольтер в России: библиографический указатель 1735–1995: русские писатели о Вольтере (стихотворения, статьи, письма, воспоминания). М., 1995. С. 6, 27.

¹⁸⁰ Мейлах Б. С. А. С. Шишков и «Беседа любителей русского слова» // История русской литературы. М.; Л., 1941. Т. 5. Ч. 1. С. 188.

¹⁸¹ Шишков А. С. Прибавление к сочинению, называемому Рассуждение о старом и новом слоге российского языка, или Собрание критик, изданных на сию книгу с примечаниями на оные // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской Академии Президента и разных ученых обществ Члена: в 17 ч. СПб., 1824. Ч. II. С. 440, 447.

Тем не менее, признавая за Вольтером недюжинный ум и отдавая дань его научным сочинениям, А. С. Шишков на первое место выводил нравственно-религиозное развитие человека: «Как жаль, что при таких дарованиях был он в постыдном заблуждении о вере, сем божественном откровении, без которого человек не может обуздывать своих страстей, и при всем своем уме унижает себя до безумия животных! Но не должно смешивать одно с другим, то есть остроты ума его с душевной тупостию; ибо в одном может он столько быть велик, сколько в другом мал»¹⁸². Для А. С. Шишкова влияние Вольтера ограничивалось рациональной сферой бытия.

Таким образом, революция стала важным фактором актуализации традиционного ядра русской культуры в мировоззрении А. С. Шишкова. Изменения, которые она повлекла за собой, отозвались эсхатологическими настроениями в творчестве адмирала. По его мнению, предавшись «суемудрию», под которым он впоследствии стал понимать философию эпохи Просвещения, революционная Франция стала воплощением царства Антихриста, тогда как Россия приобрела черты истинно христианского государства. А. С. Шишков резко отрицал значение общественно-политических идей Просвещения, что нашло выражение в цензурном уставе 1826 г., запрещавшем все философские и исторические книги¹⁸³.

Однако прочно усвоив светский быт и логику философии, А. С. Шишков критиковал революцию и создавшуюся после нее угрозу миропорядка российской державы, отдавая дань французскому просвещению. Ю. М. Лотман, соглашаясь с Л. Н. Киселевой, писал, что «“Старшие архаисты”, столь яростно полемизировавшие с просветительской философией, в своих рассуждениях о языке исходят из их логики. Мышление их во многом родственно просветительскому рационализму»¹⁸⁴. Сочинения его крупнейших представителей, Ж.-Ж. Руссо и Вольтера,

¹⁸² Два письма о романтической словесности [пер. с фр. А. С. Шишков] // Краткие записки, содержащие в себе разные примечания и суждения о языке и словесности. СПб., 1834. Кн. 1. С. 14.

¹⁸³ Высочайше утвержденный Устав о Цензуре, 10 июня // Полное собрание законов Российской империи : Собрание 2. СПб., 1830. Т. 1 : С 12 декабря 1825 по 1827. № 403. С. 550–571.

¹⁸⁴ Киселева Л. Н. Идея национальной самобытности в русской литературе между Тильзитом и Отечественной войной (1807–1812) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1982. С. 12 ; Лотман Ю. М. Архаисты-просветители // Лотман Ю. М. Избранные статьи : в 3 т. Таллинн, 1993. Т. 3. С. 356.

привлекались адмиралом при формировании консервативной утопии с разными целями: идеи Вольтера, воплощавшего «культ разума», служили орудием словесной полемики, играя апологетическую роль, тогда как под влиянием Ж.-Ж. Руссо сложились нравственная философия А. С. Шишкова и его взгляды на воспитание как инструмент передачи национальных особенностей.

Суммируя вышесказанное, можно сформулировать значение французской философии в интеллектуальном развитии русского дворянства следующим образом: «увлечение французскими материалистами стало для него важным опытом осознания «тьмы неверия» через погружение в нее, которое позволило ощутить с особой остротой необходимость веры»¹⁸⁵. В то же время освещение места нравственности и морали в идеях А. С. Шишкова было бы неполным без учета его увлеченности масонством, отражавшей духовно-нравственные поиски русского дворянства последней трети XVIII – первой трети XIX в.

1.3 Масонство и процессы архаизации мировоззрения дворянина

Связи А. С. Шишкова с масонской традицией до сих пор не являлись предметом специального исследования. Фактические сведения ограничивались данными о его членстве в действовавшей в 1780-е гг. в Кронштадте «Ложу Нептуна»¹⁸⁶ и о подписке А. С. Шишкова на масонский журнал «Беседующий гражданин», издававшийся в 1789 г. «Обществом друзей словесных наук»¹⁸⁷. Необходимо отметить, что в этом же журнале адмирал разместил и стихотворение «Старое и новое время»¹⁸⁸. Автобиографические сочинения А. С. Шишкова также не содержат упоминаний о его участии в деятельности ложи «Нептун» в частности и отношении к масонству в целом.

---

¹⁸⁵ Драгайкина Т. А. Литературная и издательская деятельность И. В. Лопухина : мировоззренческие основы и стратегии жизнестворчества : дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2011. С. 30.

¹⁸⁶ Соколовская Т. О масонстве в прежнем русском флоте // Море. 1907. № 8. С. 2–39.

¹⁸⁷ Семенников В. П. Литературно-общественный круг Радищева // Радищев А. Н. Материалы и исследования. М., 1936. С. 237–238.

¹⁸⁸ [Шишков А. С.] Песня. Старое и новое время, или Кашель, не дающий оканчивать слов (перевод с французского) // Беседующий гражданин. 1789. Ч. 3, № 11. С. 297–301.

Тем не менее, несмотря на ограниченное количество источников, исследователями была поставлена задача изучения влияния масонства на формирование литературно-языковой позиции адмирала¹⁸⁹, решение которой возможно, на наш взгляд, при рассмотрении более широкой проблемы – анализа масонских идей как фактора обращения к традиционной религиозности.

Расцвет масонства в России пришелся на 1780-е гг., когда активной просветительской деятельностью занимались Н. И. Новиков, И. В. Лопухин, И. Г. Шварц, кн. Н. Н. Трубецкой, А. И. Тургенев и др. В 1783 г. были открыты типографии, печатавшие и распространявшие масонскую литературу, действовали на основе разных систем ложи в Москве, Петербурге, Владимире, Перми и пр.

Открытая в 1779 г. «Ложя Нептуна», в которой состоял А. С. Шишков, действовала на основе шведской системы. Отличавшаяся строгостью обрядов и иерархии, она приобрела популярность в России в конце 1770-х гг. и существовала вплоть до 1822 г., когда Александр I запретил масонские собрания. Ее популярность напрямую связана с деятельностью князя А. Б. Куракина, который во время дипломатической поездки в Швецию был посвящен в шведское масонство самим герцогом Карлом Зюдерманландским. А. Б. Куракину были переданы документы, необходимые для открытия капитула «Феникса» в Петербурге (открыт в 1778 г.) – главной ложи шведской системы в России. Исследователи русского масонства отмечают ее популярность среди дворянства¹⁹⁰.

Название ложи, в которой участвовали преимущественно моряки, совпадало с наименованием легендарной первой ложи, по масонским преданиям, основанной еще Петром. Думается, что моряки-масоны чувствовали определенную преемственность с деяниями императора. Мастерами стула в ложе являлись адмиралы А. Г. Свиридов, С. К. Грейг, а также врач при Морском кадетском корпусе Х. И. Цубер. Ложа работала на английском, русском, немецком языках и

---

¹⁸⁹ Масонство и русская литература XVIII – начала XIX вв.. М., 2000. 272 с. ; Сахаров В. Каменщики в эпопее : масонство в русской армии // Родина. 2003. № 9. С.48–49.

¹⁹⁰ Аржанухин С. В. Философские и общественно-политические взгляды русских масонов второй половины XVIII – первой четверти XIX вв. : дис. ... д-ра филос. наук. Екатеринбург, 1996. С. 96 ; Брачев В. С. Масоны в России – от Петра I до наших дней [Электронный ресурс]. СПб., 2000. Электрон. дан. URL: http://tsibanoff.narod.ru/brachev_masonry.pdf (дата обращения: 11.06.2016).

собиралась до 1788 г., когда официально была закрыта Екатериной II после проведения траурной церемонии по адмиралу Грейгу.

А. С. Шишков был членом «Ложы Нептуна», по данным А. И. Серкова, в 1780–1781 гг. в качестве «почетного члена 2-й степени». Титул «почетный» получали «по решению ложи пожилые и заслуженные масоны, неспособные уже выполнять уставные обязанности или платить постоянные взносы. ... Иногда “почетными” становятся даже влиятельные профаны, могущие оказать существенные услуги федерациям»¹⁹¹. Поскольку преподавателя тактики, лейтенанта морской службы, небогатого дворянина, живущего на одно жалованье, назвать влиятельным нельзя, то, скорее всего, А. С. Шишков занимал эту должность в силу предыдущих заслуг (возможно, на поприще педагогики) и не мог ее исполнять в связи с несением строевой службы. Тем не менее он значится членом масонской ложи во время пика ее деятельности. Вступление же, по-видимому, относится к 1779 г., когда ложа была открыта.

Говоря о причинах распространения масонства в России во второй половине XVIII в., можно выделить несколько факторов, которые определили его популярность в дворянской среде и, соответственно, могли повлиять на вступление А. С. Шишкова в ложу. Наряду с атмосферой таинственности русскому дворянству импонировали полувоенные обряды: «Пышные церемонии рыцарства; кресты, кольца, епанчи и родословные поколенья должны были произвести великое впечатление над нацией военной, в которой одно токмо знатное дворянство работами нашими занималось... Между нами такая воинская пышность не может быть неприятной, ибо все члены наши предводили батальонами и целыми армиями! Весьма приличествуют и кресты оные особам, которые в общежитии таковыми знаками чести украшены, или которые ничего так жадно не желают, как получения оных»¹⁹².

Другим существенным фактором вступления в масонство являлись те возможности, которые открывались перед его приверженцем в сословном

---

¹⁹¹ Соловьев О. Ф. Масонство : словарь-справочник. М., 2001. С. 292.

¹⁹² Ешевский С. В. Московские масоны восьмидесятых годов прошлого столетия (1780–1789) // Сочинения С. В. Ешевского : в 3 ч. М., 1870. Ч. 3. С. 484.

обществе. Можно сказать, что в масонской ложе происходила трансформация социальных отношений, основанных на субординации и Табели о рангах. Сам И. П. Елагин замечал: «Вошед таким образом в братство, посещал я с удовольствием [ложи]: понеже работы в них почитал совершенною игрушкою, для препровождения праздного времени вымышленною. При том и мнимое равенство, честолюбие и гордости человека ласкающее, боле и боле в собрание меня привлекало: да хотя на самое краткое время буду равным власти...»¹⁹³. В этом аспекте членство А. С. Шишкова в масонской ложе открывало для него возможность карьерного продвижения, что могло произойти, заручись он поддержкой «братьев», многие из которых были моряками, окончившими Морской кадетский корпус.

Однако корпоративный дворянский дух в ложах шведской системы с ее принципом подчинения или «послушания» не разрушался: выходцы из других сословий занимали низшую ступень посвящения. Так, к «братьям-служащим» в ложе «Нептун» относились слуги состоявших в ложе масонов (Иван Алексеев, Филат Ипатов, Пахом Васильев, Густав Фрейтрейтер), музыканты флота (Никифор Артемьев, Антон Иванов, Илья Крылов), матрос Прохор Фалеклеев, денщик Тимофей Плюснин.

Помимо служебных связей в ложах происходило складывание неформальных отношений. Если относительно роли масонства в служебной карьере А. С. Шишкова однозначно сказать ничего нельзя, то его вхождение в литературные салоны высшего света выглядит с этой точки зрения неслучайным. Так, И. Ф. Тимковский отмечал А. С. Шишкова среди постоянных гостей литературного салона И. И. Шувалова в 1780-е гг.¹⁹⁴, о котором Г. Р. Державин вспоминал следующий характерный эпизод: когда он собирался (в начале 1760-х гг.) идти к И. И. Шувалову с просьбой взять его в чужие края, тетка Г. Р. Державина, Ф. С. Блудова, считавшая масонов «отступниками от веры, еретиками, богохульниками, преданными антихристу», дала ему «страшную нагонку» и запретила ходить к И. И. Шувалову, которого московское общество полагало

¹⁹³ Записка о масонстве И. П. Елагина // Русский архив. 1864. Вып. 1. Стб. 99.

¹⁹⁴ Тимковский И. Ф. Мое определение в службу : Сказание в трех частях : (писано в 1850 г.) // Русский архив. 1874. Кн. 1. Вып. 6. Стб. 1450–1451.

главой масонского братства¹⁹⁵. Это, возможно, одна из нитей, связывающая А. С. Шишкова с «масонской литературой».

В масонстве большое значение отводилось мистическим обрядам, текстам и атрибутике, что вполне могло импонировать А. С. Шишкову. Развитию мистического мировосприятия способствовали морские путешествия. В своих воспоминаниях А. С. Шишков указал несколько эпизодов, связанных с его чудесным спасением: болезнь, несчастные случаи, борьба со стихией, – все это развивало и укрепляло фатализм в его мировоззрении. Вкупе с начальным религиозным воспитанием они хорошо сочетались с принятыми в шведской системе масонства строгими требованиями религиозности. Т. О. Соколовская писала: «Пропуск строг, врата открываются лишь перед тем, кто может сказать: я – христианин по святому обряду крещения»¹⁹⁶.

В некоторых странах эта идея была выражена более жестко: в собрания допускались только представители господствующей в стране религии. Однако в списке членов «Ложы Нептуна», в которую входил А. С. Шишков, наряду с русскими дворянами значились и иностранцы: С. К. Грейг (наместный мастер с 1779 г.), К. И. Ньюмен, А. И. Круз, И. И. Вейссе и др.

Требование христианского вероисповедания, понимание которого у масонов было близко по содержанию с «естественной религией сердца» Ж.-Ж. Руссо¹⁹⁷, будучи общим для всех лож шведской системы, несомненно, соответствовало духовным настроениям русского дворянства. Масонство появилось в России в эпоху глубокого религиозного кризиса и «служило удовлетворению религиозной потребности на внецерковной основе», разрабатывая новую нравственность. Прот. Г. Флоровский писал по этому поводу: «Вся историческая значительность русского масонства была в том, что это была психологическая аскеза и собирание души»¹⁹⁸. Последний мотив отразился в морализаторстве А. С. Шишкова.

¹⁹⁵ Державин Г. Р. Записки 1743–1812. М., 2000. С. 22.

¹⁹⁶ Цит. по: Краснощекова В. Русское масонство. М., 2007. С. 447.

¹⁹⁷ Златопольская А.А. Вольтер и Руссо в русской мысли XVIII–XIX века // Вестн. Рус. христиан. гуманитарной академии. 2011. № 4. С. 58.

¹⁹⁸ Флоровский Г. В. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. С. 115.

Когда и по каким причинам А. С. Шишков отошел от идей масонства – неизвестно, но представляется, что таким водоразделом послужила революция во Франции. Возможно, сыграла роль и официальная позиция двора: Екатерина, относившаяся изначально к масонству с подозрением, оказалась еще более недовольной именно шведской системой, требовавшей прямого и строгого подчинения русской аристократии шведскому королю (Верховному стокгольмскому капитулу). Это обстоятельство привело сначала к критике и высмеиванию масонской деятельности, а затем ссылкам высокопоставленных лиц, относившихся к масонству шведской системы (Н. И. Панин, А. Б. Куракин и др.) и делу Н. И. Новикова.

Об идейном расхождении А. С. Шишкова с масонством свидетельствуют его дальнейшие негативные высказывания в адрес мистиков и запрет в цензурном уставе 1826 г. на запрещающие издание «творений, заключающих в себе творения каких-либо тайных обществ ... нередко к Библии и учению Евангельскому примешиваемыми»¹⁹⁹.

Тем не менее масонство, понимаемое в определенной степени как попытка создания новой дворянской религии, дало многое А. С. Шишкову, несмотря на его молчание по этому поводу. Само внимание к внутреннему миру человека, его исконным онтологическим поискам и гносеологическим вопросам, несомненно, определило те проблемы, которые интересовали А. С. Шишкова в дальнейшем и ответы на которые стали основным содержанием его консервативной утопии.

Говоря о степени влияния масонских идей на взгляды А. С. Шишкова, следует быть осторожным в выводах, поскольку прямых свидетельств о связи его идеологических, литературных воззрений и масонской доктрины не сохранилось. Данный факт также ставит под сомнение утверждение В. И. Сахарова об отнесении ряда сочинений А. С. Шишкова к «масонской литературе». Однако некоторые сведения все же позволяют выявить роль масонства в жизни и творчестве

---

¹⁹⁹ Высочайше утвержденный Устав о Цензуре, 10 июня // Полное собрание законов Российской империи : Собрание 2. СПб., 1830. Т. 1 : С 12 декабря 1825 по 1827. № 403. С. 563.

А. С. Шишкова, в частности анализ его комментариев на животрепещущие темы своего времени, связанные с пониманием сущности человека, его предназначения и отражавшие кризис традиционного православного сознания.

Помимо поиска ответов на «вечные» вопросы, масонство роднило с религиозными верованиями и то, что оно выводило на первый план вопросы этики. Оно видело христианство в качестве фундамента для «новой нравственности». Тезис философов эпохи Просвещения о приоритете «разума» в процессах познания подвергался с этой точки зрения острой критике. «Разум», в случае если он выступал единственным мерилom человеческой деятельности, как полагали масоны, мог произвести ужасные последствия. И только гармония между «разумом» и «сердцем», которое «способно видеть ... гораздо глубже, чем ум», поскольку дополняет рациональные доводы нравственным измерением²⁰⁰, способствовала формированию социально полноценного человека.

А. С. Шишков воспроизвел такие рассуждения масонов в своем небольшом сочинении «О разуме» (дата создания около 1804 г.). Небольшой объем позволяет привести его полностью: «Разум при добром сердце в человеке вещь весьма хорошая, при худом, не редко бывает опасная и вредная; ибо употребляется не к обузданию, но к извинению и украшению страстей. Он часто больше вводит в заблуждение, нежели самая глупость. Простота и коварство не совместны между собою. Простой и злой человек есть некая редкость, но хитрых и злых много»²⁰¹.

Типичным примером преобладания «разума» над «сердцем» для А. С. Шишкова, как было указано выше, являлся Вольтер. Тогда как интерес к внутреннему миру человека и педагогическая деятельность привели А. С. Шишкова к увлечению идеями Ж.-Ж. Руссо. Примечательно, что понята в масонском смысле антитеза «разум»—«сердце» воспроизводилась А. С. Шишковым в дальнейшем в государственных масштабах: революционная Франция, прародителем которой являлась философия Просвещения («разум»), противопоставлялась благочестивой

²⁰⁰ Аржанухин С. В. Философские и общественно-политические взгляды русских масонов второй половины XVIII – первой четверти XIX вв. : дис. ... д-ра филос. наук. Екатеринбург, 1996. С. 298.

²⁰¹ Шишков А. С. Некоторые рассуждения : [О разуме; О почтении; О самолюбии; О власти] // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской Академии Президента и разных ученых обществ Члена : в 17 ч. СПб., 1831. Ч. XIV. С. 188.

религиозной России («сердце»), дворянство которой должно было, по мысли А. С. Шишкова, сочетать европейское рациональное сознание и русский религиозный дух.

Еще одно направление, связывающее масонство и религию, – это особый интерес масонов к Слову и Библии, коррелировавший во многом с установками традиционного общества²⁰². Соглашаясь с точкой зрения, что чтение играет основную роль в воспитании новой нравственной личности, масоны уделяли особое внимание не только тому, что читать, но и как читать. Поэтому не случайно активная просветительская деятельность масонов по времени совпадает со сменой типа чтения: от экстенсивного к интенсивному²⁰³. О новой «метóде» чтения писал в романе «Новая Элоиза» Ж.-Ж. Руссо под именем учителя Сен-Пре, рекомендовавшего ее своей ученице²⁰⁴. А. С. Шишков, относившийся к вопросу о чтении с особой тщательностью, вдумчиво подходил к вопросам перевода, руководствуясь категорией «полезности». Серьезный подход к слову он сохранил и при дальнейших своих переводах и сочинениях, в чтении же выдвигая на первое место духовные книги.

Огромным авторитетом у масонов пользовалась Библия, которую они прочитывали в мистическом ключе. Значение Священного писания для масонов заключалось, прежде всего, в нравственном воспитании человека и исправлении дурных нравов своего поколения. Особенно ярко такая роль священных книг видна из письма А. С. Шишкова своему племяннику Александру Ардалионовичу, который жил в доме дяди. После того как А. А. Шишков оказался в ссылке на Кавказе, он неоднократно пытался вернуться в Петербург, о чем просил помощи у своего дяди. Последний же отвечал ему: «Послушай, друг мой, ты молод и заблуждаешься. Говоришь о надежде свое на Бога, о теплой вере, и в то же самое время показываешь, что они у тебя только на языке, а не в душе и не в чувствах», – и далее: «Возьми евангелие и читай не от скуки, но со вниманием, с размышлением,

²⁰² Маслова А. Г. Пространственно-временные символы и мифологемы масонской поэзии : (по материалам масонских журналов 1770–1780-х гг.) // Вестн. Вят. гос. гуманитарного ун-та. 2011. № 4-1. С. 124–128.

²⁰³ Драгайкина Т. А. Чтение в масонской практике нравственного совершенствования человека // Известия Урал. гос. ун-та. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2008. № 55. Вып. 15. С. 268–272.

²⁰⁴ Руссо Ж.-Ж. Юлия, или Новая Элоиза // Руссо Ж.-Ж. Избранные сочинения : в 3 т. М., 1961. Т. 2. С. 35–38.

ты почувствуешь свое достоинство, полюбишь ближнего, полюбишь честь, великодушие, кротость, милосердие, воздержание, отечество, себя самого...»²⁰⁵.

Однако сам по себе приоритет духовных книг в круге чтения дворянина – не показатель связи утопии А. С. Шишкова с масонскими идеями. В этом плане важно именно мистическое восприятие Библии, которое проявилось у адмирала в оценке событий Отечественной войны, когда он увидел в происшедших событиях «десницу Божию», которая «во всю войну многократно являлась, творя чудеса»²⁰⁶. С. П. Мельгунов утверждал, что мистицизм, охвативший А. С. Шишкова в годы войны, был использован императором, который на основе европейских мистических учений и библейских выписок адмирала, объяснявших происходящие события, выработал идею Священного союза²⁰⁷.

В целом можно утверждать, что масонство способствовало актуализации традиционного понимания Слова и формированию особого отношения к литературному труду: писатель должен был осознавать масштаб своего влияния и постоянно самосовершенствоваться, также и ведение дневников, с точки зрения масонов, должно было помогать в развитии личности²⁰⁸. Применительно к А. С. Шишкову, в последнем обстоятельстве отчасти разъясняются механизмы и мотивы составления им различных записок, начиная от путевых заметок во время путешествий, заканчивая обширными автобиографическими сочинениями, которые он постоянно редактировал, отбирая наиболее удобные для использования в процессе воспитания факты и выстраивая идеальные поведенческие типажи. «Слово и жизнь в масонском мировоззрении находятся в органическом единстве. Слово есть выражение и продолжение жизни. Оно наряду с жизнью есть дар Божий»²⁰⁹, – писал С. В. Аржанухин.

Интерес А. С. Шишкова к сакральным вопросам человеческого бытия также выразился в его творчестве темой смерти. Результатами обращения к этой проблематике можно считать рассказ «Умиращее двенадцатилетнее дитя» в

²⁰⁵ Ответ адмирала А. С. Шишкова на недошедшее до нас письмо А. А. Шишкова о тяжелой болезни последнего в Грузии // Шадури В. Друг Пушкина А. А. Шишков и его роман о Грузии. Тбилиси, 1951. С. 331, 333.

²⁰⁶ Шишков А. С. Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова : в 2 т. Берлин, 1870. Т. 1. С. 138.

²⁰⁷ Мельгунов С. П. Император Александр I // Отечественная война и русское общество. М., 1911. Т. 2. С. 142.

²⁰⁸ Смит Д. Работа над диким камнем : масонский орден и русское общество в XVIII веке. М., 2006. С. 43.

²⁰⁹ Аржанухин С. В. Философские и общественно-политические взгляды русских масонов второй половины XVIII – первой четверти XIX вв. : дис. ... д-ра филос. наук. Екатеринбург, 1996. С. 299.

«Собрании детских повестей»²¹⁰ и более позднее участие А. С. Шишкова в полемике вокруг книги Е. Станевича «Беседа на гробе младенца о бессмертии...»²¹¹, когда адмирал защищал соответствие ее содержания догмам православной церкви²¹². «Momento Mori» понималось масонами как переход к другой жизни, к которой необходимо было готовиться – совершенствоваться в нравственном плане. Учитывая это обстоятельство, общая цель воспитания у масонов и А. С. Шишкова – формирование нравственной личности – может быть понята в сакральном ключе: человек должен ориентироваться не на приспособление к преходящей ситуации, но на конечность бытия.

Несмотря на разочарование в масонских идеях, они разбудили в российском дворянстве интерес к религии и во многом ее реабилитировали. В интересе к Священному писанию, нравственным проблемам, строительстве «нового» человека масоны демонстрировали традиционное православное мирозерцание, что проявлялось не только в типичном для христианина наборе тем, но и, как отмечал С. В. Аржанухин, в приспособлении православной традиции к современным реалиям²¹³. Оно нашло отражение в тщательном прочтении Библии, идее создания христианского братства, получившей интересную трактовку как в консервативной утопии А. С. Шишкова – его замыслах создания кафедры славянских языков, так и в государственном позиционировании после Отечественной войны. Таковым проявлением можно считать окруженное мистицизмом создание Священного союза²¹⁴. В приведенных примерах без труда можно увидеть завуалированную мессианскую идею, актуализированную масонством.

В целом в мировоззрении русского дворянина последней трети XVIII – первой трети XIX в. сложным образом сочетались и модные веяния эпохи Просвещения, и традиционные представления о месте и роли человека в социуме,

²¹⁰ Шишков А. С. Умирающее двенадцатилетнее дитя // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской Академии Президента и разных ученых обществ Члена : в 17 ч. СПб., 1818. Ч. I. С. 202–203.

²¹¹ Станевич Е. И. Беседа на гробе младенца о Бессмертии души, тогда токмо утешительном, когда истина оного утверждается на точном учении Веры и церкви. СПб., 1825. 317 с.

²¹² Кондаков Ю. Е. Кризис государственно-церковных отношений и церковный консерватизм в первой половине XIX века // Тетради по консерватизму. 2015. № 4. С. 59–70.

²¹³ Аржанухин С. В. Философские и общественно-политические взгляды русских масонов второй половины XVIII – первой четверти XIX вв. : дис. ... д-ра филос. наук. Екатеринбург, 1996. С. 323.

²¹⁴ Зорин А. «Кормя двуглавого орла...» Литература и государственная идеология в России последней трети XVIII – первой трети XIX в. М., 2004. С. 297–335.

перекодированные модернизацией с религиозного языка на светский. Эсхатологическое восприятие ситуации рубежа XVIII–XIX вв., сочетавшее несбывшиеся личностные корпоративные устремления с непредсказуемостью исторического развития в целом, заставляло дворянина искать устойчивую опору в пошатнувшемся мире. И именно традиционные структуры, составлявшие ядро русской культуры и воспроизводившиеся в том числе через практики конфессионального чтения, оказались востребованными в условиях кризиса общественного порядка и хаоса, вызванного также революционными событиями во Франции. Не случаен поэтому тот факт, что основой консервативной утопии А. С. Шишкова стал язык, сохранявший, с одной стороны, «мудрость предков», а с другой, стремительно развивавшийся за счет появлявшихся новых задач и культурных влияний.

2 Историко-лингвистические представления раннего консерватизма: традиционная религиозность в составе консервативной утопии А. С. Шишкова

В начале XIX в. в ходе разгоревшейся дискуссии «архаистов» и «новаторов» о путях развития русского литературного языка формировался «язык самоописания империи», получивший яркую национальную окраску. Будучи отголоском спора «древних и новых»²¹⁵, языковая полемика эпохи Александра I спровоцировала размышления о границах модернизации и национальном своеобразии, которые до сих пор волнуют исследователей и общественных деятелей. Соображения обеих сторон активно использовались в формирующемся идеологическом пространстве консерватизма, определив такую его характеристику, как национализм²¹⁶. В таком контексте важно рассмотреть, какие функции выполняли идеи традиционной религиозности в консервативной утопии А. С. Шишкова, как они преломились в идеологической призме национального своеобразия, и ответить на вопрос, были ли они сознательным выбором автора, его кредо или лишь удобным способом диалога с властью и обществом.

Однако перед тем как приступить к анализу консервативной утопии А. С. Шишкова, необходимо сделать несколько предварительных замечаний, характеризующих его общее увлечение лингвистическими проблемами, в ходе решения которых выкристаллизовывалась позиция адмирала.

Во-первых, интерес А. С. Шишкова к языковым вопросам зародился и развивался еще до правления Александра I и носил прикладной характер. Как было отмечено в предыдущей главе, к заслугам будущего адмирала во времена правления Екатерины II и Павла относят составление «Трехязычного морского словаря», участие в подготовке «Словаря Академии Российской» и руководство ученым комитетом при адмиралтействе²¹⁷, иными словами – в XVIII в. языковые

---

²¹⁵ Ионин Г. Н. Спор «древних» и «новых» и проблема историзма в русской критике 1800–1810 годов // XVIII век. Л., 1981. Сб. 13 : Проблема историзма в русской литературе. Конец XVIII – начало XIX в. С. 192–204.

²¹⁶ Минаков А. Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж, 2011. С. 376–382.

²¹⁷ Юров Р. В. Отечественная военно-морская энциклопедистика. Середина XVIII – конец XIX в. // Вопросы истории. 2012. № 3. С. 164–169.

исследования А. С. Шишкова не выходили за рамки деятельности по просвещению и филантропии.

Этому тезису противоречит гипотеза А. Д. Ивинского о том, что А. С. Шишков уже тогда вступил в дискуссию с властью²¹⁸. Исследователь предположил, что А. С. Шишков – это известный Любослов, полемизировавший с Екатериной II на страницах «Собеседника любителей русского слова» (1783–1784 гг.)²¹⁹. Хотя идеи, высказанные последним, в действительности перекликались с мыслями адмирала, гипотеза А. Д. Ивинского, построенная на ряде косвенных аргументов, опровергается небольшой деталью. Любослов, несомненно, тщательно знакомившийся с выпусками «Собеседника», оставляя на них комментарии, и внимательно относившийся к заимствованиям в языке, не мог допустить следующей ошибки в своих сочинениях: написать слово «драмма» с двумя буквами «м». Ведь в части I «Собеседника» обосновывалось написание слова с одной м через разницу между греческими корнями «драма» и «грамма»²²⁰. Между тем в части 12 «Собрания сочинений и переводов адмирала Шишкова» (1828 г.) помещена его пьеса «Невольничество», посвященная Екатерине II, на титульном листе которой имеется неправильный подзаголовок «драмма». Следовательно, можно заключить, что предположение А. Д. Ивинского, насколько бы оно правдоподобно ни звучало, все же неверно: литературная деятельность А. С. Шишкова не носила полемической окраски во времена Екатерины и была направлена на дело просвещения и образования.

Во-вторых, как уже отмечалось выше, переход от литературного творчества к идеологическому произошел у А. С. Шишкова достаточно резко: его сочинения приобрели совершенно иной характер после выхода в свет в 1803 г. «Рассуждения о старом и новом слоге русского языка», положившего начало полемике «архаистов» и «новаторов». Этот факт необходимо иметь в виду, поскольку

²¹⁸Ивинский А. Д. Литературная политика императрицы Екатерины II : «Собеседник любителей русского слова» : дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. С. 203.

²¹⁹Стенник Ю. В. Вопросы языка и стиля в журнале «Собеседник любителей русского слова» // XVIII век. 1993. № 18. С. 113–130 ; Кочеткова Н. Д. «Любослов» – сотрудник «Собеседника любителей русского слова» // XVIII век. 1962. № 5. С. 422–428.

²²⁰О правописании слова драма // Собеседник любителей русского слова : содержащий разные сочинения в стихах и в прозе некоторых русских писателей. 1783. Ч. 1. С. 109–111.

А. С. Шишков при характеристике общественно-политической ситуации начала XIX в. использовал языковые средства и категории, выработанные им в предыдущий период литературной деятельности²²¹. Таким образом, он не просто обозначал через язык «географические координаты» создаваемой им консервативной утопии (через определение преимуществ «славенорусского» языка по сравнению с другими языками и распространение их на такие элементы культуры, как мораль, вера и пр.), но и устанавливал ее хронологические рамки: идеальное прошлое маркировалось идеальной языковой ситуацией.

В-третьих, при описании консервативной утопии А. С. Шишкова нужно помнить о том, что традиционная культура в его понимании в значительной степени была идеализирована, что подчеркивали, в частности, А. В. Архипова, А. Ю. Минаков, видевшие в описании крестьянского быта адмиралом начатки романтизма и славянофильства²²².

Желание познания традиционной культуры перевешивало недостаток инструментария и методов ее анализа, что отразилось в такой черте идеологического творчества А. С. Шишкова, замеченной уже его современниками, как дилетантизм. И. А. Крылов метко подметил, что А. С. Шишков «хорошо знает, как писать не должно, но не знает, как должно писать. Можно доверять его обвинениям, но нельзя следовать его советам. Он похож на человека, который будет говорить вам, что опасно варить кушанье в нелуженой посуде и что для избежания вреда надобно всегда лудить ее суриком»²²³. При этом такой же дилетантизм А. С. Шишков зачастую проявлял и в суждениях о религии. По свидетельству прот. Г. Флоровского, «Фотий о нем выражается уклончиво: “Церкви православной ревнитель, поколику имел сведения...” Фотий хорошо знал, что эти “сведения” были очень скудными, и относились больше к положению Церкви в государстве, где она призвана быть опорой и оплотом

²²¹ Полежаева Т. В. Язык как фактор национального единства (на материале полемики архаистов и карамзинистов начала первой четверти XIX в.) // Вестн. Том. гос. ун-та. 2013. № 376. С. 96–100.

²²² Архипова А. В. Проблема национальной самобытности в русской литературе первой четверти XIX в. (эпоха становления романтизма) // Русская литература и фольклор (первая половина XIX в.). М., 1976. С. 40–42 ; Минаков А. Ю. А. С. Шишков как идеолог и практик русского консерватизма // Научные ведомости. 2009. № 7 (62). С. 143–150.

²²³ Цит. по: Вяземский П. А. Старая записная книжка. М., 2000. С. 106.

против мятежа и революции...»²²⁴. Подобные черты творчества А. С. Шишкова не должны вызывать удивления, поскольку были типичны для европеизированного дворянина, детство которого происходило в деревне, а взросление – в сословных воспитательных учреждениях.

Таким образом, консервативная утопия адмирала как комплекс общественно-политических идей, основанных на традиционных ценностях, создавалась на результатах «мирной», неполемической литературно-лингвистической деятельности А. С. Шишкова. Выработанные им в конце XVIII в. представления о прошлом были зачастую идеализированы, что в конечном итоге определило характер воззрений адмирала в период правления Александра I.

2.1 Христианская мораль и традиции в ранних произведениях А. С. Шишкова

Масонская традиция, уделявшая много внимания духовному росту индивидуума, анализу поступков и поведения, проявилась в творчестве А. С. Шишкова большим количеством автобиографических заметок²²⁵, которые он впоследствии активно редактировал, переводив свои личные впечатления и переживания в плоскость общественно значимых идей.

Смена ориентиров проявилась и в смене читателя: если изначально А. С. Шишков составлял описания для самого себя, то впоследствии его целью стало определенным образом воздействовать на образ мыслей молодого поколения дворянства, спасти его от пагубного влияния «духа времени»²²⁶. Интересна в таком контексте реакция С. Т. Аксакова на «Рассуждение о старом и новом слоге...»: «Эти книги совершенно свели меня с ума... Русское мое направление и враждебность ко всему иностранному укрепились сознательно, и

²²⁴ Флоровский Г. В. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. С. 161.

²²⁵ О роли дневниковых записей в масонстве см. : Смит Д. Работа над диким камнем : масонский орден и русское общество в XVIII веке. М., 2006. С. 43–44 ; Зорин А. Поход в бордель в Москве в январе 1800 (Шиллер, гонорей и первородный грех в эмоциональном мире русского дворянина) // Новое литературное обозрение. 2008. № 92. С. 142–157.

²²⁶ Меркулов И. В. К вопросу об объективности отражения реальности в «Отрывке из жизни N...» А. С. Шишкова // Университетский историк. СПб., 2007. Вып. 4. С. 76–86.

темное чувство национальности выросло до исключительности»²²⁷. А. С. Шишков заново знакомил своего читателя с традиционной русской культурой, основы которой были им получены в детстве и во время учебы в Морском кадетском корпусе, где среди других предметов преподавался Закон Божий. О достаточно глубоком усвоении конфессиональных ценностей свидетельствуют его ранние произведения.

Очерк «Разбитие русского военного корабля у берегов Швеции в 1771 г.», опубликованный в «Отечественных записках» в 1821–1822 гг., но с использованием ранних материалов, повествует о морском путешествии А. С. Шишкова. Это был его первый учебный поход, при описании которого он несколько преувеличил важность своей роли в нем. Корабль потерпел крушение, моряки чудом остались живы и вынуждены были искать спасения в шведской земле. Автор описывал кадетскую жизнь до мелочей: условия быта, отношения с начальством и поведение гардемарин. Однако на страницах очерка практически не встречается описаний церковных служб или священника. Его фигура появляется в условиях смертельной опасности, когда моряки, застигнутые штормом, уже не думали остаться в живых: «Каждый час угрожал гибелью. Люди, приготавливаясь к смерти, надевали на себя белые рубашки. Священник в облачении читал перед образом молитвы; все в отчаянном страхе, иные падши ниц, иные стоя на коленях, иные с воздетыми к небу руками, молились...»²²⁸. Полное опасностей морское путешествие еще не раз заставляло А. С. Шишкова вспомнить о божественном присутствии и, возможно, способствовало зарождению в нем фатализма, проявившегося в более поздний период.

Примечателен и другой эпизод, свидетельствующий в том числе и о знакомстве А. С. Шишкова с народными религиозными представлениями. Серьезно заболев на корабле, он нашел помощь у матроса: «Старик матрос, поправляя у меня изголовье, и тужа обо мне, шепнул мне с усердием на ухо:

---

²²⁷ Аксаков С. Т. Воспоминание о Александре Семеновиче Шишкове // Аксаков С. Т. Полн. собр. соч. : в 6 т. СПб., 1886. Т. 3. С. 174.

²²⁸ Разбитие русского военного корабля у берегов Швеции в 1771 г. // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской Академии Президента и разных ученых обществ Члена : в 17 ч. СПб., 1828. Ч. XII. С. 278.

«батюшко! Позволь мне положить нечто к тебе под головы; авось тебе будет легче». Я спросил: что такое? Он отвечал: «Богородицын сон». Я промолчал; он сунул мне под подушку маленькую рукописную тетрадку». Далее произошло чудесное исцеление: «Силы мои стали отчасу прибавляться; ночью я уснул, и поутру мог уже сам ворочаться, а потом и вставать»²²⁹.

Необходимо отметить, устойчивость народной веры в чудодейственные свойства образа Богородицы: в 1980-х гг. этнографами зафиксирован факт использования крестьянским населением Русского Севера молитвы «Богородицын сон», или «Сон Пресвятой Богородицы», а также богородичных иконок в качестве оберегов. Молитву читали «от страха, от ветра и бури, а также чтоб не заблудиться»²³⁰.

Народные полуязыческие верования оказываются в составе традиции, воспроизводимой А. С. Шишковым, что доказывает верность вывода Е. Б. Смилянкой: «Магическое и христианское, даже не вступая в противоречия, зачастую являлись взаимодополняющими в религиозной жизни православного человека XVIII в.»²³¹. Феномен совмещения ранее несовместимых явлений оказался возможен после петровской модернизации, когда оппозиция «православие»—«язычество», на которой происходило выстраивание христианского универсума, была заменена оппозицией «христианство»—«атеизм». Не случайно в этом эпизоде возникает фигура матроса: вырванные из привычной конфессиональной среды «городской колдун и солдат были свободны в приспособлении традиции к новым запросам»²³².

Оба описанных сюжета «Путешествия» свидетельствуют об актуализации традиционного сознания в минуты смертельной опасности. Однако боязнь за свою жизнь и мысли об ее спасении находятся в границах личных переживаний, не затрагивая судьбы народа или всего человечества. В драме А. С. Шишкова

²²⁹ Разбитие русского военного корабля у берегов Швеции в 1771 г. // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской Академии Президента и разных ученых обществ Члена : в 17 ч. СПб., 1828. Ч. XII. С. 308–309.

²³⁰ Щепанская Т. Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции, XIX–XX вв. М., 2003. С. 96.

²³¹ Смилянская Е. Б. Волшебники. Богохульники. Еретики : народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII в. М., 2003. С. 127.

²³² Смилянская Е. Б. Волшебники. Богохульники. Еретики : народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII в. М., 2003. С. 118.

«Невольничество» (1780) они перерастают в семейную трагедию с элементами государственной символики.

Драма была задумана и создана как ода Екатерине II, даровавшей крупную сумму для выкупа христианских невольников из плена. Необходимо отметить, что связь с православной традицией просматривается уже в самом выборе жанра произведения, ведь язык одической литературы, как отмечал В. М. Живов, был близок языку церковнославянского панегирика²³³.

Хронотоп пьесы вполне соответствует классическим представлениям о драматическом искусстве: все действия протекают в течение одного дня в одном месте (темнице), где томятся мать, сын, дочь, ее любовник и их друзья, попавшие в плен к туркам и татарам, а затем оказавшиеся «в одном приморском городе в Африке»²³⁴. Согласно классицизму присутствуют аллегорические описания античной богини славы. Типичным оказывается и изображение, несомненно, главной героини – императрицы, которая присутствует лишь косвенно в пьесе. Она выкупает невольников из плена и в благодарность награждается такими эпитетами, как «милосердная», «человеколюбивая», «Великая Самодержица» и пр.

Вместе с тем императрица возносится и на «сверхчеловеческий» пьедестал. В четвертом явлении, описывающем радость освобождения, невольник Миролуб восклицает: «Упьемся радостью; поставим в сердцах наших алтарь Великой Самодержице и купно Матери нашей! Она нам жизнь посылает, Она воскрешает нас из мертвых, Она дарует нам свободу!»²³⁵. Образы алтаря, воскрешения и особенно наименование императрицы Матерью, которая, взирая на дела чад своих, «невидимо над ними присутствует»²³⁶, напоминают о культе Богородицы, издревле считавшейся защитницей Руси²³⁷. Воспринятое в таком контексте сравнение императрицы и Богоматери является успешным примером «идеологического стягивания» в светскую сферу ценностей религиозного мира.

²³³ Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века. М., 1996. С. 243–264.

²³⁴ [Шишков А. С.] Невольничество // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской Академии Президента и разных ученых обществ Члена : в 17 ч. СПб., 1828. Ч. XII. С. 1.

²³⁵ Там же. С. 28.

²³⁶ Там же. С. 14.

²³⁷ Щепанская Т. Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции, XIX–XX вв. М., 2003. С. 99.

Страдания пленников также описываются языком религии. Для невольников жизнь в плену подобна пребыванию в аду: «Сие место, куда нас заключил гнев Божий, есть ад земной, где собранные отовсюду несчастные люди терпят разные мучительства, от которых едина только смерть их избавить может»²³⁸. В ходе развития действия сравнение с адскими мучениями еще более усиливается. Страдания одной семьи, изначально вызванные тем, что они видят, как угасают силы друг друга, как их истязают и мучают, усиливаются впоследствии тем, что их планируют разлучить. Изображение этой сцены тесно связано с более поздними представлениями А. С. Шишкова о революции, ее потусторонней сущности, которая «превращает», переворачивает мир наизнанку. «Здесь все то, что делает пребывание наше на свете сладостным, что человеческое благополучие уподобляет блаженству бессмертного Бога: родство, дружество и любовь, сии неисчерпаемые утех источники, превращены в желчь и смертоносную отраву!» – восклицает Добромысл²³⁹.

Однако общий просвещенческий пафос пьесы поглощает и растворяет традиционную логику автора: даже при описании жизни героев до плена и после в центре внимания оказывается не конфессиональное противостояние христиан и мусульман – татар и турок, которые взяли в плен главных героев; действующие лица в пьесе практически не идентифицируются как христиане, они фигурируют как *россияне*²⁴⁰. На первом месте для героев пьесы оказываются типичные для дворянства ценности: слава Отечества и императрицы. Но несмотря на характерные для эпохи Просвещения стилистические и композиционные решения, за общей канвой событий угадывается христианское мироощущение: золотое прошлое заменено на мучения настоящего (изгнание из рая – заключение в плен), а затем после еще более страшных событий (Страшный Суд – разлука), снова наступает счастливое время (Царство Божье – освобождение из плена).

Как художественное средство А. С. Шишковым используется в пьесе концепт «гнев Божий», играющий в православной доктрине одну из ключевых

---

²³⁸ [Шишков А. С.] Невольничество // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской Академии Президента и разных ученых обществ Члена : в 17 ч. СПб., 1828. Ч. XII. С. 9.

²³⁹ Там же. С. 18.

²⁴⁰ Там же. С. 14.

ролей и понимаемый автором исключительно как насланные бедствия. Это же определение зафиксировано во втором томе «Словаря Академии Российской» (1790 г.): «естественное, но чрезвычайное происшествие, бедствие нам наносящее»²⁴¹. Тогда как в христианском понимании «гнев Божий» – это не только инструмент вразумления и исправления человека, но и испытание праведных²⁴². В этом смысле он является регулятором социальных отношений и может в том числе выступать как движущая сила христианской истории. Так, концепт «гнева Божьего», будучи частью эсхатологической доктрины, стал наряду с понятием «страх Божий» основой формирования поведенческой модели старообрядческих сообществ. Считая себя носителями «истинной веры», они принимали дискриминацию как своего рода испытание праведных, что обеспечивало им большую подготовленность к мирским страданиям, чем их соседям-«никонианам»²⁴³. В схожем значении термин «гнев Божий» А. С. Шишков начнет употреблять в годы войны с французами: «Властолюбие, соединясь с безверием, достигло до такой степени кровопийственного буйства, что возмутило спокойствие всех народов и навлекло на себя гнев Божий. Его, а не человеческая рука поразила сие чудовище. Она, без всякого насилия и принуждения, соединила всех разnodержавных и разномыслящих людей в одну душу, воздвигла справедливую сторону против несправедливой и все ее, даже иногда несогласные, или необдуманные, или противные успехам, начинания и предприятия неисповедимыми путями своими обращала ей в пользу и торжество»²⁴⁴.

Воспроизведение традиционной логики событий ярко прослеживается и в стихотворении «Старое и новое время», опубликованном в 1784 г. в журнале «Собеседник любителей русского слова», в нем впервые появляются идеи, впоследствии ставшие основой консервативной утопии.

²⁴¹ Словарь Академии Российской : в 6 ч. СПб., 1790. Ч. 2. С. 133.

²⁴² Православная энциклопедия. М., 2006. Т. 11. С. 619.

²⁴³ Дутчак Е. Е. Из «Вавилона» в «Беловодье»: адаптационные возможности таежных общин староверов-странников (вторая половина XIX – начало XXI в.). Томск, 2007. С. 279.

²⁴⁴ Шишков А. С. Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова : в 2 т. Берлин, 1870. Т. 1. С. 169.

Является ли стихотворение собственным творческим продуктом А. С. Шишкова или переводом, до сих пор не выяснено. Хотя при публикации стихотворение значилось как «перевод с французского», обнаружить оригинал не удалось²⁴⁵. Тем не менее большинство исследователей склонно признавать авторство А. С. Шишкова, так как в предисловии к «Собеседнику любителей русского слова» Екатерина выдвинула строгое требование «публиковать только оригинальные русские произведения»²⁴⁶. Стихотворение А. С. Шишкова перепечатывалось несколько раз и изначально содержало всего две строфы. Полностью оно появилось в 1789 и 1804 гг. в журналах «Беседующий гражданин» и «Друг просвещения»²⁴⁷.

Общее содержание стихотворения А. С. Шишкова вполне соответствовало «просвещенному» духу «Собеседника...». Учрежденный Е. Р. Дашковой журнал, в котором большую роль играла императрица, имел своей целью не только развитие русской литературы и языка, но и исправление нравов. Сама Екатерина так определила культурные следствия появления «Собеседника»: «Говорят, что язык Российский способом оной вычистится, слова прямые определятся и установятся; что сочинения русские размножатся; что сие издание обещает и о Истории нашей лучшие сведения нам подать, нежели мы до сей поры имели; наконец будто и пороки в посмешищество придут; обычаи у других народов занятые, а нам несвойственные откинутся; что нечувствительно число читателей так умножится, что и женщины вместо того чтоб в карты загадывать или по рядам без нужды ходить, за чтение Собеседника примутся...»²⁴⁸.

В «Старом и новом времени» А. С. Шишков описывал и выставлял на всеобщее осуждение основные пороки современного ему общества: ложь, вероломство, притворство – вполне обычный перечень для идеологической традиции второй половины XVIII в. На темы женской неверности и упадка

²⁴⁵ Подробнее см.: Альшуллер М. Г. Беседа любителей русского слова : у истоков русского славянофильства. М., 2007. С. 36–42. Он же опубликовал дополнения к официальной версии стихотворения из Оленинского списка, но их авторство достоверно не установлено.

²⁴⁶ Ивинский А. Д. Литературная политика императрицы Екатерины II : «Собеседник любителей русского слова» : дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. С. 140.

²⁴⁷ Поэты 1790–1810-х. Л., 1971. С. 840.

²⁴⁸ Из Звенигорода от 20 июня 1783 г. К господам издателям // Собеседник любителей русского слова. 1783. Ч. 2. С. 8.

литературы, также затрагивающиеся в произведении, рассуждала и императрица. Литературная мысль эпохи Просвещения часто находила выражение в сатирических произведениях, поскольку бытовало мнение, что именно «путем убеждения, распространения правильных и осмеяния неправильных, ложных «мнений» можно искоренить пороки, дурные нравы»²⁴⁹. Стихотворение А. С. Шишкова в этом смысле входит в многочисленный корпус подобных произведений. Однако несколько моментов позволяет выявить его отличительные черты: в стихотворении можно увидеть развитие традиционной логики автора и, как следствие, указать особую роль произведения в становлении консервативной утопии адмирала.

Говоря об описании в стихотворении утопии, М. Г. Альтшуллер, отметил строфу, описывающую состояние литературы, когда прежний «золотой век» литературы сменился современной печальной ситуацией:

Не слышно больше звона
От лиры Аполлона;
Измученный Пегас
Насилу на Парнас,
Лишася прежней силы,
Таскает ноги хилы,
И муза уж пошла –
Каха, кахи, каха.

Исследователь указывал на утопичность описываемого образа литературы: «перед нами снова утопия, в которой «прежние веки» суть не что иное, как страстно желаемое будущее. Неслучайно в этом прошлом / будущем А. С. Шишков увидел совершенно немислимый ни в петровскую, ни тем более в допетровскую эпоху расцвет поэзии и прозы, гармонию между читателем и писателем»²⁵⁰.

---

²⁴⁹ Берков П. Н. Основные вопросы изучения русского просветительства // Проблемы русского Просвещения в литературе XVIII в. М.; Л., 1961. С. 21.

²⁵⁰ Альтшуллер М. Г. Беседа любителей русского слова : у истоков русского славянофильства. М., 2007. С. 36.

На наш взгляд, аргументацию М. Г. Альтшуллера можно дополнить. Во-первых, известный польский исследователь утопии Е. Шацкий отмечал, что утописта «не интересует «лучше», но только «хорошо»²⁵¹. Действительно, то, что М.Г. Альтшуллер называет «страстно желаемым будущим» воспроизводило условия «хорошего» прошлого, но не ставило общество на новую, «лучшую» ступень развития.

Во-вторых, наглядно демонстрируя преимущества конструируемого прошлого, А. С. Шишков не мог избежать сознательного дидактизма, еще одной характеристики утопического сознания, отмеченной Е. Шацким²⁵², которая позже превратила утопию адмирала в «особый случай идеологии».

В-третьих, сама логика построения стихотворения основана на описании идеального мира и его противоположности, отсутствие исторической составляющей указывает на утопичный характер описываемого общества. Антиисторизм впоследствии станет важнейшей характеристикой консервативного мышления, основанного на традиции: «Если у консервативных мыслителей отсутствовало чувство исторического прогресса, то у них было обостренное чувство различия между обществами, сформированными и прошедшими естественную поэтапную стабилизацию, которые в процессе истории противопоставлялись тем, что были созданы сразу и искусственно. Если они не могли объяснить, как были скроены исторические одежды, и отрицали, что они были скроены, зато любили объяснять, как они были удобно сшиты для длительной носки»²⁵³.

Стихотворение А. С. Шишкова резко контрастирует с общей линией журнала не только описанием утопической ситуации, но и ценностным отношением к оппозиции «прошлое»—«настоящее». Так, для «просвещенной монархии» Екатерины прошлое однозначно определяется как хранилище предрассудков²⁵⁴. Ярким примером тому служит герой Дедушка из «Былей и небылиц», который своими высказываниями и поведением демонстрирует

²⁵¹ Шацкий Е. Утопия и традиция. М., 1990. С. 35.

²⁵² Шацкий Е. Утопия и традиция. М., 1990. С. 18, 44.

²⁵³ Хобсбаум Э. Век революции. Европа, 1789–1848. Ростов н/Д., 1999. С. 337.

²⁵⁴ Евстратов А. Г. Публицистический аспект комедиографии Екатерины II : из комментария к пьесе «О время!» (1772) // Вестн. Рос. гос. гуманитарного ун-та. 2008. № 11. С. 212–218.

отсталость «старины», ее неразвитость и пр. Противостояние прошлого и настоящего с подобными характеристиками можно встретить в сочинениях В. В. Капниста, Е. Р. Дашковой, опубликованных в «Собеседнике». «На страницах СЛРС «спор о древних и новых» решается, безусловно, в пользу последних», – писал А. Д. Ивинский²⁵⁵.

Совершенно противоположная картина предстает в стихотворении А. С. Шишкова, где «старое время» однозначно нагружается положительными коннотациями, а «новое» – отрицательными. Представляется, что такая идеализация прошлого, свойственная А. С. Шишкову и в последующее время, восходит своими корнями к традиционному мировоззрению и соответствует библейскому мифу: рай (прошлое) – изгнание из рая, упадок (настоящее) – возвращение (будущее). В связи с этим не случайно в XIX веке А. С. Шишкову было дано прозвище «старовер», подчеркивавшее, с одной стороны, его идеалистические устремления, а с другой, роднившее его со старообрядцами, сотериологическая концепция которых полностью ориентировалась на прошлое.

Тем не менее основной посыл стихотворения «Старое и новое время» – вполне просветительское желание перевоспитать общество, указав на его предрассудки.

Таким образом, вариант «языка самоописания империи», продемонстрированный в ранних произведениях А. С. Шишкова, фиксировал традиционные представления, тесно переплетавшиеся с идеями Нового времени и народными религиозными воззрениями. Язык традиции, востребованный в условиях социальных катаклизмов, которые могли быть и реальными событиями (очерк «О разбитии...»), и вымышленными фабулами (драма «Невольничество»), восстанавливал пошатнувшееся личное и общественное равновесие. Утопия приобретала все более яркий эсхатологический аспект, и к началу XIX в. ее основной задачей стало спасение в условиях кризиса мировоззренческих основ, решаемой А. С. Шишковым с помощью языка православной религиозности.

---

²⁵⁵ Ивинский А. Д. Литературная политика императрицы Екатерины II : «Собеседник любителей российского слова» : дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. С. 194.

2.2 Эсхатологическая метафора как средство концептуализации консервативных идей дворянина на рубеже XVIII–XIX вв.

Определив Французскую революцию как катастрофу вселенского масштаба, консервативная дворянская оппозиция расценивала ее как разлом между идеальным прошлым и непонятым будущим. «Будущее от нас сокрыто, а настоящее далеко не представляло полной уверенности в том, что произошло»²⁵⁶, – писал А. С. Шишков в 1812 г., устанавливая прямую связь между революцией и Отечественной войной как ее следствием.

Современный немецкий исследователь Й. Тремплер, задаваясь вопросом о том, что мы называем катастрофой, полагает решающим фактором не масштаб произошедшей трагедии и количество человеческих жертв, а то ценностное значение, которое мы ей придаем²⁵⁷. Так, первыми катастрофами в полном смысле этого слова для европейского человека стали Лиссабонское землетрясение 1755 г. и Великая французская революция, осмыслявшиеся в рамках христианской эсхатологии. Исключением не стало и европеизированное русское дворянство. При этом не имело большого значения, являлось ли это событие результатом природного явления (землетрясение) или человеческих действий (революция), везде виделась божественная воля. Эти события стали определяющими моментами в концептуализации нового мировидения. «Только катастрофа создает пространство для новых структур, тем самым являясь поворотной точкой»²⁵⁸, – пишет Й. Тремплер.

О новом видении мира, который сложился после революции, свидетельствует сам термин «катастрофа», заимствованный из театральной среды, ориентированной на зрелищность и образность. Театральность событий отмечал уже Э. Берк в своем сочинении «Размышления о Французской революции»: «При виде того, что происходит в этом чудовищном трагикомическом спектакле, где

²⁵⁶ Шишков А. С. Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова : в 2 т. Берлин, 1870. Т. 1. С. 258.

²⁵⁷ Trempler J. Event and pictorial act Catastrophes and their images // Res : Anthropology and Aesthetics. 2013. Vol. 63/64. P. 201.

²⁵⁸ Ibid. P. 204.

бушуют противоречивые страсти, зритель поочередно оказывается во власти презрения и возмущения, слез и смеха, негодования и ужаса»²⁵⁹.

А. С. Шишков также столкнулся с проблемой поиска адекватных образов для описания действительности, ведь лексика Просвещения была дискредитирована в его глазах. Э. Хобсбаум отмечал, что «Франция создала словарь и дала примеры либеральной и радикально-демократической политики для всего мира. Франция стала первым великим примером, концепцией и словарем национализма»²⁶⁰. Естественно, что А. С. Шишков не мог воспользоваться этим «словарем», и его попытки выработки нового языка привели к обращению не к повседневному опыту, который для русского дворянина заключался в поверхностно усвоенном европейском быте, а к более глубоко укорененным идейным структурам – традиционной религиозности. Подобный поворот во взглядах пережили и другие представители раннего консерватизма (Ф. В. Ростопчин, С. Н. Глинка), активизация деятельности которых связана с наполеоновскими войнами.

Необходимо отметить, что деятели консервативного направления начала XX в., осмысляя революционные события, рассуждали теми же категориями. Так, Л. А. Тихомиров считал происходящие события «отражением общей вселенской борьбы за Царство Божие» и стремился через религиозные тексты нарисовать предопределенную картину Апокалипсиса²⁶¹. Таким образом, обращение интеллектуальной элиты в разное время к эсхатологии, как показывает практика, связано с катастрофическими событиями национальной истории. Свою задачу интеллектуалы консервативного толка, таким образом, видели в расшифровке тревожных свидетельств.

Между тем, появление термина «катастрофа» связывается исследователями не со временем правления Александра I. Концепт пришел в русский понятийный аппарат позднее, вместо него в описаниях революции и ее последствий

²⁵⁹ Берк Э. Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию М., 1993. С. 47.

²⁶⁰ Хобсбаум Э. Век революции. Европа, 1789–1848. Ростов н/Д., 1999. С. 81.

²⁶¹ Милевский О. А. Текст Апокалипсиса в историсофском наследии Л. А. Тихомирова // Человек – текст – эпоха. Томск, 2011. Вып. 4 : Аналитические практики и перспективы современного источниковедения. С. 302–316.

А. С. Шишков использовал такие понятия, как «превращение умов», «переворот». Для осознания новой ситуации требовались новые категории, которые не могли быть заимствованы в силу установки борьбы с иностранным влиянием. А. С. Шишков пытался найти в неустойчивом мире опору, новые формы языка, способные описать действительность. В этих поисках русская консервативная мысль нашла выход: использование метафор как литературного тропа, объясняющего происходящие события наглядными образами²⁶², которые заимствовались из христианской эсхатологической картины мира.

Среди таких концептуальных понятий-метафор, использовавшихся А. С. Шишковым, можно выделить несколько групп. Первая группа – **метафоры катастрофы** – доминирует в произведениях адмирала, описывающих революционные события и их последствия.

Примечательно следующее обстоятельство: в «Оде на покорение Польши», описывающей последствия революции, А. С. Шишков использовал образы животного мира («лютый, стоглавый, ядовитый змей», «когтями порока», «скрежещущая злость зубами», «хищна праздность», «дикий зверь» и пр.²⁶³). Во время Отечественной войны и после ее окончания в текстах А. С. Шишкова доминируют метафоры стихийных бедствий, в особенности пожара: «действия и успехи злых сил, подобно *горящему зданию* [здесь и далее курсив наш. – Т. П.], до тех пор неявны, доколе малы; но чем более возрастают, тем и всякому виднее становятся, и тем сильнейшее обращается на них внимание не только своего, но и чужих народов; видя *дом свой зажигаемым*, трепещат от ужаса и чужие народы; при *распространении огня* сего в сильной, страшной для них Державе радуются, ибо на разрушение сил ее создают надежду своего величия»²⁶⁴. Параллельно проводится традиционная мысль о России как оплоте, скале в бушующем мире²⁶⁵. Возможно, такой переход от одушевленных объектов к неодушевленным

²⁶² Смолярова Т. Зримая лирика. Державин. М., 2011. С. 34.

²⁶³ Шишков А. С. Ода на покорение Польши // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской Академии Президента и разных ученых обществ Члена : в 17 ч. СПб., 1831. Ч. XIV. С. 143–153.

²⁶⁴ Шишков А. С. Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова : в 2 т. Берлин, 1870. Т. 1. С. 8.

²⁶⁵ Сдвижков Д. А. Изобретение XIX века. Время как социальная идентичность // Изобретение века. Проблемы и модели времени в России и Европе XIX столетия. М., 2013. С. 21–25.

объясняется желанием подчеркнуть неосознанность действий неприятеля, отсутствие в них здравого смысла. Другое объяснение восходит к непосредственному опыту А. С. Шишкова – пожару в Москве 1812 г., который использовался им как прямое доказательство своей «правоты» и оправданности его предостережений от чрезмерного увлечения иностранной культурой. Как иронично отметил Н. И. Греч, «для возбуждения в нем [А. С. Шишкове] красноречия, должно было сгореть Москве»²⁶⁶.

При помощи данной группы метафор, несущих негативные коннотации, А. С. Шишков описывал «дух времени» (*Zeitgeist*)²⁶⁷, являвшийся, с его точки зрения, главной причиной всех революционных бед, лекарством от которых им провозглашался «народный дух» (*Volkgeist*). В целом русской консервативной мысли начала XIX в. удалось сформировать устойчивые оппозиции понятий, которые можно встретить в том или ином обновленном виде и в современном политическом дискурсе. В рамках формировавшейся консервативной риторики А. С. Шишков использовал следующие пары: «злочестие»²⁶⁸ – «благочестие», «суемудрие» – «премудрость (Божия)», «Просвещение» – «истинное просвещение». Выразившийся таким образом дуализм русской культуры, подчеркиваемый в исследованиях Ю. М. Лотмана, Б. А. Успенского²⁶⁹, сказался и на оценке терминов, поскольку новые негативные понятия, по мнению А. С. Шишкова, искажали уже существующий позитивный опыт: «Новое ... являлось результатом трансформации старого, так сказать, выворачивания его наизнанку»²⁷⁰.

Однако такого острого понятийного противостояния мы не встретим в период заграничных поездок А. С. Шишкова времен Екатерины и Павла, а также в его частной жизни²⁷¹. Л. Н. Киселева отмечала, что в Европе А. С. Шишков был

²⁶⁶ Греч Н.И. Записки о моей жизни. М., 1990. С. 210.

²⁶⁷ Васильев А. В. Понятие «дух времени» в общественно-политическом дискурсе России второй половины XVIII – первой трети XIX в. : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2013. 210 с.

²⁶⁸ В «Словаре языка XVIII века» даются два значения этого слова: 1. Нечестие, безбожие, беззаконие. 2. Ересь. Злочестие // Словарь русского языка XVIII века. СПб., 1992. Вып. 8 : Залезть–Ижоры. С. 199. У А. С. Шишкова доминирует первое значение, полный отрыв от христианства.

²⁶⁹ Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) / Ю. М. Лотман, // Учен. зап. Тартус. гос. ун-та. Тарту, 1977. Вып. 414. С. 3–36.

²⁷⁰ Там же. С. 5–6.

²⁷¹ Полежаева Т. В. «Ходил я в католицкую здешнюю церковь слушать музыки и пения» : к вопросу о характере религиозности А. С. Шишкова // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2013. №1 (21). С. 63–66.

обычным путешественником: «“Записки адмирала А. С. Шишкова, веденные им во время путешествия из Кронштадта в Константинополь” никак не оправдывают ожиданий яркого антиевропеизма, возвеличивания «своего» – русского – в противовес огульному осуждению «чужого» – европейского, – ожиданий, которые могли сложиться на основе знакомства с публицистикой Шишкова 1800–1810-х гг.»²⁷². У современников такая двойственность также вызывала вопросы.

Думается, что западное культурное влияние способствовало размыванию резко дуалистичного мира, что ярко проявилось в бытовой сфере. Актуализация бинарных оппозиций произошла в период социальных трансформаций, когда наиболее остро встал вопрос о последствиях модернизации и сохранении национальной идентичности.

Поэтому «деструктивным» образам революции в нарративах А. С. Шишкова противостоят «конструктивные» – метафоры, связанные с природой и естественностью. Концептуализация эсхатологических настроений А. С. Шишкова предопределила разработку им особой языковой карты мира, важнейшую роль в которой играл церковнославянский язык, воплощавший в себе «живую традицию» и отражавший «естественное» – природное состояние общества.

Впервые о таком восприятии церковнославянского языка адмиралом заговорил В. В. Виноградов: «По мнению Шишкова, церковнославянский язык был первобытным языком всего человечества и сохранил в наибольшей чистоте первоначальную систему связи понятий, «коренные» образные формы идеального первоязыка»²⁷³. В «Речи при открытии «Беседы»» А. С. Шишков описывал сферы деятельности «природного» языка (славенороссийского): «На нем [природном языке] производится Богослужение, насаждающее семена добродетели и нравственности; на нем пишутся законы, ограждающие безопасность каждого; на нем преподаются науки, от звездословия до земледелия».

---

²⁷² Киселева Л. Н. Русский «архаист» в Европе // *Studia Rossica Helsingiensia et Tartuensia*. Тарту, 1995. IV : «Свое» и «чужое» в литературе и культуре. С. 70.

²⁷³ Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М., 1982. С. 215.

А. С. Шишков стремился к «естественности» в языке, т.е. приближении к церковнославянскому. Тогда как установка Н. М. Карамзина «писать как говорят» – установка на салонную речь, изобилующую иностранными французскими заимствованиями – отводила в сторону от «естественности»²⁷⁴. Таким образом, складывалась парадоксальная ситуация, когда книжный язык, который обладает кодифицированными правилами употребления, провозглашался более «естественным», чем устная речь. Метафоры, описывающие это природное состояние, можно разделить на две подгруппы: образы растительного мира и человеческого организма.

Обилие **растительных метафор** в лингвистической концепции А. С. Шишкова отметил В. С. Парсамов²⁷⁵. Сакральное отношение к языку и Слову и большая роль, отводимая конфессиональной книжности в концепции адмирала, заставляют предположить, что многочисленные сравнения языка с деревом («Всякое слово есть *плод* размышления, *ветвь* рожденная от *корени*, а не заимствованный от других языков пустой звук»²⁷⁶, «Происхождение слов подобно *древу*; ибо как возникающее от *корня* *младое дерево* пускает от себя различные *ветви*, и от высоты возносится в высоту, и от силы переходит в силу, так и первоначальное слово сперва означает одно какое-нибудь главное понятие, а потом проистекают и утверждаются от оною многие другие. Часто *корень* его теряется от долговременности»²⁷⁷) восходят к архаичным библейским образам – «древо жизни», «древо познания добра и зла».

Действительно, язык в концепции А. С. Шишкова отражал моральную чистоту и праведность: «Язык есть душа народа, зеркало нравов, верный показатель просвещения, неумолчный проповедник дел»²⁷⁸. Потеря языковой самостоятельности приравнивалась адмиралом к потере государственного

²⁷⁴ Успенский Б. А. Из истории русского литературного языка XVIII – начала XIX века. Языковая программа Карамзина и ее исторические корни. М., 1985. 212 с.

²⁷⁵ Парсамов В. С. Александр Семенович Шишков [вступ. ст.] // Шишков А. С. Избранные труды. М., 2010. С. 31.

²⁷⁶ Шишков А. С. Речь на открытии «Беседы любителей русского слова» // Шишков А. С. Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1825. Ч. 4. С. 136.

²⁷⁷ Шишков А. С. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка // Шишков А. С. Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1824. Ч. 2. С. 36.

²⁷⁸ Шишков А. С. Рассуждение о любви к Отечеству // Шишков А. С. Избранные труды. М., 2010. С. 275.

суверенитета, поэтому необходимость борьбы с деятельностью Библейского общества, целью которого был перевод Священного писания с церковнославянского на русский язык, исходила, по мнению А. С. Шишкова, не столько из соображений о сакральности и непереводаемости церковнославянского языка, сколько из вопросов государственной безопасности. А. С. Шишков всегда жил в двух измерениях – конфессиональном и политическом.

Отношение к языку как элементу культуры, связывающему сакральное с профанным, сближало А. С. Шишкова и старообрядческую традицию. Примечательна поддержка, оказанная адмиралом И. Д. Ершову – выходцу из старообрядческой среды, страстно желавшему стать писателем и излагавшему похожие мысли²⁷⁹.

Священный статус языка обусловил и особый взгляд А. С. Шишкова на ремесло писателя, присущий русской мысли и восходящий к библейской ветхозаветной традиции. Для него литератор прежде всего должен воспитывать своими сочинениями, а потому несет двойную ответственность за свои работы. Он, подобно садовнику, возвращает словесность: «Рабственное подражание наше Французам подобно тому, как бы кто увидя соседа своего, живущего на песчаном месте и трудами своими превратившего песок сей в плодоносную землю, вместо обрабатывания с таким же прилежанием тучного чернозема своего, вздумал удобрять его перевозом на оный бесплодного с соседней земли песку»²⁸⁰.

Еще одна группа метафор, встречающаяся в произведениях А. С. Шишкова времен Отечественной войны и посвященных государственной тематике, – это **метафоры человеческого организма и семьи**, которые описывали как элементы политической системы, выделяя определенные органы и их функции («Государь и отчество есть *глава* и *тело*. Едины без другого не может быть ни здраво, ни цело, ни благополучно»²⁸¹), так и внутренние связи, на которых строится единство политического тела. Для А. С. Шишкова ими были патриархальные семейные отношения: «...помещики отеческою о них [крестьянах] яко о чадах своих,

²⁷⁹ Крючкова М. Л. Феномен «философской жизни» в русской культуре XVIII в. : (по поводу мемуаров И. Д. Ершова) // Человек эпохи Просвещения. М., 1999. С. 140.

²⁸⁰ Шишков А. С. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка // Шишков А. С. Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1824. Ч. 2. С. 13.

²⁸¹ Шишков А. С. Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова : в 2 т. Берлин, 1870. Т. 1. С. 142.

заботой, а с другой стороны, они, яко усердные домочадцы, исполнением сыновних обязанностей и долга, приведут себя в то счастливое состояние, в каком процветают добронравные и благополучные семейства»²⁸². В таких же «семейных» выражениях определялись отношения между Екатериной II («истинной матерью Отечества»²⁸³) и дворянством («истинными сынами Отечества»).

Органицистское восприятие государства в целом и отождествление тела государя с политическим строением в частности имеет давнюю традицию, отраженную в погребальных обрядах монархов²⁸⁴. Наиболее ярким ее воплощением стала модель государства, описываемая Т. Гоббсом в «Левиафане»: «...верховная власть, дающая жизнь и движение всему телу, есть искусственная душа, должностные лица и другие представители судебной и исполнительной власти – искусственные суставы; награда и наказание (при помощи которых каждый сустав и член прикрепляются к седалищу верховной власти и побуждаются исполнить свои обязанности) представляют собой нервы, выполняющие такие же функции в естественном теле; благосостояние и богатство всех частных членов представляют собой его силу, *salus populi*, безопасность народа, – его занятие; советники, внушающие ему все, что необходимо знать, представляют собой память; справедливость и законы суть искусственный разум (*reason*) и воля; гражданский мир – здоровье, смута – болезнь, и гражданская война – смерть. Наконец, договоры и соглашения, при помощи которых были первоначально созданы, сложены вместе и объединены части политического тела, похожи на то “*fiat*”, или “сотворим человека”, которое было произнесено Богом при акте творения»²⁸⁵.

В русской культуре также зафиксированы случаи применения органицистской метафоры. Примечателен пример Кариона Истомина, деятеля петровской эпохи, который использовал свои анатомические и биологические

²⁸² Шишков А. С. Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова : в 2 т. Берлин, 1870. Т. 1. С. 307.

²⁸³ Руднев Д. Григорий Андреевич Полетика и его деятельность // «Регулярная академия учреждена будет...»: Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века. М. 2015. С. 315–324.

²⁸⁴ Бойцов М. А. Величие и смирение : очерки политического символизма в средневековой Европе. М., 2009. С. 418–486.

²⁸⁵ Гоббс Т. Левиафан. М., 2001. С. 8.

знания, казалось бы, в совершенно неподходящем для этого произведении – приветственном обращении к Петру I и Евдокии Лопухиной по случаю их бракосочетания. Герои произведения – чувства – обращались к монархам с наставлениями, а автор объяснял свое нетривиальное решение следующим образом:

Потребно чувствам на царские браки
Приветственные приносить знаки.
Уму бо тыя под власть покорены,
Яко же царю народы вверены²⁸⁶.

Карион Истомин, таким образом, переносил функции отдельных чувств на государственный аппарат и стремился показать через сравнение государства и живого организма взаимосвязанность разных политических институтов, как это сделали ранее английский философ XVII в. и позднее русский адмирал XIX в. Деятели исходили из общей традиционной предпосылки: то, что создано Богом – «естество» – совершенно, а то, что человеком – «искусство» – полно недостатков, поэтому чем организация государственной власти ближе к природе, тем она совершеннее.

Однако применение органицистских образов у А. С. Шишкова преследовало помимо прочего идеологические цели. Особенно активно метафоры этой группы применялись в текстах времен Отечественной войны, являясь частью политической риторики и призывов к единению. Так, в манифесте об окончании Отечественной войны А. С. Шишков писал: «Войско, вельможи, дворянство, духовенство, купечество, народ, словом все государственные чины и состояния... составили единую душу, душу вместе мужественную и благочестивую, только же пылающую любовью к отечеству, колико любовью к Богу»²⁸⁷. Единство духовных и физических сил нации на основе «народного духа» или «духа народной гордости», продемонстрированное во время войны с Наполеоном, – основа идеального мироустройства, согласно А. С. Шишкову, когда все политические

²⁸⁶ Цит. по : Черная Л. А. Русская культура переходного периода от Средневековья к Новому времени. Философско-антропологический анализ русской культуры XVII – первой четверти XVIII в. М, 1999. 281 с.

²⁸⁷ Шишков А. С. Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова : в 2 т. Берлин, 1870. Т. 1. С. 171.

органы составляют единый организм, который венчает «глава» – государь, а каждое сословие четко знает свое место. Акцент на последнем обстоятельстве проявился впоследствии в концепции воспитания А. С. Шишкова, развитой на посту министра просвещения. По его мысли, каждому сословию нужно преподавать те науки, которые ему пригодятся в жизни, «смотря по состоянию людей и надобности, какую всякое звание в них имеет»²⁸⁸.

Еще одна цель применения органицистской метафорики у А. С. Шишкова, помимо стремления к объединению, – четкое позиционирование дворянства в государственном аппарате. Как известно, Александр попытался отказаться от дворянской поддержки при проведении реформ, опираясь на узкий круг Негласного комитета. А. С. Шишков отмечал в государе «предубеждение против дворянства»²⁸⁹ и попытался вернуть традиционное понимание роли данного сословия, характеризуемого им как «верная и крепкая ограда Престола, ум и душа народа»²⁹⁰. Таким образом, позиции императора и дворянства понимались А. С. Шишковым на основе петровско-екатерининских ценностей и отношений.

С органицистской точки зрения А. С. Шишковым осмыслялась не только собственная политическая действительность, но и международная обстановка. Так, Франция противопоставлялась России по традиционной схеме «разум»– «душа». Первая – страна «безверия», «злонравия» и «злочестия» – противопоставлялась христианской России, сохранившей божественную благодать в виде монархии и воплощавшей в себе все положительные черты. Про французов А. С. Шишков иронично отмечал, отсылая к Вольтеру²⁹¹: «Сами французские писатели изображали нрав народа своего слиянием тигра с обезьяною»²⁹². Оказавшись под влиянием «суемудрия» – философии Просвещения – французы утратили «духовный» мир, заблудившись в хитросплетениях разума. По мнению А. С. Шишкова, Россия сочетала в себе и

²⁸⁸ Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения : 1802–1902. СПб., 1902. С. 166.

²⁸⁹ Шишков А. С. Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова : в 2 т. Берлин, 1870. Т. 1. С. 309.

²⁹⁰ Там же. С. 305.

²⁹¹ О этом выражении Вольтера относительно французов см.: Лотман Ю. М. «Смесь обезьяны с тигром» // Лотман Ю. М. Пушкин. СПб., 1995. С. 329–332 ; Альтшуллер М. Пушкин и Шишков // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 2004. Вып. 29. С. 264–270.

²⁹² Шишков А. С. Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова : в 2 т. Берлин, 1870. Т. 1. С. 441.

разум, и душу. Подобное разграничение вполне соответствует масонской оппозиции «разум»–«сердце».

Таким образом, языковые средства определяли проблемное пространство консервативной утопии А. С. Шишкова. Первая группа – метафоры катастрофы – преследовала «мобилизационные цели», рисуя образ врага и угрозы. Опыты А. С. Шишкова в виде «словопроизводных словарей», в которых он пытался отыскать «корни», возвращали словам их «природное» значение, а метафоры растительности помогали установить связь с традицией, найти в ней залог спасения, сохранности и преемственности с предыдущими поколениями. Третья группа – органицистские метафоры – рисовала идеальное общественное устройство, в котором все сословия составляли единое «государственное тело». Литературные образы, почерпнутые из православной традиции, стали для А. С. Шишкова концептуальными элементами его консервативной утопии, антитезой лексики Просвещения. В этом смысле язык определял не только пространственные координаты консервативной утопии А. С. Шишкова, противопоставляя революционную Францию и православную Россию, но и временные, поскольку идеализировался образ «утраченной старины» и тем самым формировался желаемый образ прошлого.

2.3 Модель истории в консервативной утопии А. С. Шишкова

Среди исследователей, изучающих проблемы генезиса русского консерватизма, установилось мнение, что известная теория «официальной народности» («самодержавие, православие, народность»), выдвинутая графом С. С. Уваровым в годы его управления министерством народного просвещения, восходит идейными корнями к творчеству А. С. Шишкова, занимавшего тот же пост в короткое, но знаменательное время с 1824 по 1828 г. Действительно, можно обнаружить некое сходство в творчестве двух министров просвещения. Так, А. С. Шишков писал в духе уваровской триады: «Надлежит отдать справедливость *Российскому народу* в твердой верности к *Богу* и *Государю*»²⁹³.

---

²⁹³ Шишков А. С. Записки адмирала Александра Семеновича Шишкова. М., 1869. С. 63.

Оба министерства сопровождалось поворотом от космополитизма к национальному воспитанию. С точки зрения последовательности во взглядах и А. С. Шишкову, и С. С. Уварову был свойственен резкий переход к консервативным позициям: адмирал стал рьяным почитателем русской национальной культуры после увлечения идеями Просвещения и масонства, С. С. Уваров же входил в кружок «Арзамас», известный своим влиянием на литературу, вполне либеральный и свободолюбивый, но в царствование Николая I граф запомнился как деятель охранительного направления.

Тем не менее, несмотря на определенное сходство в концепциях и судьбах, А. Л. Зориным было выявлено принципиальное различие идеологических схем двух министров. Так, по мнению исследователя, идеи А. С. Шишкова явились результатом идеологического творчества военного времени, тогда как триада С. С. Уварова призвана была создать государственную идеологию мирного времени²⁹⁴.

На наш взгляд, аргументацию исследователя можно значительно расширить, обратившись к пониманию исторического времени деятелями раннего консерватизма, а именно к их понятийному аппарату. Разницу во взглядах А. С. Шишкова и С. С. Уварова наглядно демонстрирует анализ терминов «народный дух» и «народность», доминирующих в концепциях адмирала и графа соответственно.

Понятие «народный дух» (*Volkgeist*, *esprit nationale*) восходит к Ренессансу, но получило распространение благодаря использовавшим его философам эпохи Просвещения (Монтескье, Вольтер), которые употребляли термин в различных вариантах для обозначения метафизической природы нации, ее корреляции с естественными условиями.

В философском плане термин получил развитие в работах немецких мыслителей: И. Г. Гердера, описывавшего понятие «дух» как нечто врожденное «вечное и нерушимое, составляющее своеобразие данной нации»; Г. В. Ф. Гегеля, считавшего «народный дух» культурно-историческим проявлением

---

²⁹⁴ Зорин А. «Кормя двуглавого орла...» Литература и государственная идеология в России последней трети XVIII – первой трети XIX в. М., 2004. С. 363–367.

«Абсолютного Духа»; Ф. К. фон Савиньи, связывавшего «народный дух» со своеобразием законов и формой правления²⁹⁵.

Закрепление понятия «духа» в историческом сознании российского общества произошло благодаря «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, воспринявшего термин из английской историографической традиции²⁹⁶.

В целом термин «народный дух» фиксировал своеобразие общности людей без указания на историческое развитие тех или иных характеристик. Историческое сознание эпохи концентрировалось вокруг противоположного понятия «дух времени»²⁹⁷. Н. Ротенштрайх подчеркивал специфику термина: «Так же как термин «Volksgeist» понимался в качестве духа нации, взятой в совокупности ее поколений, так и термин «Zeitgeist» характеризовал историческую эпоху вообще...»²⁹⁸.

Если точно установить авторство термина «народный дух» достаточно сложно, то рождение категории «народность» определяется исследователями однозначно: термин «народность» был впервые использован П. А. Вяземским в 1819 г. в письме к А. И. Тургеневу. Своим «изобретением» литератор стремился совместить значения французских слов populaire и national и сделал это на основе польского языка²⁹⁹.

Самое раннее фиксирование в словаре относится к 1847 г., где дается значение «совокупность свойств, отличающих один народ от другого»³⁰⁰. Появление термина связывают с романтическим влиянием, однако четкого содержания в доктрине С. С. Уварова этот термин не получил. Даже сторонники

²⁹⁵ Rotenstreich N. Volksgeist // Dictionary of the History of Ideas. New York, 1968. Vol. 4. P. 493.

²⁹⁶ Рудковская И. Е. Терминологические предпочтения историографов позднего Просвещения (от Д. Юма до Н. М. Карамзина) // Вестн. Том. гос. педагог. ун-та. 2010. № 5 (95). С. 92–99.

²⁹⁷ Козлов С. «Гений языка» и «гений нации»: две категории XVII–XVIII веков // Новое литературное обозрение. 1999. № 36. С. 4–27; Васильев А. В. Понятие «дух времени» в общественно-политическом дискурсе России второй половины XVIII – первой трети XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2013. 210 с.

²⁹⁸ Rotenstreich N. Zeitgeist // Dictionary of the History of Ideas. New York, 1968. Vol. 4. P. 535.

²⁹⁹ Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Споры о языке в начале XIX в. как факт русской культуры («Происшествие в царстве теней, или Судьбина Российского языка» – неизвестное сочинение Семена Боброва) // Учен. зап. Тартус. гос. ун-та. Тарту, 1975. Вып. 358. С. 168–322; Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка, 30–90-е годы XIX века. М., 1965. 564 с.; Чапаева Л. Г. Культурно-языковая ситуация в России 1830–1840-х годов в контексте споров славянофилов и западников: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2007. 415 с.

³⁰⁰ Цит. по: Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка, 30–90-е годы XIX века. М., 1965. С. 207.

«теории официальной народности» понимали концепт в достаточно неопределенно в «национально-лингвистическом плане»³⁰¹.

В русском лексиконе «народность» призвана была заменить французскую «национальность», дополнив значение термина «народ» (простые сословия)³⁰². А. И. Миллер объясняет этот факт следующим образом: термин «народность», тем самым, заменял и «редактировал» понятие «нация», которое в первой трети XIX в. оставалось семантически связано с революционными событиями, конституцией и надсословностью³⁰³. Таким образом, происходило искусственное «сращивание» дворянского и крестьянского «состояний» на основе культурно-языковых факторов. Достижение единства – такова цель уваровской триады³⁰⁴.

Категория «народности» характеризовалась эволюционным потенциалом. О ее наличии и степени присутствия в том или ином произведении спорили литераторы, которыми в зависимости от этапа развития общественной мысли определялся уровень «народности». Соответственно, концепт зависел от *времени* и, таким образом, содержал в себе толику историзма. Используя эту категорию в своей концепции, С. С. Уваров тем самым демонстрировал принципиально иную, отличную от эпохи Просвещения историческую мысль.

Иными словами, «народность» выражала исторически сложившееся своеобразие русской нации, ее языка и религии, тогда как «народный дух» являлся понятием контекстуальным, т.е. приобретал сущностное значение при взаимодействии, говоря терминологией Э. Левинаса, с Другим. Термин «народный дух» приобретал не временное, а пространственное измерение, относясь к какому-то локализованному в географических рамках обществу и фиксируя его особенности. В этом нам видятся принципиальные различия между «языка самоописания империи» времен А. С. Шишкова и С. С. Уварова.

³⁰¹ Чапаева Л. Г. Культурно-языковая ситуация в России 1830–1840-х годов в контексте споров славянофилов и западников : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2007. С. 166.

³⁰² Кудряшев В. Н. Национальный вопрос в общественно-политической мысли России второй половины XIX века : дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2013. С. 67–151.

³⁰³ Миллер А. История понятия «нация» в России // Отечественные записки. 2012. № 1. С. 162–186 ; Он же. Приобретение необходимое, но не вполне удобное : трансфер понятия нация в России (начало XVIII – середина XIX в.) // *Inregium inter pages* : роль трансфертов в истории Российской империи (1700–1917). М., 2010. С. 42–66.

³⁰⁴ Зорин А. «Кормя двуглавого орла...» Литература и государственная идеология в России последней трети XVIII – первой трети XIX в. М., 2004. С. 364–372.

Проецируя вышеизложенные соображения на отношение А. С. Шишкова к истории, необходимо отметить, что прошлое воспринималось им как хранилище занимательных сюжетов, поучительных рассказов («знание ради назидания»), в которых он находил параллели с современными событиями и выделял особенности национального характера, «народного духа». Обращение к истории преследовало дидактические цели – демонстрация справедливости божественного замысла через поучительные примеры свидетельствует о восприятии истории с позиций средневековой культуры, традиции³⁰⁵.

Отсутствие движения в глобальном развитии, «коллекционирование фактов» соседствует в произведениях А. С. Шишкова с перенасыщенностью динамикой в описаниях ежедневных дел в «Записках...», но противоречий между двумя моделями времени, статичной и циклической, не возникало, напротив, в эсхатологическом контексте, когда «вся земная история рассматривалась ... как настоящее, как мгновение между прошлым и будущим в божественной вечности»³⁰⁶, рядовые сюжеты становились «исторически» значимыми. Наделение повседневности сакральным смыслом происходило при помощи языка мифа³⁰⁷. Так выстраивалась схема описания истории: «факт – черта «народного духа» – божественное свидетельство», которая косвенно утверждала богоизбранность российской нации.

Примечательна трактовка А. С. Шишковым событий прошлого, например периода раздробленности или Смутного времени, которые не случайно были выбраны им как демонстрация актуальности собственных идей.

Проявив пристальное внимание к опубликованному в 1800 г. «Слову о полку Игореве», А. С. Шишков написал обширный комментарий (сознательно избегая исторических экскурсов) и переложение поэмы, которое акцентировало моменты, важные для современной адмиралу действительности, и подчеркивало особые характеристики «народного духа». А. С. Шишков фактически трансформировал сам смысл произведения, не только добавив в «Преложение

³⁰⁵ Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время. В поисках утраченного. М., 1997. С. 58.

³⁰⁶ Там же. С. 292–293.

³⁰⁷ Дутчак Е. Е. Христианская историко-эсхатологическая легенда и особенности ее восприятия традиционным сознанием // Вестн. Том. гос. ун-та. 2013. № 300 (I). С. 91–95.

Игоревой песни» значительное число архаизмов, которых нет в оригинале («благозрачный», «корысть», «сретение»³⁰⁸ и т.д.), но и трактуя понятие «русская земля» в политическом смысле, поскольку плачевные последствия похода Игоря оценивались им в масштабах всей страны. В качестве причин этих бедствий, помимо раздоров князей, А. С. Шишков упомянул также языковую ситуацию: «Ничтожные, маловажные словеса увеличиваются, сеют между ними раздоры.... Между тем неприятели от всех стран приходят, нападают на области наши, побеждают, разят, похищают»³⁰⁹. Таким образом, А. С. Шишков намекал современникам, какую роль играет языковая политика в сохранении национального благополучия.

Эти назидательные факты сопровождались восторгом А. С. Шишкова по поводу языка «Слова о полку Игоревом» и «первейшего основания любви к отечеству» – «духа народной гордости»³¹⁰, которому позднее автор посвятил отдельное произведение: «Какое воинское свойство, какой дух, какую доблесть должен иметь тот народ, который взятое у неприятеля златое одеяние бросает в грязь, между тем как исторгнутое из рук его простое копье, аки некую драгоценную вещь хранит и подносит в дар верховному начальнику своему?»³¹¹. Неудивительно поэтому, что «Преложение...» А. С. Шишкова получило успех среди его единомышленников³¹², ведь схема «бытийное – аксиологическое – провиденциальное» работала, поскольку за идеальными качествами, которыми обладал русский народ, угадывались христианские ценности – залог спасения в будущих катастрофах.

Однако более востребованной, чем период раздробленности, исторической темой в концепции А. С. Шишкова стало Смутное время, главный урок которого – необходимость объединения – ярко прописывался адмиралом. В Манифесте от 6 июля 1812 г. содержался следующий призыв: «Да встретит он [неприятель] в

³⁰⁸ Шишков А.С. Преложение Игоревы песни // Шишков А.С. Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1826. Ч. 7. С. 126, 131, 132.

³⁰⁹ Шишков А.С. Преложение Игоревы песни // Шишков А.С. Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1826. Ч. 7. С. 135.

³¹⁰ Шишков А. С. Рассуждение о любви к Отечеству // Шишков А.С. Избранные произведения. С. 266

³¹¹ Шишков А. С. Слово о походе Игоря, сына Святослава, внука Ольгова // Шишков А. С. Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1826. Ч. 7. С. 60.

³¹² Альтшуллер М. Г. «Слово о полку Игореве» в кругу «Беседы любителей русского слова» // Труды Отдела древнерусской литературы. 1971. Т. 26. С.109–122.

каждом дворянине Пожарского, в каждом духовном Палицина, в каждом гражданине Минина!»³¹³. Примечателен интерес, который проявили к этому периоду российской истории, соратники А. С. Шишкова. Любимец адмирала С. А. Ширинский-Шихматов в 1807 г. создал героический эпос «Пожарский, Минин, Гермоген, или Спасенная Россия. Лирическая поэма в трех песнях».

Эмоциональный накал и патриотическая риторика произведения передались А. С. Шишкову, который на собрании «Беседы...» выхватил текст у автора и сам его прочитал «внятно, правильно и с необыкновенным воодушевлением»³¹⁴. Это неудивительно: поэма ставила те же идеологические задачи, что и произведения А. С. Шишкова, согласно которому «победа в борьбе с иностранным засильем, ставившем под угрозу национальное бытие России, может быть достигнута только в условиях единения всех сословий – дворянства, народа и церкви»³¹⁵. Причем оно должно было осуществиться, по мысли А. С. Шишкова, на основе языка.

Как воплощение «народного духа» и живое свидетельство старины, А. С. Шишков воспринимал народный язык в его письменном выражении³¹⁶. Приверженец взглядов адмирала и близкий его семье человек С. Т. Аксаков описывал следующий случай. В неурожайный год крестьяне А. С. Шишкова, с которых он не взимал оброк, видя, что барину приходится туго, явились к нему с просьбой назначить им плату. С. Т. Аксаков отмечал: «Услыхав такие речи, дядя пришел в неописанное восхищение, или лучше сказать, умиление, не столько от честного, добросовестного поступка своих крестьян, как от того, что речи их, которые он немедленно записал, были очень похожи на язык *старинных грамот*»³¹⁷.

Другим примером восторженного отношения А. С. Шишкова к языку крестьян является факт, приведенный А. И. Рейтблатом со ссылкой на архивные

³¹³ Шишков А. С. Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова : в 2 т. Берлин, 1870. Т. 1. С. 427.

³¹⁴ Жихарев С.П. Записки современника. М. ; Л. 1955. С. 358–359.

³¹⁵ Полежаева Т. В. Язык как фактор национального единства (на материале полемики архаистов и карамзинистов начала первой четверти XIX в.) // Вестн. Том. гос. ун-та. 2013. № 376. С. 98–99.

³¹⁶ См. отношение А. С. Шишкова к букве «ё»: Полежаева Т. В. Язык как фактор национального единства (на материале полемики архаистов и карамзинистов начала первой четверти XIX в.) // Вестн. Том. гос. ун-та. 2013. № 376. С. 97–98.

³¹⁷ Аксаков С. Т. Воспоминание о Александре Семеновиче Шишкове // Аксаков С. Т. Полн. собр. соч. : в 6 т. СПб., 1886. Т. 3. С. 201.

материалы: в 1830 г. адмирал просил А. Х. Бенкендорфа поднести монарху книгу крестьянина-поэта Ф. Н. Слепушкина «Четыре времени года русского поселянина», однако глава III отделения отказал, пояснив, что это прерогатива Министерства народного просвещения³¹⁸. Видимо, это была формальная причина, поскольку, как известно, сам А. С. Шишков был министром просвещения в 1824–1828 гг.

Народный язык, отражавший, по мысли А. С. Шишкова, нравы и традиции предков, «дух народной гордости», являлся для него, таким образом, частью конструируемого образа истории, который в своей основе имел христианское эсхатологическое мировидение.

В связи с вышеперечисленными особенностями восприятия А. С. Шишковым и С. С. Уваровым прошлого ими по-разному оценивалась роль истории в образовании. В 1813 г., будучи попечителем Санкт-Петербургского округа, С. С. Уваров составил брошюру «О преподавании истории относительно к народному воспитанию», в которой изложил свои взгляды на важность данного предмета. В ней автор транслировал современную точку зрения, для него история – «дело государственное», он привел знаменитую цитату Цицерона: «История есть свидетельница времен, свет истины, жизнь памяти, наставница жизни, глагол древности»³¹⁹. По мнению С. С. Уварова, в народных училищах должна преподаваться Священная история и история России, в гимназиях – начальный курс всеобщей истории.

В Научной библиотеке Томского государственного университета сохранился экземпляр брошюры с многочисленными пометами В. А. Жуковского, воспитателя императора Александра II. Поэт, оставляя свои комментарии, разделял мнение С. С. Уварова о важности преподавания истории, выделяя для себя принципиальные моменты на полях брошюры.

---

³¹⁸ Рейтблат А. И. Как Пушкин вышел в гении : историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи. М., 2001. С. 151.

³¹⁹ Уваров С. С. О преподавании истории, относительно к народному воспитанию. СПб., 1813. С. 1.

Одну из задач истории С. С. Уваров определял как «отделить событие от догадок, найти нити происшествий и проложить дорогу верную»³²⁰, т.е. проследить исторические взаимосвязи, выстроить объективную канву событий и на ее основе сделать прогноз развития того или иного явления. Т. А. Сабурова показала, что размышления русской элиты начала XIX в. о будущем свидетельствуют о наличии в это время двух типов мировоззрения: рационалистического и традиционного. Для первого типа был характерен прогноз событий на основании исторического знания, тогда как второй выстраивал свою концепцию видения грядущего через пророческие толкования³²¹. Представление С. С. Уварова об истории основывается на принципе историзма, что демонстрируют его размышления о будущем как закономерном развитии линии «прошлое–настоящее».

Тогда как А. С. Шишков, подчеркивая более важную роль в образовании литературных занятий и чтения священных книг, сочетал в своем творчестве рационалистическое и традиционное мировоззрение, в отношении к истории больше напоминая христианских экзегетов, чем ученого. Адмирал рассматривал историю как корпус поучительных текстов, смысл которых нужно истолковывать современникам, при этом опираясь на достижения языкознания и христианские тексты. Поэтому в цензурном уставе 1826 г., непосредственно выражавшем идеи адмирала, параграф 181, устанавливавший правила для издания книг по истории и гласивший, что «история не должна заключать в себе произвольных умствований, которые не принадлежат к повествованию»³²², по сути, определял историю как простую хронику событий. В то время как языковым вопросам в уставе посвящены многочисленные статьи, вплоть до того, что запрещалось печатать книги, в которых «нарушаются правила и чистота русского языка»³²³. Язык для А. С. Шишкова являлся одним из воплощений «народного духа», в котором

³²⁰ Уваров С. С. О преподавании истории, относительно к народному воспитанию. СПб., 1813. С. 1.

³²¹ Сабурова Т. А. «Горизонты ожиданий» русских интеллектуалов первой половины XIX века // Диалог со временем. 2008. Вып. 25/2. С. 23–37.

³²² Высочайше утвержденный Устав о Цензуре, 10 июня // Полное собрание законов Российской империи : Собрание 2. СПб., 1830. Т. 1 : С 12 декабря 1825 по 1827. № 403. С. 550–571.

³²³ Там же. С. 559.

заклучалась квинтэссенция русского национального своеобразия, основанного на христианской морали и высокой духовности.

Размышления о будущем А. С. Шишкова демонстрируют отличный от представлений С. С. Уварова тип мышления. Его высказывания о грядущем строились на анализе настоящих событий и демонстрировали эсхатологические представления: «Нет! Не человеческий ум предузнал и расчислил сии последствия [войны 1812 г.]; но десница Божия гордя врагов наших мечты ... превратила им в пагубу, а нам во спасение»³²⁴. А. С. Шишков полагал, что время принадлежит Богу, и только Ему подвластно знание о будущих событиях.

Таким образом, концепции А. С. Шишкова и С. С. Уварова различаются не просто идеологическими задачами, но и восприятием времени. Например, если для С. С. Уварова термин «народность» соотносился с национальными особенностями и историческим процессом их формирования, то «народный дух», или «дух народной гордости» А. С. Шишкова выполнял функции мобилизации и приобретал сущностные черты только во взаимодействии с другими нациями. Подобным образом для бывшего «арзамасца» и «карамзиниста» были характерны рационалистическое восприятие истории как процесса, понимание причинно-следственных связей и утверждение важности преподавания истории в образовательных учреждениях. В то время как А. С. Шишков отводил большую роль языку как в воспитании, так и в процессе передачи национальных ценностей, история оставалась для него кладезем занимательных сюжетов для современности.

Мысль А. С. Шишкова, говоря словами М. Фуко, лежала в классической эпистеме, поскольку исходила из веры в объективность языка, сцепленность языка и бытия, тогда как сформированное историческое сознание расщепляет его и изучает либо язык сам по себе (лингвистика, филология и пр.), либо бытие (история)³²⁵. Время ощущалось А. С. Шишковым через язык, который он только начинал изучать, применяя при этом достижения современной ему науки, в

³²⁴ Шишков А. С. Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова : в 2 т. Берлин, 1870. Т. 1. С. 138.

³²⁵ Фуко М. Слова и вещи : археология гуманитарных наук. М., 1977. 488 с.

частности идеи Вольтера. В этом нам видится трансформация традиционного сознания, происшедшая, как отмечают исследователи³²⁶, под влиянием Французской революции.

Изменения в восприятии времени, будучи облеченными в идеологические формулы консервативной утопии, имели два вектора развития: внутренний и внешний. В рамках первого происходила концептуализация личных переживаний дворянина, связанных с исполнением его социальных ролей, как было показано в первой главе; во втором случае осуществлялась экспансия созданных идейных конструкций на государственный и надгосударственный уровни.

2.4 Язык, шрифт и политика: инструменты консервативной идеологии

Созданная А. С. Шишковым консервативная утопия имела ярко выраженный националистический аспект³²⁷. Повышенное внимание к темам национального языка, национального воспитания, национальной религии послужило одной из причин назначения А. С. Шишкова государственным секретарем вместо М. М. Сперанского в преддверии Отечественной войны. Оказавшись в разгаре межгосударственного конфликта, А. С. Шишков не упустил возможности «экспортировать» идеи консервативной утопии, определив лидирующую позицию Российской империи и нации в мире. Наступательный потенциал утопии заключался не только в стремлении консолидировать общество для победы над врагом, но и в попытке «вписать» российскую нацию в контекст европейских держав в условиях крушения «старого порядка»³²⁸. Петр I и Александр I сделали это военными победами, А. С. Шишков попытался идеологически оформить «окно в Европу».

---

³²⁶ Хабермас Ю. Наследие французской революции // Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность : московские лекции и интервью. М., 1995. С. 57–77 ; Ясперс К. Духовная ситуация времени // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 288–418.

³²⁷ Минаков А. Ю. У истоков русского консерватизма : «русская партия» первой четверти XIX в. // Tractus aevorum : эволюция социокультурных и политических пространств. 2014. № 1. С. 67–77 ; Минаков А. Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж, 2011. 560 с.

³²⁸ Мартин А. «Россия есть европейская держава...» : проблема «Россия и Европа» в консервативной мысли эпохи Александра I (А. С. Шишков, С. Н. Глинка, А. С. Стурдза) // Исследования по консерватизму. Пермь, 1998. Вып. 5. С. 14–22.

Серьезным препятствием для поставленной задачи оказалось наряду с внешним непризнанием культурной роли России сохранявшееся внутреннее противопоставление русского и европейского как святого и грешного миров, доставшееся в наследство от допетровских времен. Попытки преодолеть дуализм, как отмечал В. С. Парсамов, нашли прямое отражение в сочинениях Феофана Прокоповича, а символическое – в размещенной на фронтисписе Морского устава 1720 г. гравюре П. Пакарта, сделанной по рисунку К. Растрелли. На ней изображено «парусное судно, которым управляет нагой юноша, к нему подлетает Время, внизу слева Нептун, справа Марс»³²⁹. В аллегорической форме показывалось, что Россия путем военных побед на суше и море стала частью *современного* мира. Так, по мнению исследователя, «происходила ассимиляция русской культурой взгляда на нее из Европы»³³⁰.

Но за рубежом российская цивилизация продолжала восприниматься в XVIII–XIX вв. как «дикая и необузданная азиатчина». Первые попытки утвердить культурную роль России и русского языка в европейском дискурсе были предприняты еще М. В. Ломоносовым, который в 1757 г., говоря о достоинствах разных *европейских* наречий, обозначил среди перечисленных языков русский. В «Рассуждении о старом и новом слоге российского языка» А. С. Шишков цитировал М. В. Ломоносова: «Карл пятый Римский Император говаривал, что Испанским языком с Богом, Французским с друзьями, Немецким с неприятелями, Итальянским с женским полом говорить прилично; но если бы он Российскому языку был искусен, то конечно к тому присовокупил бы, что им со всеми оными говорить пристойно»³³¹. Эти попытки (как таковую можно рассматривать и издание «Собеседника любителей российского слова») были продолжены Екатериной, однако также не принесли успеха: попросив Вольтера написать историю деяний Петра I, она была огорчена, поскольку французский философ

³²⁹ Цит. по : Парсамов В. С. В семиотическом пространстве русско-европейского диалога (XVIII – начало XIX века) // Одиссей. Человек в истории. М., 2001. С. 236.

³³⁰ Там же. С. 236.

³³¹ Шишков А. С. Примечания на критику, изданную в Московском Меркурии... // Шишков А. С. Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1824. Ч. 2. С. 416. О идеологической подоплеке «языкового соперничества» см.: Козлов С. «Гений языка» и «гений нации»: две категории XVII–XVIII веков // Новое литературное обозрение. 1999. № 36. С. 4–27; Козлова Н. Н. Политическая философия российского консерватизма XIX – первой половины XX века: гендерные аспекты: дис. ... д-ра полит. наук. М., 2014. 374 с.

отразил европейские стереотипы о дикости нравов в России, где никогда не бывал.

Необходимо отметить, что после петровских реформ российская цивилизация получила еще одну характеристику: антропологизированные черты молодости и связанного с ней буйного поведения, на которое списывались ошибки внутреннего и внешнего управления. Этот тезис, как показал Д. А. Сдвижков, изначально имел негативный аспект, поскольку означал *несовременный*, незрелый тип общества³³².

Однако под влиянием философии и идеи «естественности» Ж.-Ж. Руссо произошла замена негативного аспекта молодости на позитивный. В последующем восприятие российской цивилизации как незрелой сохранилось и проявлялось в рассуждениях о философии. Де Сталь писала, что «характер русских слишком страстный для любви к мыслям, относящимся к миру абстрактного (“les pensees le moins du monde abstraits”) [...] они еще не имели ни времени, ни желания, чтобы сводить факты к общим идеям»³³³.

Тем не менее находившийся шесть месяцев в России во время Отечественной войны 1812 г. немецкий литератор Э. М. Арндт писал о России как о «молодой, естественной цивилизации» в положительном ключе³³⁴. Примечательно, что «дикими» для европейского путешественника показались нравы старообрядцев, когда те разбивали лохани, в которых умывались чужеземцы. Испытывая некоторое чувство зависти, которое было вызвано ощущением «застаивания» и «старения» Европы, некоторые иностранцы, побывавшие в России, с сожалением смотрели на стирание национальных особенностей у русской аристократии.

Любопытно, что программу сохранения национальных черт предложил барон фон Штейн, известный прусский реформатор, принятый на русскую службу

³³² Сдвижков Д. А. Изобретение XIX века. Время как социальная идентичность // Изобретение века. Проблемы и модели времени в России и Европе XIX столетия. М., 2013. С. 15–39.

³³³ Цит. по : Томашевский Б. В. «Кинжал» и m-me de Stael // Пушкин и его современники : материалы и исследования. Петроград, 1923. Вып. 36. С. 92.

³³⁴ Земскова Е. Е. Русский патриотизм в немецком переводе : А. С. Шишков в воспоминаниях Э. М. Арндта // Труды РАШ. 2004. Т. 2. С. 89–97 ; Langenberg E. Ernst Moritz Arndt. Sein Leben und Seine Schriften. Bonn, 1865. 280 S.

в 1812 г.: «Быть может еще не поздно умерить вторжение иностранных обычаев и придать ему направление, более целесообразное. 1) Можно было бы ввести снова столь целесообразную и удобную национальную одежду – кафтан. 2) Двору следовало бы проводить большую часть года в Москве. 3) Следовало бы затруднить сношения русских уроженцев с иностранными послами»³³⁵.

Взлет международного престижа России на небывалые до того высоты обеспечила победа в Отечественной войне и последующее освобождение Европы, утвердившие преимущества российского общественного строя: «“Отсталая”, “деспотическая”, “рабская” держава оказалась победительницей, хотя, в силу европейских представлений о “ходе истории”, таковой оказаться никак не могла. Подобная точка зрения, довольно модная не только в парижских, но и петербургских салонах, после 1812 г. трансформировалась в интерес к “чуду России”»³³⁶. Победа над Наполеоном закрепила новую роль России и ее дворянства. Офицеры, побывавшие в стране, которая долгое время являлась их кумиром, задавала тон и моду светской жизни, были разочарованы открывшимися перед ними картинами реальной жизни: «Жителей Франции мы нашли несравненно на низшей степени образованности, нежели немцев, а потому удивление почти всех наших офицеров, надеявшихся по внушениям своих гувернеров, найти во Франции Эльдorado, было не описано при виде повсеместных в деревнях и городах бедности, неопрятности, невежества и уныния»³³⁷.

Поднявшееся чувство национальной гордости требовало закрепления приоритетов России не только в военном, но и в культурном плане. В таком контексте закономерным выглядит обращение С. С. Уварова к теме истории и народного воспитания. В составленной им в 1813 г. брошюре «О преподавании истории относительно к народному воспитанию» он писал о задачах истории: «Возбуждать и сохранять... народный дух и тот изящный характер, на который

³³⁵ Штейн К. Ф. Х. фон. Барон Штейн о России // Русский архив. 1871. № 2. Стб. 126–127.

³³⁶ Боханов А. Русская историософская и общественная мысль в первой половине XIX века [Электронный ресурс] // Моск. журнал. 2004. № 12. Электрон. дан. URL: <http://mj.rusk.ru/show.php?idar=800999> (дата обращения: 15.07.2016).

³³⁷ Цит. по : Фролова М. М. Лейб-гвардии Конный полк в кампании 1814 г. // Вопросы истории. 2014. № 7. С. 80.

ныне Европа смотрит, как изнеможенный старец на бодрость и силу цветущего юноши»³³⁸.

Российские деятели консервативного толка откликнулись на войну рядом патриотических призывов, выразившихся в составлении антифранцузских памфлетов, выпуске ультрапатриотического журнала «Русский вестник» и пр. Как никогда актуальными оказались высказанные А. С. Шишковым мысли в «Рассуждении о старом и новом слоге»: «Как? мы, варвары, век свой славимся нравами и оружием; а вы, не варвары, ужасами революции своей отняли славу у самого ада! Как? мы, эсклавы, повинuemся Богом избранной над нами верховной власти и законам; а вы, не эсклавы, после адской вольности, воздвигшей убийственные руки ваши на стариков и младенцев, наконец ползаете, когда палкою принудили вас повиноваться! Как? мы, непросвещенные, почитаем веру, единственный источник добродетелей, единственную узду страстей, разрушающих мир и тишину, единственную связь благоустроенных обществ; а вы, просвещенные, попрали ее, и самое бытие Бога, не по чудесам созданного им мира, но по определениям Робеспьеровым признавали!»³³⁹.

В годы войны утверждение А. С. Шишкова о равенстве России и Европы в культурном плане переросло в мысль об однозначном превосходстве русской нации. Добавив, таким образом, к своим идеологическим установкам задачу пропаганды за рубежом русской культуры в целом и языка в частности, А. С. Шишков приступил к их реализации еще во время заграничного похода русской армии.

Понимая свою деятельность как представительство русского народа в Европе, адмирал начал активно завязывать отношения с европейскими славистами. Среди его знакомых и в дальнейшем адресатов значатся имена известных зарубежных ученых Б. Линде, Й. Добровского, В. Караджича, В. Ганки³⁴⁰.

³³⁸ Уваров С. С. О преподавании истории, относительно к народному воспитанию. СПб., 1813. С. 24.

³³⁹ Шишков А. С. Ответ на письмо Господина Луки Говорова, напечатанное в Вестнике Европы Апреля 1807 № 8, под заглавием: Письмо из города N. N. в столицу // Шишков А. С. Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1828. Ч. 12. С. 256–257.

³⁴⁰ Дмитриев П. А., Сафронов Г. И. Еще раз на тему «Вук Караджич и Россия» (в связи с выходом книги Миодрага Поповича «Йот») // Учен. зап. Тартус. гос. ун-та. Тарту, 1983. Вып. 649 : Из истории славяноведения в

К деятельности последнего А. С. Шишков проявил большой интерес и восторженно отзывался о «найденной» чехом в 1817 г. так называемой Краледворской рукописи. «Обнаруженные» В. Ганкой отрывки древних эпических и лирических сочинений, объединенные по названию места нахождения (г. Кёнигинхоф), на самом деле оказались талантливой подделкой, как и «найденная» позже Зеленогорская рукопись, но на долгое время они определили рост патриотических настроений в Богемии, находившейся тогда под властью Габсбургов. Вплоть до 1870-х гг. сомнения в подлинности рукописей высказывались лишь единичными исследователями.

А. С. Шишков с момента обнаружения рукописей не сомневался в их подлинности и оставил обширный комментарий, в котором использовал свой опыт трактовки «Слова о полку Игореве». Он утверждал близость русского и чешского языков, возводя их к одному прародителю, а именно «славенскому» языку: «Сие открытие Г. Ганки столько же и для нашей словесности полезно, сколько и для Чехской или Богемской, по той причине, что язык в сей старинной рукописи есть почти чистый наш язык»³⁴¹. А. С. Шишков еще раз подчеркнул, что «дар стихотворения, чувствование силы красноречия, и уважение к талантам не чужды были Славянам»³⁴².

После окончания Отечественной войны и заграничного похода А. С. Шишков не оставил занятий со славянскими языками. В числе его несбывшихся замыслов, когда он стал Президентом Академии Российской в 1813 г., – организация кафедры славянских языков в университетах.

Между тем, в начале XIX в. наряду с требованием укрепления внешнеполитического престижа России, задача преодоления «перегибов» европеизации продолжала оставаться актуальной.

Помимо собственно «славенорусского языка» в качестве еще одного идеологического инструмента воздействия на аристократическое общество А. С. Шишков использовал шрифт. Наряду с языком алфавит и шрифт, таким

России II. С. 67–76 ; Лаптева Л. П. Значение Вацлава Ганки в развитии славяноведения в России и русско-чешских научных контактов в XIX веке // Славяноведение. 2012. № 2. С. 68–85.

³⁴¹ Шишков А. С. Предупреждение к Рукописи Краледворской // Шишков А. С. Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1826. Ч. 6. С. 184.

³⁴² Шишков А. С. Объяснение слов и выражение подлинника // Шишков А. С. Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1826. Ч. 6. С. 307.

образом, играли существенную роль в национальной политике Российской империи³⁴³.

В воспоминаниях С. Т. Аксакова сохранился эпизод, относящийся к периоду 1808–1811 гг., в котором принципиально важным оказывается кириллическое письмо. У М. А. Турсуковой, часто гостившей в доме Шишковых, был альбом с рисунками различных живописцев, подписи которых, как иностранцев, так и русских, были сделаны на французском языке. Когда А. С. Шишкову указали на это, последовала незамедлительная реакция: он «широкою, густою чертою вымарал французскую подпись и крупными русскими буквами, *полууставом*, подписал под ней имя и фамилию рисовавшего живописца»³⁴⁴. В этом случае легко читается задача использования полуустава: написанные на нем фамилии живописцев стали не просто фамилиями, ведь А. С. Шишков мог написать их и скорописью. Ему было важно подчеркнуть именно «русскость», чтобы адресат (М. А. Турсукова) с первого взгляда понял идеологическую подоплеку «послания» адмирала. К нему он добавил еще и стихи в фольклорном стиле:

Без белил ты, девка, бела,
Без румян ты, девка, ала,
Ты честь-хвала отцу, матери,
Сухота сердцу молодецкому.

Примечательно, что почерк А. С. Шишкова в черновиках его трудов, посвященных языковым вопросам, напоминает полуустав, тогда как в частной и деловой переписке пропадает торжественность письма и появляются характерные черты скорописи: наклон букв, связи между ними и пр.

В этом нам видится принципиальное разделение А. С. Шишковым сфер сакрального и профанного. Кириллическое письмо, «славенский язык» и «славенские» тексты (Библия, катехизис, древнерусские летописи и др.) выступают у адмирала единым комплексом, который Я. Г. Шемякин

³⁴³ Миллер А. Империя Романовых и национализм : эссе по методологии исторического исследования. М., 2006. 248 с.

³⁴⁴ Аксаков С. Т. Воспоминание о Александре Семеновиче Шишкове // Аксаков С. Т. Полн. собр. соч. : в 6 т. СПб., 1886. Т.3. С. 205–206.

характеризует как «общее поле информации, связанное неким общим духовным содержанием»³⁴⁵, составляющим основу нации. В логике Г. Померанца разрушение этой целостности ведет к кризису цивилизации³⁴⁶. О катастрофических последствиях нарушения триединства языка, шрифта и текста говорил и А. С. Шишков, протестуя против перевода Библии на русский язык.

Предпринятое после окончания Отечественной войны русским отделением Библейского общества мероприятие нашло поддержку в лице министра просвещения А. Н. Голицына и самого монарха. Против перевода открыто выступил А. С. Шишков, его аргументы сводились к следующим пунктам: 1) боговдохновенность слова и древность текстов; 2) отсутствие ясной причины для перевода (язык богослужения всем понятен); 3) язык един («язык у нас славенский и русский есть один и тот же. Он различается только ... на высокой и простой»³⁴⁷). Нарушение языкового единства сакральной сферы, согласно А. С. Шишкову, предпринимается с одной целью: «исказить и привести в неуважение священные книги, изменяя язык церкви в язык театра»³⁴⁸, что ведет к дальнейшему уничтожению цивилизации.

Таким образом, сопротивление переводу Библии на русский язык имело помимо политических причин, упомянутых выше, более глубокие культурные корни. Библейские общества рассматривались А. С. Шишковым как агенты иностранных держав, стремящихся поработить Россию: они искажали содержание священных книг и провоцировали появление ересей и крамольных слухов. А. С. Шишков описывал одну из них – секту духоносцев, основанную донским казаком Евлампием Котельниковым, который считал Наполеона Антихристом и предрекал конец света в 1826 г.³⁴⁹

Тем не менее основным врагом для А. С. Шишкова продолжала оставаться революционная Франция. В РО ИРЛИ сохранился экземпляр «Северной пчелы»

---

³⁴⁵ Шемякин Я. Г. О характере соотношения Языка, Текста и Шрифта в цивилизациях «пограничного» типа // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2013. № 1 (21). С. 15–25.

³⁴⁶ Там же. С. 16.

³⁴⁷ Шишков А. С. Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова : в 2 т. Берлин, 1870. Т. 2. С. 215.

³⁴⁸ Там же. С. 217.

³⁴⁹ Шишков А. С. Записки адмирала Александра Семеновича Шишкова. М., 1868. С. 76–77.

от 13 июня 1831 г. с его пометами на полях раздела «Заграничные новости». К тому времени прошел почти год, как закончилась июльская революция во Франции, и комментарии А. С. Шишкова касаются только новостей из этой страны и сводятся к его замечанию: «NB1. великая нужда русскому знать об этом!»³⁵⁰. В том же номере были помещены новости из Англии, Турции, критический разбор патриотического романа «Рославлев, или Русские в 1812 году», которые не удостоились внимания престарелого А. С. Шишкова. Для него побежденная Франция оставалась рассадником революционных антихристианских идей.

Таким образом, демонстрируемое А. С. Шишковым восприятие действительности как апокалиптической нашло выражение в созданной им консервативной утопии, основные концепты которой содержались еще в ранних сочинениях адмирала и были им воспроизведены на рубеже XVIII–XIX вв. Революционная Франция виделась ему страной Антихриста, которая стремится поработить и уничтожить Россию. Единственную преграду этому А. С. Шишков видел в национальной политике, ее основные задачи сводились, с одной стороны, к утверждению приоритетов русских национальных особенностей, залогом сохранения которых являлось культурное единство языка, шрифта и священных текстов, и конфессионального воспитания как канала трансляции ценностей православной культуры.

С другой стороны, А. С. Шишков стремился создать новую культурно-политическую карту, на которой рядом со старой Европой находились молодые славянские нации, требовавшие признания и в ведомые Российской державой³⁵¹.

«Язык самоописания империи» А. С. Шишкова, таким образом, был полон противоречий, но, тем не менее, не лишен логики, поскольку воспроизводил организацию имперского универсума и законы ее развития. Приоритет Российской империи над странами Старого Света оказывался следствием не

---

³⁵⁰ Шишков А. С. Пометы его на «Северной пчеле» на № 130м от 13 июня 1831 г. // РО ИРЛИ РАН. Ф. 636 : Архив Шишкова А. С. (Собрание Дашкова П. Я.). Оп. 3. № 3. Л. 2. С. 3.

³⁵¹ Об искусственном создании пространственных категорий см.: Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003. 560 с.

только и не столько из победы оружия объединившихся европейски воспитанных дворян и сохранявших культурное своеобразие русской нации крестьян. Военные успехи были обусловлены, по мысли А. С. Шишкова, присущим всем сословиям моральным качествам, почерпнутым из православной литературы: «В противоположность сему [французскому народу], без всякого самохвальства, можно отдать справедливость, что в нашем народе не было никогда иных книг, кроме насаждающих благонравие, – иных нравов, кроме благочестивых, уважающих всегда человеколюбие, гостеприимство, родство, целомудрие, кротость и все христианские, нужные для общежития добродетели»³⁵².

Историко-лингвистические построения А. С. Шишкова, в сущности, представляли собой попытку преодолеть разнородность современной ему имперской культуры России (в терминологии Я. Г. Шемякина – «пограничный характер» российской цивилизации³⁵³) путем наделения системообразующими качествами одного из ее элементов – православного варианта государственной идеологии и системы образования.

Такими средствами в консервативной утопии А. С. Шишкова «исправлялось» чрезмерное влияние иностранной культуры, и утверждался приоритет национальной. Однако в условиях эсхатологического восприятия действительности необходимы были соответствующие модели поведения, которые также выстраивались на основе конфессиональных моделей.

---

³⁵² Шишков А. С. Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова. Берлин–Прага, 1870. Т. 2. С. 326.

³⁵³ Шемякин Я. Г. Субэкумены и «пограничные» цивилизации в сравнительно-исторической перспективе: о характере соотношения Языка, Текста и Шрифта // *Общественные науки и современность*. 2014. № 2. С. 113–123.

3 Модели самопрезентации А. С. Шишкова как реализация консервативной утопии

«Если порой мои мысли неясны, я стараюсь,
чтобы мое поведение уточнило их смысл»
Ж.-Ж. Руссо. Исповедь...

Дуальность русской культуры конца XVIII – начала XIX в., не раз подчеркиваемая исследователями, отразилась на формируемых моделях поведения дворянина. При их складывании человек находился между оппозициями «сакральное–профанное», «просвещение–истинное просвещение», «злочестие–благочестие» и другими, которые явились результатом сочетания традиционных представлений и заимствованных идей³⁵⁴. В таких условиях поведенческие стратегии были зачастую противоречивыми и сложно трактуемыми.

Одну из успешных попыток в «дешифровке» социального поведения русского дворянина начала XIX в. предпринял Ю. М. Лотман, отметивший влияние литературы на формирование повседневных практик российской элиты³⁵⁵. Введение в научный оборот термина «поэтика бытового поведения» способствовало пересмотру формалистских взглядов на литературу и становлению понимания литературного быта как «канала, через который сама литература воздействует на соседние (а опосредованно – и на более отдаленные) “ряды” или “социальные практики”: культуру, политику, формы социальной жизни»³⁵⁶.

Рассмотренная с таких позиций консервативная утопия А. С. Шишкова предстает как результат переработки европеизированным дворянином конфессиональной литературы, которая использовалась не только как источник

³⁵⁴ Сабурова Т. А. Образ власти как фактор формирования стратегии поведения русской интеллигенции первой половины XIX века // Известия Урал. гос. ун-та. 2005. № 34. С. 99.

³⁵⁵ Лотман Ю. М. Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века // Избранные статьи. Т. 1. С. 248–268.

³⁵⁶ Проскурин О. А. Литературные скандалы пушкинской эпохи. М., 2000. С. 16.

теоретических размышлений, но и как основание для «запуска» определенных социальных практик.

Особо следует подчеркнуть значение эсхатологической составляющей конфессиональной литературы, привлекавшей внимание А. С. Шишкова. Однако эсхатология как комплекс представлений о конце света и последующем преображении мира сама по себе не создает модели поведения. Как и утопия, она заставляет критически осмыслить действительность, «проверить на истинность устоявшиеся идеалы»³⁵⁷ и предоставляет культурные коды, необходимые для формирования моделей поведения. Толчком к перекодировке христианских символов в реальные программы поведения служат исключительные явления, которые изменяют текущий ход событий.

Для большинства населения России начала XIX в. таким событием стала Отечественная война 1812 г. В общественном восприятии она получила трактовку катастрофы вселенского масштаба, а фигура Наполеона, осмысленная в рамках христианской эсхатологии, превратилась в Антихриста. Примечательно, что в формировании такого образа французского полководца приняли участие старообрядцы, результатом чего стало появление ряда сказаний о Наполеоне-Антихристе в первой трети XIX в. Подобные представления о французском полководце бытовали и среди дворянства, и среди официальных церковных кругов, послания которых в своей риторике хотя и не связывали прямо образ Антихриста с Наполеоном, но косвенно способствовали укреплению такого восприятия Бонапарта в обществе³⁵⁸.

Поэтому, на наш взгляд, целесообразно говорить о сближении религиозных взглядов крестьянской и дворянской среды в годы войны. Не случайно А. С. Шишков после ее окончания использовал 1812 год как пример времени «наивысшего единения всех сословий» и в дальнейшем пытался сохранить такой настрой. И если в начале XIX в. высказанные им идеи воспринимались как

---

³⁵⁷ Шелудченко Д. А. Утопия и эсхатология: два типа философского предвидения // Известия Том. политехн. ун-та. 2013. Т. 322. № 6. 104–109.

³⁵⁸ Сазонова Л. И. Наполеон в литературной традиции русской эсхатологии // 1812 год и мировая литература. М., 2013. С. 27–50 ; Pesenson M. A. Napoleon Bonaparte and Apocalyptic Discourse in Early Nineteenth-Century Russia // Russian Review. 2006. Vol. 65. № 3. P. 373–392.

чудачества и «патриотические бредни» (выражение Д. А. Шельтинг, первой жены А. С. Шишкова, приведено в воспоминаниях С. Т. Аксакова), то теперь о них высказывались уже по-другому. Даже критично настроенный Ф. Ф. Вигель отмечал положительное действие организованной адмиралом «Беседы любителей русского слова»: «покровительство и уважение, оказываемые в столице отечественной словестности правительством и высшими сословиями, имели благотворное влияние на провинции и некоторым образом способствовали сближению разных состояний и согласию между ними, столь необходимых в эту памятную эпоху»³⁵⁹.

Такая постановка вопроса определяет рассмотрение поведенческих моделей А. С. Шишкова с позиций, во-первых, учитывающих влияние конфессиональной литературы на выбор стратегии поведения, и, во-вторых, установления их связей с крестьянской традиционной картиной мира. При этом выбор той или иной модели поведения будет косвенно свидетельствовать о слабых местах в социальной адаптации дворянства, поскольку демонстрирует те части картины мира сформировавшейся элиты государства, которые оказались разрушенными или поставленными под сомнение в ходе мировоззренческих кризисов и, тем самым, требовали легитимации.

Необходимо также дать пояснение, что в первую очередь речь идет о публичной сфере жизни дворянина, так как именно здесь ему приходилось лавировать и искать возможности донести свои соображения до современников. Соответственно, об успешности реализации избранной модели поведения будет свидетельствовать интерес к ней современников и потомков.

---

³⁵⁹ Вигель Ф. Ф. Записки. М., 2000. С. 279–280.

3.1 Формирование поведенческих моделей дворянина последней трети XVIII – первой трети XIX вв.: между конфессиональным опытом и вестернизированной культурой

Наступательный потенциал консервативной утопии А. С. Шишкова, основывавшейся на приоритете национальных ценностей, церковнославянского языка и строившейся на традиционном мировоззрении, заключался не только во внешнем позиционировании русской культуры. Существенным моментом, который оказался в определенном смысле более концептуально проработанным, стало внутреннее давление на российскую аристократию. Одобрение А. С. Шишкова заслуживало не только формальное согласие с высказанными им идеями, прежде всего в «Рассуждении о старом и новом слоге российского языка», но и выстраивание определенного типа публичного поведения, соответствующего императивам православия и светского патриотизма.

Так, в окружении А. С. Шишкова известны случаи резкой смены моделей публичного поведения. Примечателен пример П. А. Кикина, который до выхода «Рассуждения...» А. С. Шишкова, по свидетельствам современников, был истинным галломаном, франтом. Однако после публикации вошел в число идейных соратников А. С. Шишкова, стал в последующем активным участником «Беседы...», а на своем экземпляре «Рассуждения...» сделал характерную надпись «Mon Evangelie»³⁶⁰. Патриотизм П. А. Кикина особенно ярко проявился после окончания Отечественной войны, когда он, по свидетельству А. С. Шишкова, подал идею увековечить победу над Наполеоном строительством храма³⁶¹. Перекликается с характеристикой сочинения А. С. Шишкова, данной П. А. Кикиным, и вышеупомянутое свидетельство С. Т. Аксакова: «Эти книги [«Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» и «Прибавление к

³⁶⁰ Аксаков С. Т. Воспоминание о Александре Семеновиче Шишкове // Аксаков С. Т. Полн. собр. соч. : в 6 т. СПб., 1886. Т. 3. С. 190.

³⁶¹ Шишков А. С. Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова. Берлин–Прага, 1870. Т. 2. С. 330.

Рассуждению...». – Т. II.] совершенно свели меня с ума... Я уверовал в каждое слово его книги, как в святыню! [курсив наш. – Т. II.]»³⁶².

Еще более показателен в контексте смены моделей поведения под влиянием идей А. С. Шишкова жизненный опыт князя С. А. Ширинского-Шихматова. Он прошел, так же как А. С. Шишков, курс обучения в Морском кадетском корпусе, остался в нем воспитателем, был одним из самых ярких поэтов «Беседы любителей русского слова», любимцем А. С. Шишкова, которого сам называл своим «благодетелем». В 1830 г. князь принял монашеский сан и начал подвижническую деятельность в Греции под именем монаха Аникиты³⁶³.

В этих примерах несложно увидеть, что выбор публичных моделей поведения последователей А. С. Шишкова и восприятие его сочинений так или иначе оказывались в рамках конфессионального ядра русской культуры, поэтому отрицание православной религиозности, а именно в таком ключе А. С. Шишковым и его сторонниками трактовалась чрезмерная увлеченность европейской культурой, маркировало «нерусскость» в целом. На понимание русских консерваторов начала XIX в. конфессиональной принадлежности как фактора этнического определения указывает А. Ю. Минаков, подчеркивая, что православие в этом контексте понималось как национальная, а не универсалистская религия³⁶⁴.

Однако к началу XIX в. европейская светская культура уже достаточно укоренилась в русском дворянстве, вследствие чего нередки были случаи «раздвоенного» поведения. Так, сам А. С. Шишков нарушал границы консервативной утопии и становился объектом критики. После второй женитьбы на полячке и католичке Ю. О. Лобаржевской он получил анонимное письмо, критиковавшее его выбор³⁶⁵.

Подобная «двуличность» прослеживается и в лингвистическом плане, что отмечали современники адмирала: выступая за вытеснение французского языка из обихода русской жизни, сам А. С. Шишков активно его использовал, например, в

³⁶² Аксаков С. Т. Воспоминание о Александре Семеновиче Шишкове // Аксаков С. Т. Полн. собр. соч. : в 6 т. СПб., 1886. Т. 3. С. 174.

³⁶³ О жизни и трудах иеромонаха Аникиты, в мире князя С. А. Ширинского-Шихматова. СПб., 1853. 69 с.

³⁶⁴ Минаков А. Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж, 2011. С. 344–345.

³⁶⁵ Из семейной переписки А. С. Шишкова // Пушкин и его современники. СПб., 2005. Вып. 4 (43). С. 80.

переписке с домочадцами³⁶⁶. Согласно исследованию М. В. Захаровой, эти галлицизмы представляли собой общеупотребительные фразы («pour rendre la scene plus comique» – «Представить сцену еще более комической», «mais l'homme propose, et Dieu dispose» – «Человек предполагает, а бог располагает»), от использования которых, несмотря на весь свой пуризм в отношении языка, адмирал не мог воздержаться³⁶⁷.

Нетрудно заметить, что новая культура, захватывая область публичного поведения русского дворянина, являвшуюся местом функционирования государственного закона и порядка, в меньшей степени касалась частной жизни. Сфера семьи, быта являла собой ту область, которая предоставляла относительную свободу поведения: «Если в казарме или канцелярии дворянин в качестве офицера или чиновника выступал агентом государства и волей-неволей становился носителем новой вестернизированной культуры, то у себя дома он, по крайней мере потенциально, мог делать то, что хочет, а не то, что должен, особенно, если этот дом находился вдали от полка или коллегии – в поместье»³⁶⁸. Это обстоятельство снимало противоречие между пропагандируемыми идеями и бытовым поведением. Таким образом, как отметила Е. Н. Марасинова, складывался тип «частного человека», который противопоставлял свои интересы государственным и навлекал на себя неодобрение света³⁶⁹.

Необходимо отметить также, что в сфере повседневного быта дворянства сохранялись связанные с традиционным поведением и мировоззрением культурные практики, активно вытеснявшиеся государственной политикой, и на их основе происходило зарождение новых культурных кодов, практик и моделей поведения русского дворянина, способного противостоять официальной позиции и выработать свое критическое отношение к происходящему.

---

³⁶⁶ См. : Из семейной переписки А. С. Шишкова // Пушкин и его современники. СПб., 2005. Вып. 4 (43). С. 63–163 ; Шишков А. С. Письма А. С. Шишкова к жене (1797–1798 гг.). Ч. 1 // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение : новая серия. Тарту, 1994. Вып. 1. С. 215–241 ; Шишков А. С. Письма А. С. Шишкова к жене (1797–1798 гг.). Ч. 2 // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение : новая серия. Тарту, 1996. Вып. 2. С. 258–297.

³⁶⁷ Захарова М. В. Языковые взгляды А. С. Шишкова и их отражение в его речевой практике : дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. С. 98.

³⁶⁸ Шипилов А. В. Новое и старое в поместном быту России в первой половине XVIII в. // Вопросы истории. 2014. № 8. С. 89.

³⁶⁹ Марасинова Е. Н. Вольность российского дворянства (манифест Петра III и сословное законодательство Екатерины II) // Российская история. 2007. № 4. С. 21–33.

Смешение публичной и частной сторон жизни порождало модели поведения, направленные, с одной стороны, на адаптацию к внешним непривычным условиям среды, а с другой – расширявшие рамки дозволенного.

Подобными характеристиками обладали шуты и скоморохи, которые, выходя за рамки существовавшей структуры средневекового общества, «выворачивали» привычный человеку мир, демонстрировали «потусторонний» взгляд на вещи и сами, с точки зрения официальной религии, являлись представителями «потусторонних» сил³⁷⁰.

В эпоху перехода от средневековья к новому времени, когда позиции церкви значительно пошатнулись, бинарный мир, в котором присутствовали рай и ад, христианство и безверие (язычество), был отчасти секуляризован, что сняло религиозное напряжение и переориентировало структуру общества с религиозной основы на государственную политическую. На этом фоне прежние, по выражению М. Фуко, «безумцы» превращались в чудаков, которые приносили в публичную жизнь (сферу государственного контроля) бытовой опыт, тем самым становясь вне поля государственного контроля и избегая наказания. Ярким примером такого поведения в XVIII в. был А. В. Суворов, прославившийся своими «чудачествами»³⁷¹, а среди современников А. С. Шишкова – И. А. Крылов³⁷².

Фигура последнего достаточно примечательна, так как демонстрирует процесс превращения личности литератора в способ закрепления идеологии: как отмечает Е. Э. Лямина, модель публичного поведения И. А. Крылова, оформившаяся в виде концепта «дедушки», стала поводом к «огосударствлению» его образа и превращению его в символ «народности». Именно традиционное восприятие литературного труда и самого литератора сделало его «совестью» русской нации. И хотя ремесло сочинителя воспринималось к началу XIX в. как способ дворянина скоротать время в домашней обстановке в стороне от

---

³⁷⁰ Лотман Ю., Успенский Б. Новые аспекты изучения культуры Древней Руси // Вопросы литературы. 1977. № 3. С. 148–166.

³⁷¹ Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре : быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1994. С. 269–286.

³⁷² Lyamina E. E. The first literary jubilee in Russia : Krylov and others. Series : Literary Studies. М., 2015. 13 с. (Препринт / Высшая школа экономики ; WP BRP 08/LS/2015).

публичных дел, оно продолжало носить четко ориентированный нравственно-поучительный характер.

А. С. Шишков начал завоевывать «право говорить от лица Истины»³⁷³ в годы отстранения от императорского двора, когда его творчество приобрело полемическую заостренность. В этот период жизни он сознательно маркировал свое поведение как подвижническое, создавая образ независимого, честного и прямого в общении с монархами человека, который оценивал все происходящие события в «моральном измерении». О последствиях такой позиции писал А. В. Прокофьев: «Во-первых, она приводила к тому, что любая попытка национальной самокритики, а по сути, самоанализа, воспринималась традиционалистами как нечто априори безнравственное. А во-вторых, смешав «сущее» и «должное», «славяне» вынуждены были идеализировать все то, что могло быть маркировано как истинно русское»³⁷⁴.

Тем не менее образ А. С. Шишкова-писателя продолжал развиваться в первой четверти XIX в. и был дополнен ролью пророка, каковым его стали считать в годы Отечественной войны. М. А. Дмитриев вспоминал: «Шишков предсказывал многие плоды ... пристрастия к чужому, этого отчуждения от самих себя: что и сбылось и что мы только теперь поняли. Шишков был, в некотором смысле, пророк; за то его и не слушали, как в древности пророков!»³⁷⁵.

Таким образом, артикуляция создаваемой традиции и утопии требовала внимания к определенным образцам публичного поведения, рамки которого ограничивались, с одной стороны, конфессиональным опытом, а с другой – новой вестернизированной культурой. При этом выбор моделей поведения как А. С. Шишковым, так и его последователями диктовался традиционным для русской культуры пониманием места и роли литератора как учителя и проповедника, обязанного не только открывать дарованное свыше ему знание, но и следовать конфессиональному идеалу. А. С. Шишков перенес модель писателя

---

³⁷³ Лотман Ю. М. Русская литература послепетровской поры и христианская традиция // Лотман Ю. М. Избранные статьи : в 3 т. Таллинн, 1993. Т. 3. С. 130.

³⁷⁴ Прокофьев А. В. А. С. Шишков: языковая утопия российского традиционализма и ее истоки // Философский век. Вып. 5 : Идея истории в российском просвещении. СПб. 1998. С. 250.

³⁷⁵ Дмитриев М. А. Московские элегии: стихотворения. Мелочи из запаса моей памяти. М., 1985. С. 192.

из религиозного пространства в светское. Выработанные им модели публичного поведения, ставшие органической частью его консервативной утопии, ее «пропагандистским потенциалом», основывались на традиционных образах «старца» и «летописца».

3.2 Модель поведения «старец» как политическая стратегия А. С. Шишкова

О публичном поведении А. С. Шишкова до нас дошли многочисленные свидетельства его современников. Практически все они вошли в работу А. Н. Стрижёва и В. Л. Коровина, по их замечанию, «попытку к разработке справочного пособия»³⁷⁶. Все сведения, кем бы они ни давались, сторонниками или противниками адмирала, в сущности, сходятся в одной характеристике: А. С. Шишков всегда представлялся старым болезненным человеком. Эти черты нашли отражение не только в его поведении (жалобы на здоровье, забывчивость и рассеянность, морализаторство и нравоучения), но и в прижизненных изображениях адмирала, где он предстает пожилым, повидавшим жизнь человеком. Ни одного портрета А. С. Шишкова в цветущих годах, которые были предназначены больше для домашнего обихода и о которых он писал своей жене из-за границы³⁷⁷, не сохранилось. Более важной для истории считалась деятельность адмирала в XIX в., поэтому большинство официальных портретов и бюстов заказывались в это время³⁷⁸.

Представляется, что функционирование «пожилого» образа А. С. Шишкова в культурном ландшафте начала XIX в. основывалось не только на физических характеристиках, оно поддерживалось идеями о естественности и «народности» и опиралось на традиционное изображение старца, которое было перенесено из литературных и фольклорных произведений в социальную действительность.

³⁷⁶ Стрижев А. Н., Коровин В. Л. А. С. Шишков (1754–1841) : материалы к библиографии // Литературоведческий журнал. 2011. № 28. С. 150–209.

³⁷⁷ Шишков А. С. Письма А. С. Шишкова к жене (1797–1798 гг.). Ч. 2 // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение : новая серия. Тарту, 1996. Вып. 2. С. 265.

³⁷⁸ Кочнева Е. В. К истории создания мраморного бюста А. С. Шишкова // Русская литература. 2012. № 2. С. 105–114.

Причем фиксация А. С. Шишковым себя как «старца» происходила постепенно в ходе «архаизации» его взглядов, и выбор такой модели публичного поведения был не случаен: он как нельзя лучше отвечал требованиям создаваемой им консервативной утопии. В этих процессах литература играла ключевую роль, являясь, по выражению А. Зорина, использующего в своих исследованиях методологические наработки К. Гирца, «депозитарием смыслов».

Самое раннее сочинение А. С. Шишкова, в котором появляется и оказывается стилистически важным образ старости (в более широком смысле старшинства³⁷⁹) – это его перевод «Маленькой детской библиотеки» И. Г. Кампе. Свой перевод А. С. Шишков основал на первых двух книжках «библиотеки» (всего их было в первом издании 12 томов), при этом он не просто перевел, но творчески переработал произведения различных жанров (пьесы, басни, стихи и др.), подстроив их под русскую действительность. До сих пор остается открытым вопрос об оригинальности переводов А. С. Шишкова; исследователи указывают на возможность наличия в сборнике собственных сочинений адмирала³⁸⁰. Вышедшая книга пользовалась большой популярностью, а ее переводчик дополнял и исправлял свой перевод вплоть до 1806–1807 гг., когда появился наиболее полный сборник под названием «Собрание детских повестей» (переиздан в 1816 г.).

Необходимо отметить, что при переводе произведения И. Г. Кампе перед А. С. Шишковым встал вопрос о выборе языкового стиля, который следовало использовать. Он был им решен однозначно: ориентация на маленького читателя обусловила применение простого разговорного языка, что отсылало к низкому стилю («народному языку»). О понятности и доступности языка перевода свидетельствует случай, описанный И. А. Гончаровым: его слуга, прочитав «Николашину похвалу зимним утехам», разочарованно заметил: «Это каждый мальчишка поймет или деревенская баба»³⁸¹.

³⁷⁹ В. В. Колесов отмечал раннее закрепление социального смысла за словом «старый» (в значении «старший»): Колесов В. В. Древняя Русь. Наследие в слове. СПб., 2000. Кн. 1 : Мир человека. С. 294–295.

³⁸⁰ Боленко К. Г. «Kleine Kinderbibliothek» И. Г. Кампе в переводе А. С. Шишкова // Вестн. МГУ. Сер. 8, История. 1996. № 3. С. 57–68.

³⁸¹ Гончаров И. А. Слуги старого века // Гончаров И. А. Собр. соч. : в 8 т. М., 1980. Т. 7. С. 134.

Влияние народной стихии проявилось и в использовании А. С. Шишковым фольклорных оборотов и лексем (слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами: «матушка», «батюшка»; «Баю, баюшки, баю» в «Колыбельной песенке, которую поет Анюта, качая свою куклу»³⁸²), знакомство с которыми он вынес, по-видимому, из детства, когда, по его же свидетельству, «до тринадцатилетнего возраста жил я в глуши у дедушки ничему не учась и без всякого воспитания»³⁸³. Однако не стоит воспринимать буквально замечания А. С. Шишкова о своем обучении в деревне. Как показывают А. Г. Кравецкий, А. А. Плетнева, зачастую в XIX в. в семантическую сферу «грамотного человека» не попадало знание церковнославянского языка³⁸⁴.

В русле традиционного, «естественного» изображения оказывается и образ старца, переданный А. С. Шишковым. Старик – это, во-первых, символ мудрости, опыта. Такой герой появляется в следующих произведениях: «Благодетельный Митюша» (старик Благонрав), «Дитя, добрым наказанием исправленное» (старик Добронрав), «Удалися от зла и сотвори благо, хотя бы то было в тайне» (старик Честнодум) и др. Во-вторых, старик является маргиналом, олицетворяющим нищету и болезни («Бедный человек и его сын», «Щастие благодетельства» и др.).

Оба толкования образа старости направлены на нравственное воспитание детей, демонстрацию примеров добродетелей, таких как сострадание, честность, доброта и пр. Автор (а вслед за ним и переводчик) стремился научить детей уважать старость и старших за их ум и жизненный опыт, привить чувство сострадания к нищим и больным старикам.

Подобная двойственность понимания старости восходит к традиционному восприятию старика в хозяйственной и социальной жизни крестьянской общины, когда, с одной стороны, старость трактовалась как естественная потеря трудоспособности и физическое ослабление (отсюда мотивы бесполезности стариков), с другой стороны, стариков уважали за их опыт, мудрость, они обладали большим авторитетом «в силу той или иной традиции, вызванной

³⁸² Шишков А. С. Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1818. Ч. 1 : Собрание детских повестей. С. 2–3.

³⁸³ Из семейной переписки А. С. Шишкова // Пушкин и его современники. 2005. Вып. 4 (43). С. 121.

³⁸⁴ Кравецкий А. Г., Плетнева А. А. История церковнославянского языка в России (конец XIX – XX в.). М., 2001. С. 39–40.

различными социальными факторами – ... имущественной, административной властью, религиозным уставом «старчества» (старообрядцы)»³⁸⁵.

Таким образом, в «Собрании детских сочинений и повестей» нашли отражение особенности восприятия традиционной общиной возрастных характеристик. Образы старости органичны и естественны и выполняют, прежде всего, нравственно-воспитательную функцию. Глупость молодых и правота взрослых – основная тема басен, встречающихся в «Собрании детских повестей», которые, как указал В. Имендерфер, во многом напоминают басни И. И. Хемницера³⁸⁶. Их основной нравоучительный мотив можно выразить в словах: «не презирайте, сударь, впредь советов старых и знающих»³⁸⁷.

Концепт старости тем самым переставал быть лишь литературным тропом и приобретал черты «идеологической метафоры» (выражение К. Гирца)³⁸⁸. Например, в стихотворении «Старое и новое время» (1784 г.) эта литературная форма, апеллируя к понятиям-координатам «старое – хорошее», «новое – плохое», задавала ценностное пространство консервативной утопии А. С. Шишкова.

Окончательная идеологизация образа «старости» произошла в начале XIX в., когда А. С. Шишков приступил к активной политической деятельности. Обозначенный в «Рассуждении о старом и новом слоге» тезис о «порче нравов» был развит им в годы борьбы с французами и послевоенного обустройства Российской империи. Определив в качестве источника всех зол «дух времени», под которым адмирал подразумевал революционные идеи Франции, вызвавшие гибель традиционных ценностей, А. С. Шишков тем самым соглашался с немецким публицистом Э. М. Арндтом, автором антинаполеоновских манифестов. В своем комментарии к переводу его сочинения «Краткая и справедливая повесть о пагубных Наполеона Бонапарте помыслах» А. С. Шишков перечислял «утраченные» ценности: «Отсюда священнейшие имена: Бог, вера,

³⁸⁵ Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX - начала XX в. : половозрастной аспект традиционной культуры. Л., 1988. С. 126.

³⁸⁶ Имендерфер В. Первые детские басни в России XVIII века // Русская литература. 1998. № 2. С. 57.

³⁸⁷ Шишков А. С. Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1818. Ч. 1 : Собрание детских повестей. С. 61.

³⁸⁸ Гирц К. Идеология как культурная система // Новое литературное обозрение. 1998. № 29. С. 7–38.

Царь, закон, отечество, родство, брак, *старость* [здесь и далее курсив наш. – Т. II.], любовь, дружба, бескорыстие, благонравие, кротость стали мало помалу изглаживаться из сердец»³⁸⁹.

В целом описания русско-французского противостояния, которые А. С. Шишков, став министром просвещения, представлял императору, изобиловали религиозными атрибутами. Так, актуализировав образы Апокалипсиса в своем идеологическом творчестве, адмирал призывал к борьбе за русскую национальность, рисуя последствия влияния французских идей на русскую действительность конфессиональным языком: «пламя» революционных идей тлеет среди российских подданных, православная вера искажается, ереси множатся, нравственность гибнет. Спасение в этом «тлеющем» конфликте лежит в любви и преданности православного российского народа императору. Чтобы оградить народ от французской «заразы», министерству просвещения необходимо соорудить «стену» – новый цензурный устав. При этом православное самодержавное государство несет всю ответственность за своих подданных, «воспитывая их добрыми гражданами не только земного царства, но и Царства Небесного, в то время как любое иное государство призвано лишь устраивать земное благоденствие своих граждан, равнодушно попуская им грешить»³⁹⁰. Поэтому функционирование образа старца в политическом дискурсе начала XIX в. необходимо рассматривать именно в религиозном эсхатологическом контексте.

Возникнув еще в преддверии войны с французами, мотив немощи оказывался необходим А. С. Шишкову при демонстрации безнравственности и жестокости захватчиков: «К расхищению и разрушениям присовокупляются бесчеловечие и лютость: набрав груды вещей, возлагали бремя сие на пойманного на улице *старого или увечного человека* [здесь и далее курсив наш. – Т. II.], принуждая его вести оное в их стан, и когда он под тяжестью изнемогал, то сзади обнаженными палашами убивали его до смерти. Некто из пожилых благородных людей, будучи в параличе, не мог выехать из Москвы и оставался в собственном

³⁸⁹ Краткая и справедливая повесть о пагубных Наполеона Бонапарте помыслах // Шишков А. С. Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. 1827. Ч. 10. С. 207–208.

³⁹⁰ Миронова Т. Л. Министр просвещения А. С. Шишков о книгоиздании и цензуре (по фондам ОР РГБ) // Румянцевские чтения. М., 2005. С. 172.

своем доме. К нему вбежали несколько человек и на глазах у него разграбили и зажгли дом его. Он с трудом вышел на улицу, где другая шайка тотчас напала на него, содрала с него сюртук, все платье, сапоги, чулки и стала снимать последнюю рубашку; несчастный больно в знак просьбы прижал ее руками к телу, но, получив саблею удар по лицу, растянулся наг и окровавлен без чувств на земле», «Взглянем на адские, изрыгнутые в книгах их лжемудрствования, на распутство жизни, на ужасы революции, на кровь, пролитую ими в своей и чужих землях: и слыхано ли когда, чтобы *столетние старцы* и не рожденные еще младенцы осуждались на казнь и мучение?», «*Старость* трясущеюся своею главою и младенчество безбоязненною своею улыбкою не могли смягчать вашей люто́сти и свирепства»³⁹¹.

Другой аспект восприятия старости как мудрости встречаем в произведениях, посвященных событиям Смутного времени, которому А. С. Шишков и его сторонники уделяли особенное внимание, рассматривая его как исторический аналог современной им ситуации³⁹². Среди национальных героев того времени находим и старцев. В «Речи о любви к Отечеству», прочитанной А. С. Шишковым в 1811 г., ярко описан подвиг Гермогена: «Гермоген, Патриарх Московский, был наш Регул. Великого мужа, *почтенного старца* сего некто из наших стихотворцев так изображает:

“Кто муж сей мудрый, сановитый,
Премрачный, как луна во мгле,
Имущий кроткий зрак открытый,
Ко правде ревность на челе?
Блестит в очах, слезить усталых,
Как солнца луч сквозь ранний пар,
К отечеству сердечный жар.
Бледнеет скорбь в ланитах впалых,
До чресл волнуется брада;

³⁹¹ Шишков А. С. Краткие записки, веденные в войну с французами // Шишков А. С. Огонь любви к Отечеству. М., 2011. С. 73, 75, 167.

³⁹² Альтшуллер М. «Беседа любителей русского слова»: у истоков русского славянофильства. М., 2007. С. 115–122; Полежаева Т. В. Язык как фактор национального единства (на материале полемики архаистов и карамзинистов начала первой четверти XIX века) // Вестн. Том. гос. ун-та. 2013. № 376. С. 98–99.

Глава годами оснеженна,
 Вся крепость плоти изможденна,
 Душа единая тверда”.

Одним словом, все преодолено было; но оставался еще один оплот, всего крепчайший: оставался в изнеможенном теле *старца* дух твердый; оставался Гермоген»³⁹³.

Иными словами, в сочинениях А. С. Шишкова образ старости оказывается неразрывно связан с традиционными аспектами его социального восприятия. Думается, что важную роль в выборе именно «старца» в качестве модели публичного поведения сыграли ранние впечатления А. С. Шишкова о жизни в деревне, которые в сочетании с идеализацией «естественного» порядка у И. Г. Кампе породили легко воспринимаемый образ.

Претендовать на роль старца сам А. С. Шишков стал в период наполеоновских войн, причем в границах сферы применения образа оказалась в основном политика. Т. А. Сабурова отмечает, что представления о власти русской интеллигенции начала XIX в. основывались на традиционной модели взаимоотношений человека и государства, дополненных идеями Просвещения: «Соединение двух компонентов ... отразило не только общий раскол модели мира, но и создало основу для возможной периодической актуализации тех или иных представлений, выбора стратегии поведения»³⁹⁴. В годы идеологического творчества для А. С. Шишкова такая стратегия определялась образом «старца», которая была успешно воспринята его современниками.

Например, упоминавшийся выше немецкий публицист Э. М. Арндт после встречи с адмиралом в 1812 г. оставил следующую характеристику: «Еще занял у меня время и силы один старый русский адмирал... Звали его адмирал Шишков, так приблизительно выговаривалось имя. Это был большой оригинал, настоящий русский, я думаю, высшей пробы. Он обладал главными чертами своего народа, веселостью, склонностью к удовольствиям, и неопишным проворством и

³⁹³ Шишков А. С. Рассуждение о любви к Отечеству // Шишков А.С. Собрание сочинений и переводов. 1825. Ч. 4. С. 159–160.

³⁹⁴ Сабурова Т. А. Образ власти как фактор формирования стратегии поведения русской интеллигенции первой половины XIX века // Известия Урал. гос. ун-та. 2005. № 34. С. 101.

живостью во всех членах и мимике. Положительно, было в нем что-то от Суворова. Семидесятипятилетний старик, с совершенно особенным лицом и ироничными, при этом весьма добрыми чертами, находящимися в таком непрерывном изменении, какого я не встречал ни у кого другого. У него была привычка, вероятно совершенно русская, обозначать все, что на ваших глазах приходило ему в голову, не с помощью слов, но через пантомиму. Вообще, старику было тяжело перевести в слова весь гений, которым он наделен был в достатке... Этот старый достойный адмирал, едва понимавший по-немецки, не то слышал обо мне, не то прочел одно из небольших моих произведений или переводов. В то время, после свержения Румянцовым министра внутренних дел Сперанского, он был подобно затычке воткнут на освободившееся место, и кроме всего прочего должен был составлять воззвания к народу. В поисках могучих и сильных слов он переводил мне свои мысли на плохой французский. Мне приходилось переводить их сначала на немецкий, а затем по возможности более возвышенным и сильным слогом и мыслью на французский, вероятно, еще худший. Наконец, опираясь на мои слова, он пытался добавить возвышенности своим русским воззваниям. Помню только, что вынужденный труд мой, при всем удовольствии от общения со славным стариком, был весьма тяжелым, и, не понимая по-русски, я не сумел даже почувствовать вкус успеха»³⁹⁵.

Как указывает Е. Земскова, Э. М. Арндт «состарил» А. С. Шишкова (в 1812 г. последнему было 58 лет), преследуя свои цели: его восприятие адмирала основывалось на широких культурных представлениях немцев о русской нации как молодой, недавно вступившей на путь европейского развития и, вследствие этого, еще сохранившей связь с традиционным прошлым. Исследовательница сделала предположение, что ошибка в возрасте «могла быть частью стратегии создания образа странноватого, но умудренного старца»³⁹⁶.

---

³⁹⁵ Цит. по: Земскова Е. Русский патриотизм в немецком переводе: А. С. Шишков в воспоминаниях Э. М. Арндта // Труды РАШ. 2004. Т. 2. С. 89–97. Оригинал : Arndt E. M. Erinnerungen aus dem äußeren Leben. Leipzig, 1840. S. 145–146; в сокращенном варианте: Arndt E. M. Meine Wanderungen und Wandelungen mit dem Reichsfreiherrn Heinrich Karl Friedrich von Stein. Berlin, 1858. S. 25, 26; частичный перевод описания А. С. Шишкова см.: Из воспоминаний Э. М. Арндта о 1812 г. // Русский архив. 1871. № 2. Стб. 92–94.

³⁹⁶ Земскова Е. Русский патриотизм в немецком переводе: А. С. Шишков в воспоминаниях Э. М. Арндта // Труды РАШ. 2004. Т. 2. С. 92.

Указание на отождествление А. С. Шишкова со старцем содержится в одном из его последних произведений, написанных для внучатой племянницы Софьи – «Беседе мудрого старца с девицей юной о чувствах и словах». В нем адмирал давал наставления и советы юному поколению, завещая не забывать христианские добродетели.

Последователям А. С. Шишкова и в сочувствующих его идеям кругах в подобного рода позиционировании адмирала виделись традиционные смыслы – мудрость и знания много повидавшего человека. С. П. Жихарев в своих записках оставил впечатление о чтении А. С. Шишковым поэмы С. А. Ширинского-Шихматова: «Я от души любовался седовласым *старцем*, который так живо сочувствовал красоте стихов и передавал их с такою увлекательностью»³⁹⁷. Тогда как известный оппонент «шишковистов» Ф. Ф. Вигель акцентировал свое внимание на другом аспекте старости – «устарелости» и отсталости взглядов, тем самым исключая его идеи из сферы современного, «живого» мыслительного процесса эпохи. Однако и для него, и для других «арзамасцев» публичное поведение

А. С. Шишкова однозначно определялось в связи с конфессиональным опытом. Известна эпиграмма на членов «Беседы любителей русского слова», сочиненная Д. Н. Блудовым:

Хотите ль, господа, между певцами
Узнать Карамзина вы записных врагов?
Вот комик Шаховской с плачевными стихами,
И вот *бледнеющий над святыми* Шишков.
Они умом равны, обоих зависть мучит
Но одного сушит она, другого пучит³⁹⁸.

Хотя Д. Н. Блудов резко высмеивал А. С. Шишкова, описание последнего находится в русле христианской культуры. Позже позиция об устарелости взглядов А. С. Шишкова была воспроизведена в сочинениях ряда либеральных историков XIX в. (Я. К. Грот, А. Н. Пыпин и др.) и повторена также

³⁹⁷ Жихарев С. П. Записки современника. М.; Л. 1955. С. 359.

³⁹⁸ Цит. по: Вигель Ф. Ф. Записки. М., 2000. С. 142.

исследователями советского периода (В. А. Десницкий, Н. И. Мордовченко и др.), которые рисовали А. С. Шишкова противником всего нового, реакционером-консерватором.

Активное позиционирование адмиралом себя в качестве старца требует не только рассмотрения истоков этого образа, но и определения его функциональной нагрузки и границ применения. Ответ на вопрос, зачем А. С. Шишкову был нужен старец, следует искать, на наш взгляд, в области идеологии раннего русского консерватизма и особенностях его отношений с властью. Ярким примером, демонстрирующим функции образа старца, является записка А. С. Шишкова от 25 мая 1824 г.

Необходимо отметить, что в начале XIX в. кодификация стиля официальных бумаг еще не была завершена: первые пособия по канцелярскому письму будут составлены только в середине столетия. Поэтому А. С. Шишков был относительно свободен в выборе манеры обращения к монарху. Получив назначение на пост министра народного просвещения 15 мая 1824 г., 25 мая он в первый раз был у императора с докладами и передал ему записку «для чтения в свободные часы». В ней адмирал несколько раз подчеркивал свою немощность, старость, болезни и физическую несостоятельность: «Телесные силы мои слабеют, а с ними притупляется и зрение и память», «Может ли даже и самая старость и слабость моя, при гласе Благословенного Александра, не воспрянуть и не ободриться?», «Прожил на свете семьдесят лет, которые прошли как миг» и т.п.³⁹⁹.

В данном случае А. С. Шишков несколько преувеличивает, сознательно «старая» собственный облик. Так, ему было не 70 лет, а 66 – вполне обычный возраст для назначения на должность министра народного просвещения: предыдущие министры, П. В. Завадовский и А. К. Разумовский, заняли этот пост в 63 и 62 года соответственно. А. С. Шишков искал подходящий слог и модель обращения к российскому самодержцу, сочетавшую в себе византийскую хитрость, лесть и честность екатерининского служаки.

---

³⁹⁹ Шишков А. С. Записки адмирала Александра Семеновича Шишкова. М., 1868. С. 2–4.

В апокалиптической ситуации, которую автор красочно обрисовывает, «старец» оказывается необходим, чтобы заранее снять с себя ответственность за возможные неудачи в сфере просвещения (в силу ограниченности физических сил): «Государь, могу ли я, утружденный бременем лет и болезнями, стать противу гидры, которую преодолеть потребны Геркулесовы силы?»⁴⁰⁰. А. С. Шишков писал о том, что когда он предупреждал государя о губительном влиянии «духа времени» на молодое поколение дворян и выступал за ужесточение цензурного устава (проект был им подан в 1815 г.), его никто не послушал, а теперь принимать какие-то меры может быть уже поздно, на сопротивление у него осталось мало сил. Вместе с тем тональность документа не оставляет сомнения в том, что его автор готов продолжить борьбу, даже не надеясь на успех и в положении, близком к отчаянью.

А. С. Шишков воспроизвел ситуацию, которая сложилась в начале XIX в., когда он, выступив в 1803 г. с «Рассуждением о старом и новом слоге», указал на негативное влияние галломании на русскую самобытность и призвал к борьбе против нее, а высшее общество поначалу не прислушалось к его требованиям отказаться от чрезмерного увлечения всем французским. К его идеям обратились во время войны с Наполеоном, которую адмирал косвенно предрекал.

Кроме того, концепт старца был необходим А. С. Шишкову для безбоязненной критики предыдущего министерства А. Н. Голицына и покровительствовавшего ему императора. Хотя ценности самодержавной монархии для адмирала были превыше всего, традиционная установка на патриархальность, авторитет возраста, его опытность были залогом того, что государь на него не прогневается, чтобы он ни говорил: «Юный царь объемлет в седом родителе своем мудрость, великодушие и пример, как должно любить свое Отечество»⁴⁰¹. Сам Александр подчеркивал свою невозможность гнева на А. С. Шишкова, сказав про него, что он «не столько болен телом, сколько мыслями»⁴⁰². Однако будучи чувствительным к критике либеральных начинаний,

⁴⁰⁰ Шишков А. С. Записки адмирала Александра Семеновича Шишкова. М., 1868. С. 2.

⁴⁰¹ Шишков А. С. Рассуждение о любви к Отечеству // Шишков А. С. Собрание сочинений и переводов. 1825. Ч. 4. С. 155.

⁴⁰² Шишков А. С. Записки, мнения и переписка адмирала Шишкова. Берлин–Прага, 1870. Т. 1. С. 249.

монарх тем не менее согласился с А. С. Шишковым и одобрил его план по реорганизации цензуры, воплощенный в реальность при новом императоре Николае I. Более теплomu приему идей адмирала в начале нового царствования способствовало восстание декабристов – прямое свидетельство, по мнению А. С. Шишкова, степени распространения революционных идей в дворянской среде. Иными словами, образ старца успешно работал как при Александре I, так и при Николае I, и для выяснения причин этого обратимся к другому примеру.

В начале царствования Александра I многие деятели консервативного толка, выдвинувшиеся еще в екатерининское время, подчеркивали его молодость и неопытность. Критиковал императора и Н. М. Карамзин, но его обращение к императору закончилось неудачей. В 1811 г. в Твери он подал монарху свою записку «О древней и новой России в политическом и гражданском ее отношении», в которой, как честный дворянин, преданный слуга престола, критиковал реформы Александра, показывая их противоречивость⁴⁰³.

Свой «исторический суд» над действиями правительства Н. М. Карамзин начинает со слов: «Доселе говорил я о царствованиях минувших, – буду говорить о настоящем, с моею совестью и с Государем, по лучшему *своему уразумению*. Какое имею право? Любовь к Отечеству и Монарху, некоторые, может быть, данные мне Богом способности, некоторые знания, приобретенные мною в летописях мира и в беседах с мужами великими, т.е. в их творениях»⁴⁰⁴.

Ю. М. Лотман сравнил модель поведения придворного историографа с манерами маркиза Позы, героя драмы Ф. Шиллера «Дон Карлос, инфант испанский», умного, честного и преданного друга королевской особы⁴⁰⁵. Надев его маску, Н. М. Карамзин как «на духу» выдает свое недовольство политикой императора. Но его позиция, основывавшаяся на рациональной критике, открытом и честном поведении, не облаченная ни в какие символично-

---

⁴⁰³ Об историко-культурном контексте записки и ее роли в судьбе Н. М. Карамзина см. : Эйдельман Н. Я. Последний летописец. М., 1983. 174 с. ; Лотман Ю. М. «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» Карамзина – памятник русской публицистики начала XIX века // Лотман Ю. М. Избранные статьи : в 3 т. Таллинн, 1992. Т. 2. С. 194–205 ; Погосян Е. Россия древняя и Россия новая в исторической концепции Карамзина (1811 г.) // Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia. 1998. Вып. VI : Проблемы границы в культуре. С. 69–86.

⁴⁰⁴ Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России. СПб., 1914. С. 46.

⁴⁰⁵ Лотман Ю. М. Декабрист в повседневной жизни // Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре : быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1994. С. 480–486.

идеологические формы, оказалась не востребовавшей в преддверии войны с французами и в ситуации роста патриотических настроений, и Н. М. Карамзин временно попал в опалу. Впоследствии он все-таки был приближен императором, остро нуждавшемся в друге, но такие поведенческие установки придворного историографа не позволили Александру назначить Н. М. Карамзина на пост государственного секретаря во время, которое требовало идеологической мобилизации – обращения к народу, патриотизму, национальным ценностям. Общественность бы не приняла такого деятеля, как Н. М. Карамзин или М. М. Сперанский, поэтому умевший разбираться в людях Александр отдал пост государственного секретаря А. С. Шишкову.

Примечательно, что сам Н. М. Карамзин прибегал к стратегии старца, выступив в 1802 г. с критикой пристрастия к французской моде в сочинении «О легкой одежде модных красавиц девятого-надесять века». Под маской семидесятипятилетнего старца писатель осудил рвение к новому костюму, однако, как отмечает О. А. Проскурин, его критика исходила «не с позиции утопического патриотизма, расценивающего все «европейское» как порождение безбожия и разврата, а с позиции органистического эволюционизма»⁴⁰⁶. Очевидно, с точки зрения Н. М. Карамзина, концепт старца также находился в области естественного, органически присущего русской культуре развития.

На протяжении своей жизни А. С. Шишков старался следовать типу поведения, сочетающему установки «истинного сына Отечества» и традиционные ценности: он всячески подчеркивал, что ни перед кем не сгибался, своей карьерой обязан только себе, жил на одно жалование, не брал оброка с крестьян, любил русский народ, прославлял язык и пр. Создавая свой «политический автопортрет», А. С. Шишков претендовал на роль национального героя – того самого старца, который возбуждал своими речами «народный дух»: «Сей пламень твердым гласом Царя, благочестивыми советами духовенства, великим духом дворян и примерами многих почтенных старцев и мужей был восплаем и питаем»⁴⁰⁷.

⁴⁰⁶ Проскурин О. А. Поэзия Пушкина, или Подвижный палимпсест. М., 1999. С. 317.

⁴⁰⁷ Краткая и справедливая повесть о пагубных Наполеона Бонапарте помыслах // Шишков А. С. Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. 1827. Ч. 10. С. 206.

Безусловно, среди этих примеров «почтенных старцев» он отводил место и для себя. Не зря он оскорбился, узнав, что ему не прислали знак отличия – медаль «В память Отечественной войны 1812 года» (хотя его давали только военным чинам), и сам надел его на себя, полагая «пусть лучше он будет снят..., нежели не дан»⁴⁰⁸.

Актуальное для А. С. Шишкова-дворянина понимание образа старца в традиционном значении ставит вопрос о сопоставлении концепта с его ролью и местом в коммуникативной среде крестьянской общины и шире – податного сословия в целом.

В настоящее время на самом различном историческом, этнографическом, археографическом материале установлены маркеры старчества, характерные для русской православной культуры.

Ими выступали, во-первых, физические характеристики индивида (невозможность иметь детей, утрата трудоспособности⁴⁰⁹), не всегда предполагавшие пожилой возраст⁴¹⁰. В исследовательской литературе содержатся описания внешнего вида «божьего человека», который не оставлял сомнений в его идентификации со старцем: «Лицо белое сухощавое, щеки впалые; на теле надета медная цепь (называемая вериги) на груди и на спине крестом, на боках в ребра и на плечах вросшая, на поясице таковая же не вросшая в тело; одежда на нем ветхая ... покроя, какой носят духовные, на голове шапка малинового бархата, высокая, с четырьмя углами и суконным околышем... под кафтаном длинная холщовая белая рубашка»⁴¹¹. Обилие христианской символики в этом примере свидетельствует о ее решающей роли при атрибуции конфессиональным сознанием индивида категории «старцев», авторитет которых основывался не на «возрастном» опыте, а на непосредственно выполняемых ими в традиционном мире функциях – прежде всего, быть хранителем сакрального знания.

Т. А. Щепанская, используя обширный этнографический материал, установила, что функции старцев заключались в сборе, сохранении и трансляции

⁴⁰⁸ Шишков А. С. Записки, мнения и переписка адмирала Шишкова. Берлин–Прага, 1870. Т. 1. С. 248.

⁴⁰⁹ Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в. : половозрастной аспект традиционной культуры. Л., 1988. С. 262.

⁴¹⁰ Щепанская Т. Б. Кризисная сеть (традиции духовного освоения пространства) // Русский север : к проблеме локальных групп. СПб., 1995. С. 132.

⁴¹¹ Цит. по: Дутчак Е. Е. Из «Вавилона» в «Беловодье»: адаптационные возможности таежных общин староверов-странников (вторая половина XIX – начало XXI в.). Томск, 2007. С. 118.

знаний о кризисной ситуации. Причем если масштаб кризиса был невелик, то их роль сводилась к знахарству и лечению, в противном случае подобные индивиды могли выступить лидерами локального сообщества, апеллируя к эсхатологическим оценкам социальной реальности, и установить «свой» порядок, например способствовать началу миграции по конфессиональным мотивам. В этом случае главным предназначением «старцев» становилось поддержание группового единства, в том числе путем создания новых жизненных стратегий. Эту систему, включавшую не только «старцев», их аудиторию (сельскую или городскую), места (локусы) циркуляции информации о бедствиях, но и особые нормы поведения, Т. А. Щепанская обозначила термином «кризисная сеть» и показала, что она составляла важнейшую часть традиционного мира, способствовавшую адаптации населения к новым, изменившимся условиям бытования⁴¹².

В модели публичного поведения А. С. Шишкова считаются подобные аспекты концепта «старца». Адмирал соответствовал образу в физиологическом (не имел детей, был преклонного возраста) и идеологическом планах (активно ратовал за православные ценности). Кроме того, в общении с монархом он выступил тем самым человеком, который сохранял и транслировал эсхатологическую картину мира на высшем уровне власти: его критика существующего порядка и призывы создать новый («воздвигнуть стену») были услышаны в обществе. Можно сказать, что А. С. Шишков выступил своего рода медиатором, который аккумулировал и распространял «кризисную информацию».

Идеологическое сближение мировоззрения А. С. Шишкова с традиционной картиной мира можно увидеть в отношении адмирала к сочинению уже упоминавшегося И. Д. Ершова. М. Л. Крючкова увидела в деятельности представителя купеческой прослойки староверия свидетельство достаточно глубокого проникновения идей Просвещения в русское общество⁴¹³. На наш взгляд, возникшее между ними взаимопонимание говорит также о параллельности

---

⁴¹² Щепанская Т. Б. Кризисная сеть (традиции духовного освоения пространства) // Русский север : к проблеме локальных групп. СПб., 1995. С. 110–176.

⁴¹³ Крючкова М. Л. Феномен «философской жизни» в русской культуре XVIII в. : (по поводу мемуаров И. Д. Ершова) // Человек эпохи Просвещения. М., 1999. С. 145–146.

процессов духовных исканий в дворянской аристократической среде и староверии, к началу XIX в. уже имевшем собственную развитую культуру эсхатологических рефлексий, во многом опирающуюся на рациональное осмысление происходящего⁴¹⁴.

Таким образом, пройдя путь от литературного тропа к модели публичного поведения, образ «старца» использовался А. С. Шишковым при создании его общественно-политического амплуа и трактовался им исходя из заданных смыслов «естественного» развития и традиционной жизни православной общины. Успешно сочетая в своей поведенческой стратегии физиологические особенности с идеологическими и конфессиональными характеристиками старчества, адмирал смог выстроить конструктивный диалог с императором, что позволило ему не только критиковать самодержца и давать ему советы, но и вместе с тем уйти от ответственности в случае их негодности. В образе старца А. С. Шишкову удалось воплотить поведенческий идеал «человека, пережившего конец света» – так эсхатология стала основой социального творчества раннего консерватизма.

Примечательно, что на следующем этапе развития русского консерватизма, связанном с формированием триады С. С. Уварова, появившаяся конкурировавшая мифологема «дедушки», олицетворением которой стал И. А. Крылов, больше ассоциировалась с «народностью», апеллируя не к конфессиональному опыту, а скорее к общей этической светской модели. Баснописец-«дедушка» в рамках новой идеологии был «огосударственен», т.е. использовался как образец гражданина преклонного возраста – кумира молодежи, мудрого наставника и учителя. Тогда как о модели поведения «старец», которую демонстрировал А. С. Шишков, можно сказать, что она была в последующей историографической традиции «оцерковлена» – демонстрировала идеал русской старины. Этому феномену в немалой степени способствовала избранная им писательская стратегия.

---

⁴¹⁴ См. об этом: Керов В. В. «Се человек и дело его...» : конфессионально-этические факторы старообрядческого предпринимательства в России. М., 2007. С. 106–139.

3.3 Писательская стратегия «летописец» и ее роль в консервативной утопии А. С. Шишкова

В консервативной утопии А. С. Шишкова, чья позиция по поводу литературного творчества строилась на основе национально-религиозной идеи, задачи объединения до- и послепетровской России решались не только в плане современного ему исторического времени (единства сословий), но и с точки зрения генетических связей языка / литератур этих эпох. Так, по его признанию, шедеврами русской художественной мысли выступали произведения М. В. Ломоносова,

А. П. Сумарокова, А. Д. Кантемира и других авторов, которых А. С. Шишков неоднократно упоминал в своих сочинениях. С другой стороны, рядом с писателями и поэтами, воплощавшими литературную традицию XVIII в., оказывались реальные и мифологические авторы допетровской Руси (Нестор, Боян и др.). Объединение литературных эпох, таким образом, – еще одна задача консервативной утопии А. С. Шишкова, решение которой отразилось на выработке его собственной писательской стратегии.

На наш взгляд, в своем образе литератора А. С. Шишков попытался совместить традиционные представления о словесном творчестве с идеологической составляющей консервативной утопии, что выразилось в специфике отбора источников формирования стратегии, среди которых наряду с произведениями Древней Руси (христианской переводной и оригинальной литературой, русским эпосом, фольклором и др.) находились иностранные сочинения разных жанров.

На первом месте по значимости в формировании писательской стратегии А. С. Шишкова находилась, безусловно, конфессиональная литература, способствовавшая пониманию нравственно-воспитательной роли ремесла писателя. Известно, что глава «архаистов» прекрасно знал не только четью, но и литургическую православную литературу, предназначенную как для храмового, так и домашнего моления. Например, его «Рассуждение о красноречии

Священного Писания...», помимо собственно библейских цитат, содержит многочисленные отсылки к текстам Октоиха, Псалтыри и Часослова⁴¹⁵, а «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» строится на примерах из Пролога и Четьих-Миней, составленных митрополитом Дмитрием Ростовским. В частности, А. С. Шишков почти полностью приводит житие святых мучениц-сестер Минодоры, Митродоры и Нимфодоры, добавив свои комментарии⁴¹⁶.

Современная исследовательница Д. Б. Терешкина так отзывалась о них: «Анализ Шишковым художественных особенностей «Четьих-Миней» вряд ли может быть признан интересным и тем более отвечающим тем масштабным задачам, которые сам себе ставит Шишков, приступая к рассуждению о старом и новом слоге. Более того: шишковский анализ не может считаться даже профессиональным»⁴¹⁷.

На наш взгляд, такая критика адмирала имеет под собой слабые основания, не стоит забывать, что А. С. Шишков обращался к читателю начала XIX в., дворянину-аристократу, который знал французский язык лучше русского, поэтому обвинения в «скучности» комментариев адмирала и принципов работы с религиозными текстами в целом могли исходить только от людей, хорошо знакомых с произведениями «русской старины», каким был, например, Д. Н. Блудов – автор эпиграммы на архаистов. Ее строки – «и вот бледнеющий над святцами Шишков» – стали предметом анализа Д. Б. Терешкиной, в итоге пришедшей к выводу о «ханжестве» адмирала, которое заключалось в том, что он не привел даже имени составителя житий – Димитрия Ростовского – и не упомянул об использовании последним иностранных источников (Acta Sanctorum – сборника житий, издание которых начато в середине XVII в.).

Однако А. С. Шишков прямо отсылал читателя к первоисточнику – Четьим-Минеем – и пояснял задачу приведенного отрывка как чисто языковую, а не историко-лингвистическую: «Отнюдь не почитаю я за излишнее выписать здесь из

⁴¹⁵ Шишков А. С. Рассуждение о красноречии Священного Писания... // Шишков А. С. Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1825. Ч. 4. С. 22–107.

⁴¹⁶ Шишков А. С. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка // Шишков А. С. Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1824. Ч. 2. 466 с

⁴¹⁷ Терешкина Д. Б. «И вот бледнеющий над святцами Шишков»: из комментария к эпиграмме Д. Н. Блудова // Литературное общество «Арзамас»: история и современность. Арзамас, Н. Новгород, 2015. С. 149.

Четьи-Минеи целое житие трех святых дев: книги сии редко читаемы бывают, и потому слог их мало известен». Справедливости ради стоит отметить, А. С. Шишков упомянул митрополита Димитрия Ростовского в другом своем сочинении, больше подходящем по тематике и с меньшим полемическим вызовом⁴¹⁸.

В числе других значимых отрывков из христианской литературы, приводимых А. С. Шишковым в своих сочинениях, стоит указать строки из 29 главы «Книги Иова» об обязанностях монарха: «Слышавшии блажиша мя, спасохъ бо убогаго отъ руки сильнаго, и сиротѣ, емуже не бѣ помощника, помогохъ: благословеніе погибающаго на мя да приидеть, уста же вдовича благословиша мя. Око бѣхъ слѣпымъ, нога же хромымъ, азъ быхъ отецъ немощнымъ. Избрахъ путь ихъ, и сѣдѣхъ Князь, и веселяхся якоже Царь посреде храбрыхъ, утѣшая печальныхъ. (Иова гл. 29)»⁴¹⁹. Восхищение адмирала данным отрывком позволяет говорить о том, что А. С. Шишков понимал тогда свою деятельность в идеологическом ключе, интересуясь не только языковыми особенностями духовных произведений, но и нравами и политическими порядками древности.

Наряду с православной богослужебной литературой А. С. Шишков был знаком с древнерусской книжностью других жанров: «Русской Правдой», «Поучением» Владимира Мономаха, «Словом о полку Игореве», «Повестью о Бове Королевиче», а также произведениями, вошедшими в «Древнюю российскую вивлиофику» Н. И. Новикова. Вкупе с летописями («Несторовой, Никоновой, Сильвестровой») ⁴²⁰ они составляли корпус источников, которыми пользовался

А. С. Шишков, и показывают его исключительную начитанность. С. Т. Аксаков отмечал у адмирала наличие толстой книги, в которую он выписывал «слова малоизвестные и вышедшие из употребления, попадавшие ему в книгах

⁴¹⁸ Шишков А. С. Рассуждение о красноречии Священного Писания... // Шишков А. С. Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1825. Ч. 4. С. 54.

⁴¹⁹ Шишков А. С. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка // Шишков А. С. Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1824. Ч. 2. С. 86.

⁴²⁰ Шишков А. С. Рассуждение о красноречии Священного Писания... // Шишков А. С. Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1825. Ч. 4. С. 95.

священного писания, вообще в книгах духовного содержания, в летописях и рукописях»⁴²¹.

Еще одним источником формирования образа литератора для А. С. Шишкова мог стать Боян, упоминавшийся наряду с Нестором в «Рассуждении о старом и новом слоге российского языка» и «Преложении Игоревой песни». В народном сказителе, который не оставил после себя никаких произведений, но ввиду таланта заслужил быть упомянутым в «Слове о полку Игореве», А. С. Шишкову виделись доказательства былого величия русской литературы. Так, в обширном комментарии, оставленном адмиралом на «Слово о полку Игореве», А. С. Шишков поместил упоминание о Бояне в качестве отдельного аргумента в списке доказательств процветания в древности «славянорусского языка»: «Язык наш процветал издревле... Сие можем мы ясно видеть, во-первых, из красоты и силы переводов... Во-вторых, из старинных русских песен, пословиц и сказок...; в-третьих, из сего о полку Игоревом слова, которого сочинитель, хотя и сам обилен мыслями, силен выражениями, однако ж с особливим благоговением, уничижая себя перед великим, упоминает о некоем древнем певце или стихотворце Бояне»⁴²². Тот же перечень героев (Нестор и Боян), в подлинности которых А. С. Шишков несколько не сомневался, предстает и в «Разговоре о словесности между двумя лицами Аз и Буки» при описании языковой ситуации Древней Руси.

Исследователи отмечали, что понимание А. С. Шишковым образа древнерусского литератора (летописца / сказителя) было несколько романтизировано, что дало повод к отнесению суждений адмирала о роли народной культуры и древнерусской книжности к предромантизму⁴²³. Такое восприятие находилось в рамках общеевропейской тенденции «раскрытия» национального прошлого, результатом которого стал интерес к северным сагам.

---

⁴²¹ Аксаков С. Т. Воспоминание о Александре Семеновиче Шишкове // Аксаков С. Т. Полн. собр. соч. : в 6 т. СПб., 1886. Т.3. С. 185.

⁴²² Шишков А. С. Слово о походе Игоря, сына Святослава, внука Игоря // Шишков А. С. Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1826. Ч. 7. С. 36–37.

⁴²³ Альтшуллер М. Г. Беседа любителей русского слова : у истоков русского славянофильства. М., 2007. С. 272–290.

Появившиеся в 1760-х гг. «Поэмы Оссиана» Дж. Макферсона, оказали, несмотря на свою вымышленность, большое влияние на русскую литературу⁴²⁴. В России их популярность не затухала вплоть до середины XIX в., когда был установлен подлог, однако и после этого эстетика Дж. Макферсона продолжала вызывать интерес. Среди переводчиков, комментаторов песен Оссиана и его подражателей – Г. Р. Державин, Н. М. Карамзин, В. А. Жуковский и др.

А. С. Шишков не остался в стороне: на основе архивных материалов установлено, что он посвятил часть своих литературных занятий сличению перевода Н. М. Карамзина (1791) и Е. И. Кострова (1792)⁴²⁵. В «Преложении Игорева песни» А. С. Шишкова без труда находятся «оссиановские» мотивы в описании природных явлений. Использование параллелей с произведениями северного барда было небезосновательным: Д. М. Шарыпкин установил близость образов Бояна и скандинавских скальдов в литературе начала XIX в.⁴²⁶.

Иными словами, образ литератора, сложившийся у А. С. Шишкова, основывался на христианских нравственных идеях, заложенных в древнерусской книжности, и современных ему национальных литературных тенденциях и изысканиях. Интерес к «северным» героям шотландского автора вызвал к жизни интерес к русской старине, идеализация которой пробуждала национальное самосознание. В конечном итоге стянутые в орбиту выстраиваемой писательской стратегии образы древнерусской книжности, русского и европейского эпоса сформировали такой жанр мемуарного творчества А. С. Шишкова, который напоминал летописи.

Еще А. Г. Тартаковский в работе «Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в. От рукописи к книге» отмечал схожесть записок адмирала с летописями. Однако автор не раскрыл в достаточной мере этот вопрос, ссылаясь, возможно, на общее стилистическое ощущение сходства, складывающееся в процессе чтения записок А. С. Шишкова, в особенности эпизодов его жизни,

---

⁴²⁴ Левин Ю. Д. Оссиан в русской литературе конец (конец XVIII – первая треть XIX века). Л., 1980. 202 с.

⁴²⁵ Левин Ю. Д. Оссиан в русской литературе конец (конец XVIII – первая треть XIX века). Л., 1980. С. 29.

⁴²⁶ Шарыпкин Д. М. Боян в «Слове о полку Игореве» и поэзия скальдов // Труды Отдела древнерусской литературы. 1976. Т. 1. С. 14–22.

связанных с Отечественной войной. Сходство записок А. С. Шишкова военного времени с летописными источниками подтверждается рядом фактом.

В годы войны, несмотря на то, что А. С. Шишков вел обширную переписку, сочинял манифесты и воззвания, в общем, исправно нес должность государственного секретаря с 1812 по 1814 г., адмирал посвящал много времени собственным литературным занятиям. Обилие фактического материала, с которым имел дело автор, требовало систематической работы и упорядочения, что, в конечном итоге, вылилось в хронологический порядок «погодных записей». А. С. Шишков скрупулезно записывал все, чему был очевидцем, вел путевые заметки, впоследствии их дорабатывал, включал в более обширные произведения. Возможно, такая привычка досталась ему в наследство от увлечения масонством, воспринимавшим практику ведения дневников как способ самосовершенствования⁴²⁷.

Интересно, что наряду с фактами исторической важности А. С. Шишков поместил бытовые зарисовки. Например, вместе с описаниями крупнейших сражений Отечественной войны можно найти сюжет о том, как А. С. Шишкову хотелось поесть вишню⁴²⁸.

Для понимания этого сюжета, присутствующего в мемуарах адмирала, необходимо обратиться к дискуссиям о древнерусском летописании в современной историографии. Д. С. Лихачев отмечал особенность летописца в работе с фактическим материалом: «Летописец как бы уравнивает все события, не видит особого различия между крупными и мелкими историческими событиями. Он равнодушен к добру и злу, но он смотрит на все происходящее со своей высокой, нивелирующей все точки зрения»⁴²⁹.

Однако, как было показано И. Н. Данилевским, «равнодушие» летописца — лишь первое впечатление. Представляя собой сложный интеллектуальный труд, летописи составлялись монахами, чьи представления о смысле и назначении собственного труда формировались в равной степени как под влиянием

---

⁴²⁷ Зорин А. Поход в бордель в Москве в январе 1800 (Шиллер, гонорей и первородный грех в эмоциональном мире русского дворянина) // Новое литературное обозрение. 2008. № 92. С. 142–157.

⁴²⁸ Шишков А. С. Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова : в 2 т. Берлин, 1870. Т. 1. С. 211–212.

⁴²⁹ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979. С. 258.

библейского текста и его авторитетных христианских авторов, так и эсхатологических ожиданий современной им эпохи⁴³⁰.

На наш взгляд, в том же случае с вишней можно обнаружить вполне отвечающее требованиям А. С. Шишкова противопоставление «православной» (истинной, спасаемой) цивилизации и «европейской» (антихристианской, гибнущей) – даже в своих повседневных заботах и желаниях русский человек нравственен и скромн, а европеец – жаден и развращен: «На другой день проснулся поутру и пошел взглянуть на прекрасное дерево, но как удивился, увидя, что не только не на нем ни одной ягодки, но и сучья все переломаны... проходившие и ночевавшие здесь австрийские солдаты рано поутру напали на него смелее, чем на неприятеля и так его изуродовали»⁴³¹.

Безусловно, А. С. Шишков был далек от понимания труда летописца в современной трактовке. По замечанию И. Н. Данилевского, «первые поколения русских летописцев мало были похожи на образы, сложившиеся в представлении читателей летописей в XIX–XX веках»⁴³². Так, целевая установка А. С. Шишкова при составлении записок заключалась не просто в создании автобиографической справки, помещенной в исторический контекст большой истории. Адмирал пытался прояснить роль божественного промысла в происшедших катастрофических событиях и передать полученные уроки потомкам: он не раз подчеркивал, что именно божественная рука вела русское войско.

В свое время, оценивая эсхатологический контекст труда летописца, В. О. Ключевский характеризовал его как обращенный к «конечным причинам существующего и бывающего»⁴³³. Не случайно в описаниях адмирала присутствуют знамения, которые он наблюдал и пытался толковать, выступая в роли пророка. Так, увидев в небе во время заграничного похода два облака, похожих на рака и дракона, А. С. Шишков писал: «Они сближались одно с другим, и когда голова дракона сошлась с клешнями рака, то она стала бледнеть,

⁴³⁰ Данилевский И. Н. Повесть временных лет: герменевтические основы источниковедения летописных текстов. М., 2004. С. 246–254.

⁴³¹ Шишков А. С. Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова : в 2 т. Берлин, 1870. Т. 1. С. 212.

⁴³² Данилевский И. Н. Повесть временных лет: герменевтические основы источниковедения летописных текстов. М., 2004. С. 252.

⁴³³ Ключевский В. О. О русской истории. М., 1993. С. 24–25.

распускаться, и облако потеряло прежний свой вид. Казалось рак победил дракона, и не прежде, как минут через пять, и сам разрушился. Сидя один в коляске, долго размышлял я: кто в эту войну будет рак, и кто – дракон? Напоследок пришло мне в голову, что рак означает Россию, поелику оба сии слова начинаются с буквы р, и эта мысль утешала меня во всю дорогу»⁴³⁴.

И. В. Меркулов, анализируя способы отражения реальности в сочинении адмирала «Разбитие русского военного корабля у берегов Швеции в 1771 году (Отрывок из жизни N...)», опубликованном в 1821–1822 гг., сделал еще несколько важных замечаний об особенностях литературной работы А. С. Шишкова. Исследователь отметил, что адмирал не преследовал цели документального воспроизведения событий: он скрыл имена и название корабля, несколько преувеличил свою роль в спасении корабля и экипажа, возможно, добавил / приукрасил любовную фабулу. Задачи адмирала, таким образом, заключались не только в развлечении читателей, важным оказывался поучительный контекст: в сочинении культивировались забота о ближних, сострадание и самопожертвование.

При разборе критики на «Разбитие военного корабля...» И.В. Меркулов привел еще одно существенное для настоящего исследования замечание. Оппонент А. С. Шишкова В. М. Головнин, занимавший пост помощника директора Морского кадетского корпуса, достаточно резко отозвался об эпизоде, описывающем совет членов экипажа по поводу мер спасения корабля, на который были приглашены старые матросы: «Самый призыв матросов на совет унижает не только офицеров, но и самую службу. Такого рода “мирские сходки” могут быть терпимы только на купеческих судах»⁴³⁵.

А. С. Шишков в свойственной ему манере обстоятельного рассуждения откликнулся на критику. По его мнению, в призывании на офицерский совет матросов не было ничего зазорного: во-первых, в опасной ситуации, грозившей гибелью всему экипажу, было логично спросить мнение всех служащих; во-

⁴³⁴ Шишков А. С. Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова : в 2 т. Берлин, 1870. Т. 1. С. 142.

⁴³⁵ Головнин В. М. Описание примечательных кораблекрушений, претерпенных русскими мореплавателями // Головнин В. М. Сочинения. М., 1949. С. 501–502.

вторых, опытные пожилые матросы могли научить молодых офицеров, как справиться с бедствиями⁴³⁶. В целом в описании взаимоотношений офицеров-дворян и матросов-простолюдинов в «Разбитии военного корабля...» нам видится художественное воспроизводство идеи национального единства, развиваемой в рамках консервативного направления мысли.

В итоге через использование писательской стратегии «летописца» А. С. Шишков не только объединял литературные традиции старой и новой России, но и учил потомков на собственном примере. Однако адмирал не предстает писателем для одного Читателя – летописцем, подготавливающим своеобразный отчет для Страшного суда о произошедшем в миру⁴³⁷. Напротив, А. С. Шишков видел свою задачу как литератора в том, чтобы сохранить и транслировать будущим поколениям моменты «наивысшего единения русского народа», проявлений «духа народной гордости», который помог выстоять в борьбе с антихристом – революционной Францией и «духом времени». В этом смысле его литературным воплощением можно назвать пушкинского Пимена, который так определял назначение труда летописца: «Да ведают потомки православных Земли родной минувшую судьбу». Не зря, говоря о летописях, А. С. Шишков использовал их, во-первых, как пример величественного древнего слога, а во-вторых, как энциклопедию занимательных фактов с дидактическим подтекстом.

Таким образом, писательская стратегия летописца наиболее адекватно решала, с точки зрения А. С. Шишкова, задачу описания катастрофических событий вселенского масштаба, воссоздавая язык «утраченной старины» и изобретая традицию национального единения.

Органично с «изобретенной» стратегией литературного творчества сочетался концепт старца. А. С. Шишков писал о связи процесса воспитания с образом эпического героя: «чтение старинных книг есть то же для меня, что

---

⁴³⁶ Шишков А. С. Разбитие русского военного корабля у берегов Швеции в 1771 году // Шишков А. С. Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1828. Ч. 12. С. 342–345.

⁴³⁷ Данилевский И. Н. Повесть временных лет: герменевтические основы источниковедения летописных текстов. М., 2004. С. 258–265

поучительная беседа с умахенным сединою славным воином. Тело его слабо, но душа его сильна. Он не стана своего сановитостью, не красивым и легким в деснице своей обращением оружия, научит владеть меня мечом; но достойными внимания рассказами о храбрых воинских делах и подвигах воспламенит мое сердце и вложит в грудь мою дух честолюбия, дух мужества»⁴³⁸.

Следовательно, наряду с моделью поведения «старца» писательская стратегия «летописца» составляла социально организационную часть консервативной утопии А. С. Шишкова. Содержание концептов наполнялось традиционными представлениями о месте и роли литератора в русской культуре с учетом современных национальных тенденций и становилось одним из ответов на вызовы окружающей действительности.

В условиях актуализации эсхатологических представлений поведенческие стратегии А. С. Шишкова демонстрировали яркий пример адаптации традиционных ценностей к новым условиям и попытку преодолеть ситуацию раскола мировоззрения европеизированного интеллектуала и крестьянского мира, уже в начале XIX в. частью российской политической элиты осознаваемую как проблему.

Обнаруженные поведенческие типы ярко демонстрируют мысль Я. Г. Шемякина о роли индивидуального начала («несводимого остатка»⁴³⁹) в динамике имперской культуры как фактора, определившего ее многообразие, поскольку сфера личного, бытового представляла собой то «пространство свободы», в котором органично сосуществовали и перерабатывались элементы заимствованные и архаичные, обеспечивая сочетание, казалось бы, несочетаемых идей и поведенческих сценариев.

Рассмотренные с таких теоретических позиций модели самопрезентации А. С. Шишкова уже не кажутся наивными и вырванными из контекста эпохи. Напротив, при их пристальном рассмотрении можно увидеть, как русский

---

⁴³⁸ Шишков А. С. Примечание на критику, изданную в Московском Меркурии... // Шишков А. С. Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1824. Ч. 2. С. 422.

⁴³⁹ Шемякин Я. Г. Субэкумены и «пограничные» цивилизации в сравнительно-исторической перспективе: о характере соотношения Языка, Текста и Шрифта // Общественные науки и современность. 2014. № 2. С. 117–118.

дворянин последней трети XVIII – первой трети XIX в. пытался решить актуальные проблемы эпохи.

Заключение

Обращение историков к феномену империи и культурным текстам, которые она создавала, принесло немало интересных наблюдений, раскрывающих возможности функционирования этой многоплановой и гетерогенной формы общественной жизни. В теоретическом плане выделение различия как ключевой характеристики имперской государственности позволило исследователям определить механизм того, как порой несочетаемые элементы культурной жизни создавали непротиворечивые концепции, способные на воспроизводство и, более того, могущие формировать поведенческие сценарии определенных социальных групп.

С этой точки зрения консервативная утопия А. С. Шишкова представляет собой еще один интересный пример «языка самоописания империи», при более пристальном рассмотрении которого обнаруживается, что его «алфавитом» являлись православные ценности и категории. В ходе анализа их роли в становлении мировоззрения русского дворянина, жившего на рубеже XVIII–XIX вв., был получен ответ на вопросы о механизмах сохранения, актуализации и трансляции конфессиональных ценностей в российском дворянстве, без решения которых нельзя с большой долей уверенности говорить о преемственности культур допетровской и имперской России.

Ключом к расшифровке символического языка консервативной утопии А. С. Шишкова стал его резкий поворот к конфессиональным ценностям, случившийся в начале XIX в. и рассмотренный в исследовании как момент сигнификации, который позволил не только определить фактические обстоятельства складывания концепции, но и выявить ее скрытые религиозные смыслы.

В исследовании были выявлены факторы архаизации мировоззрения русского дворянина последней трети XVIII – первой трети XIX в. Его обращение к традиционной религиозности предопределили внутриличностный конфликт между категориями «порядка» и «полезности», который стал возможен в новых

политических условиях, Великая французская революция, казнь монарха, вынудившие А. С. Шишкова переоценить идеи Просвещения, повлекшее интерес к религии увлечение масонством.

Было установлено, что резкая смена политики, личная отчужденность А. С. Шишкова от двора в эпоху Александра I запустили эсхатологический сценарий мировосприятия, согласно которому зло (Антихрист) проникло в православное государство и развращает его подданных. При этом поиски «врага» не были направлены вовнутрь Российской империи: причиной всех бед была названа революционная Франция, совершившая акт отречения от божественной благодати – казнь монарха.

Процесс демонизации Франции ярко продемонстрировал противоречивую ситуацию, когда европеизированный дворянин, выросший на увлечении французской философией и масонством и признававший их заслуги в области развития моральных качеств человека и его интеллекта, вынужден был подвергнуть свои взгляды пересмотру и адаптировать их к изменившимся условиям внешней среды. Результатом этих процессов стало органичное сплетение в консервативной утопии А. С. Шишкова как успехов интеллектуальной мысли Европы, так и призывов отказа от ее влияния, базировавшихся на фундаменте религиозных ценностей. В этом смысле можно провести параллели между адаптированной системой православных символов А. С. Шишкова и учением христианских схоластов, использовавших философию и логику в качестве доказательства истинности вероучения.

Обнаруженные в консервативной утопии А. С. Шишкова православные символы не только маркировали границы «своего» и «чужого» пространства, но также были использованы как инструмент сближения крестьянского и дворянского сословий. Культурный барьер, сложившийся к тому времени между указанными группами, А. С. Шишков предлагал преодолеть с помощью искусственного воссоздания традиции на основе языка, который, в свою очередь, необходимо было очистить от излишних заимствований. Язык стал тем элементом

культуры, в котором А. С. Шишкову виделась стабильность и преемственность в противовес неустойчивому революционному миру.

При этом язык был определен А. С. Шишковым в его историко-культурной концепции как маркер цивилизационной принадлежности наряду с текстами и шрифтом, которые в совокупности четко определяли единый культурный текст «русскости».

Сочетание «языка» – «текста» – «шрифта» в создаваемой А. С. Шишковым концепции исторического прошлого России и ее имперского настоящего, с одной стороны, придавало устойчивость постулатам раннего русского консерватизма и обеспечивало их вхождение в состав идеологических проектов эпохи, с другой – делало консерватизм заведомо уязвимым перед «вызовами времени». Стремление на государственном уровне ограничить языковой и текстуальный мир динамично развивающейся культуры XIX в. порождало естественное желание избавиться от навязываемого диктата, что выразилось, помимо прочего, в быстром развитии литературного языка, возникновении профессиональной литературной критики и формировании общественных сил, видящих свою задачу уже не в сохранении «православного культурного комплекса», а в его разрушении (споры «славянофилов» и «западников», интерес части русского дворянства к католицизму, складывание революционно-демократического движения и т.д.).

Необходимо подчеркнуть, что создаваемая традиция в понимании А. С. Шишкова включала не только идеи официальной церкви, но и черты народной религиозности, которая наряду с конфессиональным чтением выступила одним из каналов сохранения традиционных представлений в мировоззрении русского дворянина. При этом точки соприкосновения с народной религиозной традицией устанавливаются достаточно легко, тогда как механизмы взаимодействия с ней модернизирующегося сознания и дальнейшей трансляции требуют дополнительного изучения.

Иной ракурс символической значимости христианских образов в консервативной утопии А. С. Шишкова представляли модель публичного поведения старца и писательская стратегия летописца. Направленные на создание

определенной репутации и базировавшиеся на традиционных представлениях о роли литератора / учителя / проповедника, эти образы стали важным элементом пропаганды традиционных ценностей. При этом попытки А. С. Шишкова зафиксировать происходящие эпохальные события можно расценивать как вариант создания своего рода «имперского летописания», которое было призвано воплотить в историко-литературной форме допетровской Руси размышления дворянина об истории и роли в ней божественного начала.

Не менее существенен и тот факт, что своей критикой существующего положения дел и возвеличиванием православных ценностей А. С. Шишков заслужил доверие монархов: его теоретические взгляды стали основанием к практической деятельности на посту министра просвещения, когда он изложил план мероприятий, принятых к реализации. Насколько они соответствовали реалиям жизни – ответили современники А. С. Шишкова, называвшие его «старовером».

Проведенное исследование религиозных оснований консервативной утопии А. С. Шишкова показало, что, восстанавливая с помощью традиции пошатнувшееся личное и общественное равновесие, адмирал решал задачу спасения в условиях кризиса мировоззренческих основ. Сконструированный им продукт отразил дуализм мировоззрения русского дворянина: поиски идеального состояния общества, несомненно, находились в рамках социокультурного опыта сословия; вместе с тем нацеленность консервативной утопии на внеисторическое существование обнаружило значимость для него христианского понимания исторического процесса.

В целом, оценивая вклад А. С. Шишкова в формирование консервативной мысли в России, стоит отметить, что взятые в совокупности средства и инструменты консервативной утопии создавали образ желаемого идеального мироустройства русского дворянства определенного круга: патриархальные ценности семьи, воспроизведенные на политическом уровне, четкое распределение прав и обязанностей сословий, связь с предками и приверженность к православной религии должны были, по мнению адмирала, обеспечить

процветание Российскому государству в будущем. С этой точки зрения вопрос о социальной базе раннего русского консерватизма и роли религиозного фактора в становлении мировоззрения его представителей требует дальнейшего изучения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ*Источники**Законодательные источники*

1. Высочайше утвержденный Устав о Цензуре, 10 июня // Полное собрание законов Российской империи : Собрание второе. – СПб., 1830. – Т. 1 : С 12 декабря 1825 по 1827. – № 403. – С. 550–571.

2. О воспитании обоего пола юношества : Высочайше утвержденный доклад Академии Художеств Главного Директора Генерал-Поручика Бецкого // Полное собрание законов Российской империи : Собрание первое : С 1649 по 12 декабря 1825 года. – СПб., 1830. – Т. 16 : С 28 июня 1762 по 1765. – № 12.103. – С. 668–671.

Делопроизводственные документы

3. Духовные завещания Шишкова А. С., письмо его к Александру I и переписка с разными лицами по поводу завещания (черновики, написанные Сербиновичем К. С.). 5 янв. 1832 г. – сент. 1840 г. // РГИА. – Ф. 1673. – Оп. 1. – Д. 5. – Л. 11.

4. Записка Шишкова А. С. о его службе с 1767–1828 гг., составленная по случаю его представления к «Знаку отличия беспорочной службы» (копия), март 1828 // РГИА. – Ф. 1673. – Оп. 1. – № 2. – Л. 2.

5. Записка Шишкова А. С. о несправедливом отобрании в казну части его земель в Тверской губернии по решению Межевой канцелярии 1824 // РГИА. – Ф. 1673. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 6.

6. Прошение адмирала Шишкова А. С. в Капитул императорских и царских орденов о выплате денег (со сведениями о жаловании Шишкову по разным должностям) от 5 мая 1827 // РГИА. – Ф. 1673. – Оп. 1. – № 3. – Л. 3.

7. Род Шишковых // Родословная книга князей и дворян российских (бархатная книга), а также Гербовники Всероссийского и Польского дворянства : с указателями [Электронный ресурс] / сост. В. Дурасов ; Государственная публичная историческая библиотека. – М., 2004. – С. 149–156. – Электрон. версия печат. публ. – URL: <http://eknigi.org/istorija/58929-rodoslovnaya-kniga-knyazej-i-dvoryan-rossijskix.html> (дата обращения: 07.01.2016).

Источники личного происхождения

8. Военные действия российского флота против шведского в 1788, 89 и 90 годах, почерпнутые из дневных записок и донесений Главного начальствовавшего над оным адмирала Чичагова / издал с примечаниями своими А. Ш. – СПб. : Тип. Императорской Российской Академии, 1826. – 294 с.

9. Давыдов Г. И. Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, писанном сим последним / Г. И. Давыдов ; предуведом. А. С. Шишкова. – СПб. : Морская типография, 1810. – Ч. 1. – 287 с.

10. Шишков А. С. Записки адмирала А. С. Шишкова, веденные им во время путеполавания его из Кронштадта в Константинополь / А. С. Шишков. – СПб. : Тип. Императорской Российской Академии, 1834. – 117 с.

11. Шишков А. С. Записки адмирала Александра Семеновича Шишкова / А. С. Шишков // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете. – М. : Издание Императорского Общества Истории и Древностей Российских при Московском Университете, 1869. – 142 с.

12. Шишков А. С. Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова : в 2 т. / А. С. Шишков ; издание Н. Киселева и Ю. Самарина. – Берлин : Тип. И. С. Скрейшовского, 1870. – Т. 1. – 479 с.

13. Шишков А. С. Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова : в 2 т. / А. С. Шишков ; издание Н. Киселева и Ю. Самарина. – Берлин : Тип. И. С. Скрейшовского, 1870. – Т. 2. – 464 с.

14. Шишков А. С. Краткие записки адмирала А. Шишкова, веденные им во время пребывания его при блаженной памяти Государе Императоре Александре Первом в бывшую с Французами в 1812 и последующих годах войну / А. С. Шишков. – СПб. : Тип. Императорской Российской Академии, 1831. – 300 с.

15. Шишков А. С. Последние мои всеподданейшие просьбы (черновик обращения его к Николаю I) [Б. д.] // РО ИРЛИ РАН. – Ф. 636 : Архив Шишкова А. С. (Собрание Дашкова П. Я.). – Оп. 2. – № 3.

16. Евгений, епископ Курский и Белогородский. Письмо Шишкову, Александру Семеновичу от 20 февр. 1820 г. / Евгений, еп. Курский и Белогородский // РО ИРЛИ РАН. – Ф. 636 : Архив Шишкова А. С. (Собрание Дашкова П. Я.). – Оп. 3. – № 8. – Л. 2.

17. Из семейной переписки А. С. Шишкова / вступ. ст. и публ. К. Г. Боленко, Е. Э. Лямина // Пушкин и его современники. – СПб., 2005. – Вып. 4 (43). – С. 63–163.

18. Письмо Аксакова Сергея Тимофеевича к Шишкову А. С. от 12 авг. 1827 // РГИА. – Ф. 1673. – Оп. 1. – № 122. – Л. 2.

19. Приложение (извлечения из архивов) [письма А. С. Шишкова, А. А. Шишкова, А. П. Ермолова, И. А. Вельяминова, А. Х. Бенкендорфа и других по поводу ссылки А. А. Шишкова на Кавказ и в связи с делом декабристов] // Шадури В. Друг Пушкина А. А. Шишков и его роман о Грузии. – Тбилиси, 1951. – С. 327–383.

20. Собственноручное письмо А. С. Шишкова – митрополиту Серафиму о молитвах, переложенных на простонародное наречие, 21 ноября 1824 г. // Русская старина. – 1900. – Т. CIV, вып. 12. – С. 610.

21. Шишков А. С. Письма А. С. Шишкова к жене (1797–1798 гг.). Ч. 1 / А. С. Шишков ; публ. Л. Н. Киселевой // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение : новая серия. – Тарту, 1994. – Вып. 1. – С. 215–241.

22. Шишков А. С. Письма А. С. Шишкова к жене (1797–1798 гг.). Ч. 2 / А. С. Шишков ; публ. Л. Н. Киселевой // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. Новая серия. – Тарту, 1996. – Вып. 2. – С. 258–297.

23. Шишков А. С. Письмо его к Дм-ю Алекс-чу [Б. д.] // РО ИРЛИ РАН. – Ф. 636 : Архив Шишкова А. С. (Собрание Дашкова П. Я.). – Оп. 3. – № 1. – Л. 1.
24. Аксаков С. Т. Воспоминание о Александре Семеновиче Шишкове / С. Т. Аксаков // Аксаков С. Т. Полное собрание сочинений : в 6 т.. – СПб., 1886. – Т. 3. – С. 172–219.
25. Булгарин Ф. Докладные записки и письма в III отделение / Ф. Булгарин ; публ. А. Рейтבלата // Вопросы литературы. – 1990. – № 3. – С. 102–114.
26. Вигель Ф. Ф. Записки / Ф. Ф. Вигель. – М. : Захаров, 2000. – 590 с.
27. Вяземский П. А. Старая записная книжка / П. А. Вяземский. – М. : Захаров, 2000. – 364 с.
28. Глинка С. Н. Записки Сергея Николаевича Глинки / С. Н. Глинка. – СПб. : Издание журнала редакции «Русская старина», 1895. – 380 с.
29. Гончаров И. А. Слуги старого века / И. А. Гончаров // Гончаров И. А. Собрание сочинений : в 8 т. – М. : Художественная литература, 1980. – Т. 7. – С. 125–192.
30. Греч Н. И. Записки о моей жизни / Н. И. Греч. – М. : Книга, 1990. – 396 с.
31. Державин Г. Р. Записки 1743–1812 / Г. Р. Державин. – М. : Мысль, 2000. – 334 с.
32. Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь : в 3 ч. / И. И. Дмитриев. – М. : Тип. В. Готье, 1866. – 311 с.
33. Дмитриев М. А. Московские элегии : стихотворения. Мелочи из запаса моей памяти / М. А. Дмитриев ; сост., предисл. и примеч. В. Б. Муравьева. – М. : Моск. рабочий, 1985. – 317 с.
34. Евстратов А. Г. Публицистический аспект комедиографии Екатерины II : из комментария к пьесе «О время!» (1772) / А. Г. Евстратов // Вестн. РГГУ. – 2008. – № 11. – С. 212–218.
35. Ешевский С. В. Московские масоны восьмидесятых годов прошлого столетия (1780–1789) / С. В. Ешевский // Сочинения С. В. Ешевского : в 3 ч. – М., 1870. – Ч. 3. – С. 443–568.

36. Жихарев С. П. Записки современника / С. П. Жихарев. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1955. – 834 с.
37. Записка о масонстве И. П. Елагина // Русский архив. – 1864. – Вып. 1. – Стб. 93–110.
38. Из воспоминаний Э. М. Арндта о 1812 г. // Русский архив. – 1871. – № 2. – Стб. 76–120.
39. Казначеев А. Выписка из моих воспоминаний // Русский архив. – 1871. – № 1. – Стб. 183–186.
40. О жизни и трудах иеромонаха Аникиты, в мире князя С.А. Ширинского-Шихматова. – СПб., 1853. – 69 с.
41. Панаев В. И. Воспоминания / В. И. Панаев // Русская старина. – 1892. – Т. 76, № 11. – С. 275–293 ; №12. – С. 469–496; 1893. – Т. 77, № 2. – С. 299–312 ; Т. 78, № 5. – С. 323–344.
42. Пржецлавский О. А. Воспоминания / О. А. Пржецлавский // Русская старина. – 1874. – Т. 11, № 11. – С. 451–474 ; № 12. – С. 665–688 ; 1875. – Т. 13, № 7. – С. 383–402.
43. Рунич Д. П. Сто лет тому назад : (из записок Д. П. Рунича) / Д. П. Рунич // Русская старина. – 1896. – Т. 88, № 11. – С. 281–319 ; Т. 105, № 1. – С. 47–77 ; № 2. – С. 325–357 ; № 3. – С. 597–633; Т. 106, № 4. – С. 153–168 ; № 5. – С. 373–394.
44. Свербеев Д. Н. Первая и последняя моя встреча с А. С. Шишковым : (из записок Д. Н. Свербеева) / Д. Н. Свербеев // Русский архив. – 1871. – Т. LXXXVIII, Вып. 9. – Стб. 162–182.
45. Стурдза А. С. «Беседа любителей русского слова» и «Арзамас» в царствование Александра I и мои воспоминания / А. С. Стурдза // Москвитянин. – 1851. – Ч. 6, № 21. – С. 3–22.
46. Тимковский И. Ф. Мое определение в службу : сказание в трех частях : (писано в 1850 г.) / И. Ф. Тимковский // Русский архив. – 1874. – Кн. 1, вып. 6. – Стб. 1377–1466.
47. Хвостов Д. И. Записки о словесности / Д. И. Хвостов // Литературный архив. – М. ; Л., 1938. – Вып. 1. – С. 364–401.

48. Штейн К. Ф. Х. фон. Барон Штейн о России / К. Ф. Х. фон Штейн // Русский архив. – 1872. – № 2. – Стб. 126–128.

49. Arndt E. M. Erinnerungen aus dem äußeren Leben / E. M. Arndt. – Leipzig : Weidmann, 1840. – 381 S.

50. Arndt E. M. Meine Wanderungen und Wandelungen mit dem Reichsfreiherrn Heinrich Karl Friedrich von Stein / E. M. Arndt. – Berlin : Weidmann, 1858. – 316 S.

Публицистика

51. Вечеринка романтиков – Возложение венца на Ронсаров бюст / [пер. с фр. А. С. Шишков] // Краткие записки, содержащие в себе разные примечания и суждения о языке и словесности. – СПб., 1834. – Кн. 1. – С. 57–90.

52. Два письма о романтической словесности / [пер. с фр. А. С. Шишков] // Краткие записки, содержащие в себе разные примечания и суждения о языке и словесности. – СПб., 1834. – Кн. 1. – С. 1–56.

53. Речь Министра народного просвещения по случаю собрания членов Главного правления училищ к предварительному совещанию под делам Министерства. 11 сентября // Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. – СПб., 1866. – Т. 1 : 1802 – 1834. – С. 527–530.

54. Шишков А. С. Заметки его о русском языке [Б. д.] // РО ИРЛИ РАН. Ф. 636 : Архив Шишкова А. С. (Собрание Дашкова П. Я.). – Оп. 3. – № 4. – Л. 4.

55. Шишков А. С. Пометы его на «Северной пчеле» на № 130м от 13 июня 1831 г. // РО ИРЛИ РАН. – Ф. 636 : Архив Шишкова А. С. (Собрание Дашкова П. Я.). –

Оп. 3. – № 3. – Л. 2.

56. Шишков А. С. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка / А. С. Шишков. – М. : Либроком, 2011. – 376 с.

57. Берк Э. Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию / Э. Берк ; предисл. К. О'Брайена; пер. с англ. Е. И. Гельфанд. – М. : Рудомино, 1993. – 144 с.

58. Вольтер. Философские сочинения / Вольтер ; отв. ред., сост. и авт. вступ. ст. В. Н. Кузнецов. – М. : Наука, 1988. – 750 с.

59. Гоббс Т. Левиафан / Т. Гоббс. – М. : Мысль, 2001. – 478 с.

60. Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России / Н. М. Карамзин. – СПб., 1914. – 133 с.

61. Ломоносов М. В. Предисловие о пользе книг церковных в российском языке / М. В. Ломоносов // О воспитании и образовании / сост. Т. С. Буторина. – М., 1991. – С. 73–75.

62. Пушкин А. С. История русского народа, сочинение Николая Полевого / А. С. Пушкин // Пушкин А. С. Собрание сочинений : в 6 т.. – М., 1962. – Т. 6 : Критика и публицистика. – С. 34–40.

63. Радищев А. Н. Беседа о том, что есть сын Отечества / А. Н. Радищев // Радищев А. Н. Избранные философские и общественно-политические произведения. – М., 1952. – С. 278–286.

64. Станевич Е. И. Беседа на гробе младенца о Бессмертии души, тогда токмо утешительном, когда истина оного утверждается на точном учении Веры и церкви / Е. И. Станевич. – СПб. : Тип. Импер. Рос. акад., 1825. – 317 с.

65. Уваров С. С. О преподавании истории, относительно к народному воспитанию / С. С. Уваров. – СПб. : тип. Ф. Дрехслера, 1813. – 28 с.

66. Rousseau J.-J. Lettre Jean-Jacques Rousseau, citoyen de Genève à Christophe de Beaumont, archevêque de Paris, le 18 Novembre 1762 [La ressource électronique] // J.-J. Rousseau. Collection complète des oeuvres. – Genève, 1780–1789. – Vol. 6. – P. 5–119. – URL: <http://www.rousseauonline.ch/Text/volume-6-melanges-tome-premier.php> (la date de l'accès: 05.07.2016).

Художественные произведения

67. Самая первая детская книга. Книга о книге «Детская библиотека» Александра Шишкова / сост. А. С. Русаков. – СПб. : Образовательные проекты; М. : ЛИНКА-ПРЕСС, 2012. – 128 с.

68. [Шишков А. С.] Песня. Старое и новое время, или Кашель, не дающий оканчивать слов : (пер. с фр.) / А. С. Шишков // Беседующий гражданин. – 1789. – Ч. 3, № 11. – С. 297–301.

69. Головнин В. М. Описание примечательных кораблекрушений, претерпенных русскими мореплавателями / В. М. Головнин // Головнин В. М. Сочинения. – М., 1949. – С. 490–502.

70. Краледворская рукопись, собрание древних чешских лирических и эпических песен / пер. Н. Берг. – М. : В тип. Августа Семена, 1846. – 79 с.

71. Руссо Ж.-Ж. Педагогические сочинения : в 2 т. / Ж.-Ж. Руссо ; под ред. [и с вступ. ст.] Г. Н. Джибладзе. – М. : Педагогика, 1981. – Т. 1 [Эмиль, или О воспитании]. – 653 с.

72. Руссо Ж.-Ж. Юлия, или Новая Элоиза / Ж.-Ж. Руссо // Руссо Ж.-Ж. Избранные сочинения : в 3 т. – М., 1961. – Т. 2. – 764 с.

73. Шиллер Ф. Дон-Карлос, инфант Испанский / Ф. Шиллер // Шиллер Ф. Избранные сочинения : в 2 т. – М. : Государственное издательство художественной литературы, 1959. – Т. 1. – С. 349–570.

74. Campe J. H. Kleine Kinderbibliothek / J. H. Campe. – Braunschweig : Schulbuchhandlung, 1794. – Erster Teil. – 340 S.

75. Campe J. H. Kleine Kinderbibliothek / J. H. Campe. – Braunschweig : Schulbuchhandlung, 1794. – Zweiter Teil. – 280 S.

Периодика

76. Собеседник любителей российского слова : содержащий разные сочинения в стихах и в прозе некоторых российских писателей. – СПб. : Издание Императорской Академии наук, 1783–1784.

77. Журнал Министерства народного просвещения. – СПб. : Тип. Императорской Академии наук, 1834–1917.

Научные труды

78. Шишков А. С. Морской словарь, содержащий объяснение всех названий употребляемых в морском искусстве : словарь по кораблестроению / А. С. Шишков. – СПб. : Тип. Императорской Российской Академии, 1832. – 180 с.

79. Шишков А. Трехязычный морской словарь на английском, французском и русском языках : в 3 ч. / А. Шишков. – СПб. : Тип. Морского шляхетного кадетского корпуса, 1795. – 317 с.

80. Ромм Ш. Морское искусство, или Главные начала и правила научающие искусству строения, вооружения, правления и вождения кораблей : в 2 ч. / Ш. Ромм ; пер. с фр. А. С. Шишкова. – [СПб.], 1793–1795.

81. Voltaire. The Philosophical Dictionary [Electronic resource] / Voltaire ; Selected and Translated by H. I. Woolf. – New York : Knopf, 1924. – The electronic version of the printing publication. – URL: <https://history.hanover.edu/texts/voltaire/volindex.html> (access date: 17.07.2016).

82. Полный православный богословский энциклопедический словарь : в 2 т. – СПб. : Изд-во П. П. Сойкина, 1912. – Т. II. – 697 с.

83. Православная энциклопедия : в 35 т. – М. : Правосл. энцикл., 2000–2014. – Т. 1–35.

84. Словарь Академии Российской : в 6 ч. – СПб. : Императорская Академия наук, 1789–1794. – Ч. 1–6.

85. Словарь русского языка XVIII века : в 21 ч. – Л. ; СПб. : Наука, 1984 – 2015. – Ч. 1–21.

86. Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской академией наук : в 4 т. – СПб. : Императорская Академия наук, 1847. – Т. 1–4.

Собрание сочинений А. С. Шишкова

87. Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской Академии Президента и разных ученых обществ Члена : в 17 ч. – СПб. : Тип. Императорской Российской Академии, 1818. – Ч. I. – 403 с.

88. Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской Академии Президента и разных ученых обществ Члена : в 17 ч. – СПб. : Тип. Императорской Российской Академии, 1824. – Ч. II. – 466 с.

89. Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской Академии Президента и разных ученых обществ Члена : в 17 ч. – СПб. : Тип. Императорской Российской Академии, 1824. – Ч. III. – 388 с.

90. Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской Академии Президента и разных ученых обществ Члена : в 17 ч. – СПб. : Тип. Императорской Российской Академии, 1825. – Ч. IV. – 394 с.

91. Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской Академии Президента и разных ученых обществ Члена : в 17 ч. – СПб. : Тип. Императорской Российской Академии, 1825. – Ч. V. – 418 с.

92. Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской Академии Президента и разных ученых обществ Члена : в 17 ч. – СПб. : Тип. Императорской Российской Академии, 1826. – Ч. VI. – 339 с.

93. Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской Академии Президента и разных ученых обществ Члена : в 17 ч. – СПб. : Тип. Императорской Российской Академии, 1826. – Ч. VII. – 385 с.

94. Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской Академии Президента и разных ученых обществ Члена : в 17 ч. – СПб. : Тип. Императорской Российской Академии, 1826. – Ч. VIII. – 289 с.

95. Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской Академии Президента и разных ученых обществ Члена : в 17 ч. – СПб. : Тип. Императорской Российской Академии, 1827. – Ч. IX. – 388 с.

96. Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской Академии Президента и разных ученых обществ Члена : в 17 ч. – СПб. : Тип. Императорской Российской Академии, 1827. – Ч. X. – 344 с.

97. Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской Академии Президента и разных ученых обществ Члена : в 17 ч. – СПб. : Тип. Императорской Российской Академии, 1827. – Ч. XI. – 401 с.

98. Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской Академии Президента и разных ученых обществ Члена : в 17 ч. – СПб. : Тип. Императорской Российской Академии, 1828. – Ч. XII. – 361 с.

99. Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской Академии Президента и разных ученых обществ Члена : в 17 ч. – СПб. : Тип. Императорской Российской Академии, 1829. – Ч. XIII. – 378 с.

100. Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской Академии Президента и разных ученых обществ Члена : в 17 ч. – СПб. : Тип. Императорской Российской Академии, 1831. – Ч. XIV. – 331 с.

101. Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской Академии Президента и разных ученых обществ Члена : в 17 ч. – СПб. : Тип. Императорской Российской Академии, 1832. – Ч. XV. – 390 с.

102. Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской Академии Президента и разных ученых обществ Члена : в 17 ч. – СПб. : Тип. Императорской Российской Академии, 1834. – Ч. XVI. – 352 с.

103. Шишков А. С. Избранные труды / А. С. Шишков ; сост., авт. вступ. ст. и коммент. В. С. Парсамов. – М. : Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 718 с.

Литература

1. 1812 год и мировая литература / отв. ред. В. И. Щербаков. – М. : ИМЛИ РАН, 2013. – 536 с.
2. Абдуллаев Е. «Образуй наш метафизический язык...» : история одного пушкинского термина в контексте литературно-философских дискуссий 1820-х годов / Е. Абдуллаев // Вопросы литературы. – 2014. – № 1. – С. 144–164.
3. Аверьянов В. В. Традиция как преемственность и служение / В. В. Аверьянов // Человек. – 2000. – № 2. – С. 38–51.
4. Агеева А. В. Фонетическое освоение лексики французского происхождения в русской литературе первой трети XIX в. / А. В. Агеева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 9 – 2 (27). – С. 16–19.
5. Агеева О. Имперский двор в России XVIII века : между европеизацией и традицией / О. Агеева // Российская история. – 2014. – № 1. – С. 54–74.
6. Азадовский М. К. История русской фольклористики / М. К. Азадовский ; под общ. ред. Э. В. Померанцевой ; вступит. ст. В. Жирмунского. – М. : Учпедгиз, 1958. – 477 с.
7. Айзикова И. А. Образ Ж.-Ж. Руссо на страницах «Вестника Европы» 1807–1811 гг. (период редакторства В. А. Жуковского) // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – 2013. – № 4. – С. 53–70.
8. Академия наук в истории культуры России XVIII–XX веков / Г. И. Смагина [и др.] ; отв. ред. Ж. И. Алферов. – СПб. : Наука, 2010. – 706 с.
9. Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики : материалы ежегодной международной конференции. Екатеринбург, 7 февраля 2014 г. – Екатеринбург, 2014. – Ч. I. – 196 с.
10. Алексеева О. В. Библиография русской детской книги (1717–1854) / О. В. Алексеева // Материалы по истории русской детской литературы : (1750–1855) / под ред. А. К. Покровской, Н. В. Чехова. – М., 1929. – Вып. 2. – С. 8–144.
11. Алехин И. А. Развитие теории и практики военного образования в России XVIII – начала XX века : дис. ... д-ра пед. наук / И. А. Алехин. – М., 2004. – 636 с.

12. Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа : (XVIII – первая половина XIX в.) / М. А. Алпатов ; отв. ред. А. А. Преображенский. – М. : Наука, 1985. – 269 с.
13. Алтунян А. А. Власть и общество. Спор литератора и министра (опыт анализа политического текста) / А. А. Алтунян // Вопросы литературы. – 1993. – Вып. 1. – С. 173–214.
14. Альтшуллер М. А. С. Шишков : «Аз есмь зело славенофил» / А. Альтшуллер // Русская словесность в мировом культурном пространстве. – М., 2008. – С. 425–429.
15. Альтшуллер М. А. С. Шишков о французской революции / А. Альтшуллер // Русская литература. – 1991. – № 1. – С. 144–149.
16. Альтшуллер М. Г. «Слово о полку Игореве» в кругу «Беседы любителей русского слова» / М. Г. Альтшуллер // Труды Отдела древнерусской литературы. – 1971. – Т. 26. – С. 109–122.
17. Альтшуллер М. Г. «Беседа любителей русского слова» : у истоков русского славянофильства / М. Г. Альтшуллер. – М. : Новое литературное обозрение, 2007. – 444 с.
18. Альтшуллер М. Г. Творческое наследие Тредиаковского в «Беседе любителей русского слова» / М. Г. Альтшуллер // Венок Тредиаковскому. – Волгоград, 1976. – С. 94–99.
19. Альтшуллер М. Г. Шишков и Карамзин в споре о судьбах России / М. Г. Альтшуллер // Литературоведческий журнал. – 2011. – № 28. – С. 43–57.
20. Альтшуллер М. Г. «Звучающий стих свободы ради...» : очерки о читателях декабристской поры / М. Г. Альтшуллер, И. Ф. Мартынов. – М. : Книга, 1976. – 120 с.
21. Альтшуллер М. Двести лет споров о русском языке / М. Альтшуллер // Новый журнал. – Нью-Йорк, 2004. – № 234. – С. 228–241.
22. Альтшуллер М. Пушкин и Шишков / М. Альтшуллер // Временник Пушкинской комиссии. – СПб., 2004. – Вып. 29. – С. 264–270.
23. Андерсон Б. Воображаемые сообщества : (размышления об истоках и распространении национализма) / Б. Андерсон ; пер. с англ. В. Г. Николаева. – М. : КАНОН-ПРЕСС-Ц ; Кучково поле, 2001. – 288 с.

24. Андреев А. Н. Конфессиональное влияние французской эмиграции на русское дворянство в конце XVIII – начале XIX в. (по мемуарам В. Н. Головиной) / А. Н. Андреев // Российская история. – 2010. – № 2. – С. 81–91.
25. Анисимов Е. В. Личность Ивана Шувалова / Е. В. Анисимов // Философский век : альманах. – 1998. – Вып. 8 : Иван Иванович Шувалов (1727–1797). Просвещенная личность в российской истории. – С. 13–23.
26. Аношкина-Касаткина В. Н. Православные основы русской литературы XIX в. / В. Н. Аношкина-Касаткина. – М. : Пашков дом, 2011. – 383 с.
27. Аржанухин С. В. Философские взгляды русского масонства : по материалам журнала «Магазин свободнокаменщический» / С. В. Аржанухин. – Екатеринбург, 1995. – 224 с.
28. Аржанухин С. В. Философские и общественно-политические взгляды русских масонов второй половины XVIII – первой четверти XIX вв. : дис. ... д-ра филос. наук / С. В. Аржанухин. – Екатеринбург, 1996. – 389 с.
29. Арзуманова М. А. Перевод английской рецензии на «Письма русского путешественника» в бумагах А. С. Шишкова / М. А. Арзуманова // XVIII век / отв. ред. П. И. Берков. – Л., 1969. – Сб. 8 : Державин и Карамзин в литературном движении XVIII – начале XIX в. – С. 315–323.
30. Аронсон М. Литературные кружки и салоны / М. Аронсон, С. Рейсер. – СПб. : Академический проект, 2001. – 397 с.
31. Арутюнова Ж. М. Великая французская революция и ее роль в становлении консервативной традиции в России / Ж. М. Арутюнова // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. История России. – 2013. – № 2. – С. 25–33.
32. Архипова А. В. Проблема национальной самобытности в русской литературе первой четверти XIX в. (эпоха становления романтизма) / А. В. Архипова // Русская литература и фольклор (первая половина XIX в.) / под ред. Ф. Я. Прийма. – М., 1976. – С. 30–84.
33. Бадалян Д. А. Понятие «народность» в русской культуре XIX века / Д. А. Бадалян // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX века. – СПб., 2006. – Вып. 5. – С. 108–122.

34. Баренбаум И. Е. Французская переводная художественная литература в России (вторая половина XVIII в.) / И. Е. Баренбаум // Книга в России XVII – начала XIX в. : проблемы создания и распространения / отв. ред. А. А. Зайцева. – Л., 1989. – С. 139–145.
35. Барсуков Н. Библиографическая заметка. С. С. Уваров и адмирал Шишков / Н. Барсуков // Русский архив. – 1882. – Вып. 6. – С. 226–228.
36. Бахтина О. Н. «Егда чтем, Господь к нам беседует» : к вопросу об институционализации социальной археографии / О. Н. Бахтина, В. В. Керов, Е. Е. Дутчак // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. История России. – 2006. – № 2 (6). – С. 73–85.
37. Бекасова А. Отцы, сыновья и публика в России второй половины XVIII в. / А. Бекасова // Новое литературное обозрение. – 2012. – № 113. – С. 99–129.
38. Беленький И. Л. Консерватизм в России XVIII – начала XX в. / И. Л. Беленький // Россия и современный мир. – 2003. – № 3. – С. 249–264.
39. Белинский В. Г. Сочинения Александра Пушкина / В. Г. Белинский // Белинский В. Г. Собрание сочинений : в 3 т. – М., 1948. – Т. 3 : Статьи и рецензии 1843–1848. – С. 172–640.
40. Белых В. С. Русское масонство в период царствования Александра I / В. С. Белых // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. – 2010. – № 3. – С. 101–109.
41. Бердяев Н. А. Жозеф де Местр и масонство / Н. А. Бердяев // Новый мир. – 1990. – № 11. – С. 224–228.
42. Берков П. Н. Основные вопросы изучения русского просветительства / П. Н. Берков // Проблемы русского Просвещения в литературе XVIII в. / отв. ред. П. Н. Берков. – М. ; Л., 1961. – С. 5–27.
43. Берковский Н. Я. Романтизм в Германии / Н. Я. Берковский. – СПб. : Азбука-классика, 2001. – 510 с.
44. Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в. : половозрастной аспект традиционной культуры / Т. А. Бернштам. – Л. : Наука, 1988. – 274 с.
45. Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XVIII веке (очерки) / Л. Г. Бескровный. – М. : Военное изд-во М-ва обороны Союза ССР, 1958. – 662 с.

46. Блинов Е. Речь как первое установление общества : Руссо и революционная политика языка / Е. Блинов // Логос. – 2013. – № 6. – С. 67–96.
47. Бобков В. В. Феодосийский градоначальник Александр Иванович Казначеев : основные вехи административной деятельности / В. В. Бобков // Учен. зап. Таврич. нац. ун-та им. В. И. Вернадского. Сер. Исторические науки. – 2010. – Т. 23 (62), № 1 : История Украины : спецвыпуск. – С. 32–41.
48. Бобров Е. А. К биографии В. С. Караджича / Е. А. Бобров // Минувшие годы. – 1908. – № 10. – С. 96–102.
49. Бойцов М. А. Величие и смирение : очерки политического символизма в средневековой Европе / М. А. Бойцов. – М. : РОССПЭН, 2009. – 349 с.
50. Боленко К. Г. А. С. Шишков – ревнитель национального воспитания / К. Г. Боленко // Педагогика. – 1999. – № 5. – С. 97–102.
51. Боленко К. Г. Верховный уголовный суд по делу декабристов / К. Г. Боленко // Вопросы истории. – 2008. – № 7. – С. 160–164.
52. Боленко К. Г. Филантропизм и филантрописты в России во второй половине XVIII – первой половине XIX в. : (к постановке проблемы) / К. Г. Боленко // Немцы и развитие образования в России. – СПб., 1998. – С. 22–28.
53. Боленко К. Г. «Классическое стихотвореньице». О детском стихотворении А. С. Шишкова «Николашина похвала зимним утехам» / К. Г. Боленко, Е. Э. Лямина // Новое литературное обозрение. – 1994. – № 6. – С. 222–227.
54. Боленко К. Г. «Kleine Kinderbibliothek» И. Г. Кампе в переводе А. С. Шишкова // Вестн. Москов. ун-та. Сер. 8, История. – 1996. – № 3. – С. 57–68.
55. Бороздин А. Шишков Александр Семенович / А. Бороздин // Энциклопедический словарь / изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб., 1903. – Т. XXXIX. – С. 611–615
56. Боханов А. Русская историософская и общественная мысль в первой половине XIX века [Электронный ресурс] / А. Боханов // Московский журнал. – 2004. – № 12. – Электрон. версия печат. публ. – URL: <http://mj.rusk.ru/show.php?idar=800999> (дата обращения: 15.07.2016).

57. Бочаров А. В. Актуальность изучения эсхатологического мышления как фактора исторического процесса и феномена исторического сознания / А. В. Бочаров, С. Ю. Буркин // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2013. – № 371. – С. 72–79.

58. Бочкарев В. Н. Русское общество Екатерининской эпохи и французская революция / В. Н. Бочкарев // Отечественная война и русское общество : в 7 т. / под ред. А. К. Дживилегова [и др.]. – М., 1911. – Т. 1. – С. 44–63.

59. Брачев В. С. Масоны в России – от Петра I до наших дней [Электронный ресурс] / В. С. Брачев. – СПб. : СТОММА, 2000. – Электрон. версия печат. публ. – URL: http://tsibanoff.narod.ru/brachev_masonry.pdf (дата обращения: 11.06.2016).

60. Будде Е. Ф. Очерк истории современного литературного русского языка. XVII–XIX век / Е. Ф. Будде. – М. : КомКнига, 2005. – 144 с.

61. Булин С. А. Развитие военно-педагогической мысли в России : начало XVIII в. – 1863 г. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / С. А. Булин. – СПб., 2005. – 24 с.

62. Булич Н. Н. Очерки по истории русской литературы и просвещения с начала XIX века : в 2 т. / Н. Н. Булич. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1902. – Т. 1. – 381 с.

63. Бунтури В. В. Петербургский литературный салон в русской культуре первой трети XIX в. : дис. ... канд. культурологии / В. В. Бунтури. – СПб., 2009. – 216 с.

64. Буров А. В. Религиозно-общественные взгляды М. Л. Магницкого и К. П. Победоносцева : сравнительный анализ : дис. ... канд. филос. наук / А. В. Буров. – Н. Новгород, 2009. – 136 с.

65. Бухаркин П. Е. Православная церковь и русская литература в XVIII–XIX веках : проблемы культурного диалога / П. Е. Бухаркин. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996. – 168 с.

66. Быкова Т. А. Описание изданий гражданской печати, 1708 – январь 1725 / Т. А. Быкова, М. М. Гуревич. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1955. – 636 с.

67. Вайнштейн О. Б. Денди: мода, литература, стиль жизни / О. Б. Вайнштейн. – М. : Новое литературное обозрение, 2005. – 640 с.

68. Вайнштейн О. Б. Жизнетворчество в культуре европейского романтизма / О. Б. Вайнштейн // Вестник РГГУ. – 1998. – Вып. 2. – 161–186.

69. Варадинов Н. В. Делопроизводство, или теоретическое и практическое руководство к гражданскому и уголовному, коллегиальному и одноличному письмоводству, к составлению всех правительственных и частных деловых бумаг и к ведению самых дел, с приложением к оным образцов и форм : в 2 ч. / Н. В. Варадинов. – СПб. : Тип. Я. Трея, 1857. – Ч. 1. – 157 с. ; Ч. 2. – 405 с.

70. Васильев А. В. Понятие «дух времени» в общественно-политическом дискурсе России второй половины XVIII – первой трети XIX в. : дис. ... канд. ист. наук / А. В. Васильев. – Томск, 2013. – 210 с.

71. Вахмистрова С. И. Вклад генерал-фельдмаршала И. Л. Голенищева-Кутузова в развитие военно-морского образования России (на примере Морского шляхетного кадетского корпуса) [Электронный ресурс] и/ С. И. Вахмистрова // Елагинские чтения, 2001. – СПб., 2003. – Вып. 1. – Электрон. версия печат. публ. – URL: <http://books.reenactor.ru/?bookid=1687> (дата обращения 15.06.2016).

72. Вацуро В. Э. Пушкинская пора / В. Э. Вацуро. – СПб. : Академический проект, 2000. – 620 с.

73. Вдовина Л. Н. Вольтерьянство и масонство в контексте духовной жизни русского общества в последнее десятилетие XVIII в. / Л. Н. Вдовина // Вестн. Моск. гос. ун-та. Сер. 8, История. – 2006. – № 3. – С. 92–105.

74. Вдовина Л. Н. Духовные искания в русском обществе в последней трети XVIII в. / Л. Н. Вдовина // Мировосприятие и самосознание русского общества (XI–XX вв.). – М. : ИРИ, 1994. – С. 94–112.

75. Вдовина Л. Н. Масон в России XVIII в. как историко-культурный тип личности: взгляды, поведение, эмоциональный мир / Л. Н. Вдовина // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. – 2013. – № 3. – С. 480–486.

76. Веселаго Ф. Ф. Очерк истории Морского кадетского корпуса с приложением списка воспитанников за 100 лет / авт.-сост. Ф. Ф. Веселаго. – СПб. : Тип. Морск. кадетск. корпуса, 1852. – 143 с.

77. Веницкий И. Адвокат «Беседы» (от составителей) / И. Веницкий // Новое литературное обозрение. – 2009. – № 3. – С. 107–113.

78. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. / В. В. Виноградов. – М. : Высш. шк., 1982. – 528 с.

79. Виноградский В. Г. Затихающие голоса: крестьянские нарративы во времени / В. Г. Виноградский // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. – М., 2013. – Вып. 8. – С. 121–134.

80. Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку / Г. О. Винокур. – М. : Учпедгиз, 1959. – 490 с.

81. Виттекер Ц. Х. Граф С. С. Уваров и его время / Ц. Х. Виттекер ; пер. с англ. Н. Л. Лужецкой. – СПб. : Академический проспект, 1999. – 350 с.

82. Власов В. А. «Радетель российской самобытности»: граф Семен Семенович Уваров / В. А. Власов // Известия Пензен. гос. пед. ун-та. Гуманитарные науки. – 2008. – № 9 (13). – С.83–88.

83. Волков С. С. Лексика русских челобитных XVII века : формуляр, традиционные этикетные и стилевые средства / С. С. Волков. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. – 162 с.

84. Володина Т. А. «Русская история» С. Н. Глинки и общественные настроения в России в начале XIX в. / Т. А. Володина // Вопросы истории. – 2002. – № 4. – С. 147–161.

85. Вольтер в России : библиографический указатель 1735–1995 : русские писатели о Вольтере (стихотворения, статьи, письма, воспоминания) / вступ. ст. П. Р. Заборова, Ю. Г. Фридштейна ; отв. ред. А. Д. Михайлов. – М. : Рудомино, 1995. – 392 с.

86. Вортман Р. Национализм, народность и российское государство / Р. Вортман // Неприкосновенный запас. – 2001. – № 3 (17). – С. 100–105.

87. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / Л. Вульф ; пер. с англ. И. Федюкина. – М. : Новое литературное обозрение, 2003. – 560 с.

88. Галиуллина Д. М. Проблема изучения мемуаров в отечественной исторической мысли / Д. М. Галиуллина // Учен. зап. Казан. гос. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. – 2007. – Т. 148, кн. 4. – С. 36–46.

89. Галкина А. А. Романтизм в русском образовании и искусстве / А. А. Галкина // Искусство и образование. – 2011. – № 6. – С. 31–37.
90. Гаспаров Б. История без телеологии : (заметки о Пушкине и его эпохе) / Б. Гаспаров // Новое литературное обозрение. – 2003. – № 1 (59). – С. 274–278.
91. Геллнер Э. Нации и национализм / Э. Геллнер. – М. : Прогресс, 1991. – 319 с.
92. Гинзбург Л. О психологической прозе / Л. Гинзбург. – Л. : Художественная литература, 1977. – 462 с.
93. Гиривенко А. Н. Карамзин – переводчик и полемика о путях развития образного языка / А. Н. Гиривенко // Карамзинский сборник. Россия и Европа : диалог культур. – Ульяновск, 2001. – С. 34–41.
94. Гирц К. Идеология как культурная система / К. Гирц // Новое литературное обозрение. – 1998. – № 29. – С. 7–38.
95. Гирц К. Интерпретация культур : пер. с англ. / К. Гирц. – М. : Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – 560 с.
96. Глебова И. И. Отечественная война в русской культуре / И. И. Глебова // Россия и современный мир. – 2012. – № 4. – С. 6–35.
97. Глушко Е. В. К новейшей истории Краледворской и Зеленогорской рукописей, или О свободе мысли / Е. В. Глушко // Диалог со временем. – 2007. – Вып. 21. – С. 274–291.
98. Гордин М. Сраженья на полях / М. Гордин // Книжные сокровища мира / сост. Е. И. Левит. – М. : Кн. палата, 1989. – С. 67–80.
99. Горохов А. А. Консерватизм в России и формирование системы консервативных ценностей в русской социально-политической мысли первой половины XIX века / А. А. Горохов : автореф. дис. ... канд. полит. наук. – М., 2015. – 22 с.
100. Горшков А. И. А. С. Шишков и его «Рассуждение о старом и новом слоге» / А. И. Горшков // Рус. языковая школа. – 2004. – № 1. – С. 99–102.

101. Гребенщиков А. Е. Взгляды адмирала А. С. Шишкова на сословный вопрос в России / А. Е. Гребенщиков // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. – 2015. – Т. 20, № 12 (152). – С. 111–116.
102. Гречаная Е. П. Когда Россия говорила по-французски: русская литература на французском языке (XVIII – первая половина XIX в.) / Е. П. Гречаная. – М. : ИМЛИ РАН, 2010. – 382 с.
103. Громыко М. М. Этнографическое изучение религиозности народа : заметки о предмете, подходах и особенностях современного этапа исследований / М. М. Громыко // Этнографической обозрение. – 1995. – № 5. – С. 77–83.
104. Гросул В. Я. Русское общество XVIII–XIX вв. : традиции и новации / В. Я. Гросул. – М. : Наука, 2003. – 516 с.
105. Грот Я. К. Жизнь Державина / Я. К. Грот. – М. : Алгоритм, 1997. – 685 с.
106. Грот Я. К. Труды Я. К. Грота : в 5 т. / Я. К. Грот. – СПб. : Тип. М-ва путей сообщения, 1899. – Т. 2 : Филологические разыскания (1852–1892). – 941 с.
107. Гудзий Н. К. Судьбы печатного текста «Слова о полку Игореве» / Н. К. Гудзий // Тр. Отдела древнерусской литературы. – 1951. – Т. 8. – С. 31–52.
108. Гуковский Г. А. Пушкин и проблемы реалистического стиля / Г. А. Гуковский. – М. : Гослитиздат, 1957. – 412 с.
109. Гуковский Г. А. Пушкин и русские романтики / Г. А. Гуковский. – М. : Художественная литература, 1965. – 356 с.
110. Гусев В. А. Русский консерватизм: основные направления и этапы развития / В. А. Гусев. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2001. – 235 с.
111. Данилевский И. Н. Повесть временных лет: герменевтические основы источниковедения летописных текстов / И. Н. Данилевский. – М. : Аспект-Пресс, 2004. – 370 с.
112. Даниленко В. П. Общелингвистический взгляд на язык / В. П. Даниленко // Вестн. Иркут. гос. лингвист. ун-та. – 2011. – № 3 (15). – С. 6–11.
113. Десницкий В. А. Избранные статьи по русской литературе XVIII–XIX вв. / В. А. Десницкий ; отв. ред. С. В. Касторский. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1958. – 402 с.

114. Дмитриев Е. В. М. Н. Муравьев и полемика о «старом и новом слоге» / Е. В. Дмитриев // Научные труды Международного независимого эколого-политологического ун-та. – 1998. – Вып. 5. – С. 54–67.

115. Дмитриев Л. А. Н. М. Карамзин и «Слово о полку Игореве» / Л. А. Дмитриев // Труды Отдела древнерусской литературы. – 1962. – Т. 18. – С. 38–49.

116. Дмитриев П. А. Еще раз на тему «Вук Караджич и Россия» (в связи с выходом книги Миодрага Поповича «Йот») / П. А. Дмитриев, Г. И. Сафронов // Уч. зап. Тартус. гос. ун-та. II. – 1983. – Вып. 649 : Из истории славяноведения в России. – С. 67–76.

117. Дмитриев П. В. Особенности физического и нравственного воспитания офицеров в Морском кадетском корпусе / П. В. Дмитриев // Культура физическая и здоровье. – 2013. – Т. 44, № 2. – С. 81–82.

118. Дмитриева Е. Г. Развитие значений эмотивов в языке деловых документов / Е. Г. Дмитриева // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 2, Языкознание. – 2013. – № 2 (18). – С. 23–27.

119. Долгих А. Н. О социально-политических взглядах А. С. Шишкова (крестьянский вопрос) [Электронный ресурс] / А. Н. Долгих // История : факты и символы. – 2015. – № 3. – Вып. 2. – Электрон. версия печат. публ. – URL: <http://historic-journal.ru/2015/krestyanskij-vopros-i-socialno-politicheskik-vzglyady-a-s-shishkova> (дата обращения: 17.01.2016).

120. Долгоруков Л. Шишковы / Л. Долгоруков // Российская родословная книга : в 4 т. – СПб., 1857. – Т. IV. – С. 217–223.

121. Долженкова М. И. Клубные общности русской аристократии на рубеже XVIII и XIX вв. / М. И. Долженкова // Вестн. Тамбов. гос. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. – 2011. – Вып. 12 (104). – С. 619–626.

122. Драгайкина Т. А. Литературная и издательская деятельность И. В. Лопухина : мировоззренческие основы и стратегии житнетворчества : дис. ... канд. филол. наук / Т. А. Драгайкина. – Новосибирск, 2011. – 268 с.

123. Драгайкина Т. А. Чтение в масонской практике нравственного совершенствования человека / Т. А. Драгайкина // Известия Урал. гос. ун-та. Сер. 2, Гуманитарные науки. – 2008. – № 55. – Вып. 15. – С. 268–272.

124. Дутчак Е. Е. Геополитическая символика сквозь призму эсхатологии: вопросы формирования социальной основы староверия / Е. Е. Дутчак // Общественные науки и современность. – 2010. – № 3. – С. 163–172.

125. Дутчак Е. Е. Из «Вавилона» в «Беловодье» : адаптационные возможности таежных общин староверов-странников (вторая половина XIX – начало XXI в.) / Е. Е. Дутчак ; под ред. В. В. Керова. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007. – 414 с.

126. Дутчак Е. Е. Кириллические книжные собрания и их владельцы: сравнительный анализ конфессиональных стратегий староверия / Е. Е. Дутчак // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. История России. – 2011. – № 4. – С. 75–88.

127. Дутчак Е. Е. Конфессиональная книжность как память культуры: опыт изучения старообрядческих скитских собраний конца XIX – начала XXI в. / Е. Е. Дутчак // Вестн. Сургут. гос. пед. ун-та. – 2013. – № 4. – С. 156–163.

128. Дутчак Е. Е. Формирование этноконфессиональной идентичности в периоды социальных трансформаций, или Зачем крестьянину-колонисту христианская книга? / Е. Е. Дутчак // Проблемы истории России. – 2011. – Вып. 9 : Россия и Запад в переходную эпоху от средневековья к новому времени. – С. 429–439.

129. Дутчак Е. Е. Христианская историко-эсхатологическая легенда и особенности ее восприятия традиционным сознанием / Е. Е. Дутчак // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2007. – № 300 (I). – С. 91–94.

130. Евангулова О. С. Город и усадьба второй половины XVIII века в сознании современников / О. С. Евангулова // Русский город. – М., 1984. – Т. 7. – С. 172–188.

131. Егерева Т. А. Русские консерваторы в социокультурном контексте эпохи конца XVIII – первой четверти XIX вв. : на примере Н. М. Карамзина,

А. С. Шишкова, С. Н. Глинки и Ф. В. Ростопчина : дис. ... канд. ист. наук / Т. А. Егерев. – М., 2011. – 375 с.

132. Егерев Т. А. Семейная жизнь русских консерваторов / Т. А. Егерев // Преподаватель XXI в. – 2010. – № 3. – С. 241–244.

133. Егерев Т. Русские консерваторы в социокультурном контексте эпохи конца XVIII – первой четверти XIX вв. / Т. Егерев. – М. : Новый хронограф, 2014. – 416 с.

134. Егоров О. Г. Русский литературный дневник XIX века. История и теория жанра / О. Г. Егоров. – М. : Флинта, Наука, 2011. – 177 с.

135. Екатерина II : pro et contra : антология / сост., прим., вступ. ст. С. Н. Искюля. – СПб. : Изд-во РХГА, 2006. – 1 063 с.

136. Ермаков А. В. Консервативное направление общественной мысли по вопросу просвещения России XIX в. : дис. ... канд. ист. наук / А. В. Ермаков. – М., 1999. – 177 с.

137. Ермаков А. В. Против течения? Русские консерваторы XIX века и просвещение / А. В. Ермаков. – М. : Мельничная падь, 2006. – 114 с.

138. Ермашов Д. В. У истоков российского консерватизма : Н. М. Карамзин / Д. В. Ермашов, А. А. Ширинянц. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1999. – 239 с.

139. Жаринов Д. А. Первые войны с Наполеоном и русское общество / Д. А. Жаринов // Отечественная война и русское общество. – М., 1911. – Т. 1. – С. 198–212.

140. Жаринов Д. А. Первые впечатления от войны. Манифесты / Д. А. Жаринов // Отечественная война и русское общество. – М., 1911. – Т. 3. – С. 170–179.

141. Жданова В. Г. Французская культура в России в первой четверти XIX в. : женская мода / В. Г. Жданова // Вестн. Моск. гос. ун-та. Сер. 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2012. – № 4. – С. 40–45.

142. Живов В. Двуглавый орел в диалоге с литературой [Электронный ресурс] / В. Живов // Новый мир. – 2002. – № 2. – Электрон. версия печат. публ. – URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2002/2/zhiv.html (дата обращения: 14.06.2016).

143. Живов В. М. Первые русские литературные биографии как социальное явление : Третьяков, Ломоносов, Сумароков / В. М. Живов // Новое литературное обозрение. – 1997. – № 25. – С. 24–83.
144. Живов В. М. Разыскания в области истории и предистории русской культуры / В. М. Живов. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 758 с.
145. Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века / В. М. Живов. – М. : Языки русской культуры, 1996. – 590 с.
146. Живов В. Чувствительный национализм : Карамзин, Ростопчин и национальный суверенитет и поиски национальной идентичности / В. Живов // Новое литературное обозрение. – 2008. – № 91. – С. 114–140.
147. Жирмунский В. М. Немецкий романтизм и современная мистика / В. М. Жирмунский. – СПб. : Новое время, 1914. – 206 с.
148. Журавель О. Д. «Разум Христов» и «любомудрие»: две концепции мудрости в народно-христианской литературе старообрядчества / О. Д. Журавель // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. История, филология. – 2009. – Т. 8, Вып. 2. – С. 117–123.
149. Журавель О. Д. Церковь в «кончину времен» : у истоков выговской утопии / О. Д. Журавель // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. История. Филология. – 2011. – Т. 10. – Вып. 2. – С. 98–107.
150. Журавлев В. В. Патриотизм и национализм как факторы российской истории / В. В. Журавлев // Вестн. РГНФ. – 2013. – № 3. – С. 16–40.
151. Заславский Г. А. Трагедия Я. Б. Княжнина «Рослав» : национальный миф о герое-воине и проблемы историзма : дис. ... канд. филол. наук / Г. А. Заславский. – Томск, 2011. – 207 с.
152. Захарова М. В. Архаисты и современность : отголоски лингвистической концепции А. С. Шишкова в современном языке / М. В. Захарова // Русский язык : уровни и аспекты изучения. – М., 2005. – С. 323–327.
153. Захарова М. В. К вопросу о стилистической нормализации языка начала XIX в. / М. В. Захарова // Русское слово в русской мире. – М. ; Калуга, 2004. – С. 176–191.

154. Захарова М. В. К объективной оценке вклада А. С. Шишкова в русистику / М. В. Захарова // Русская лингвистическая традиция. – М., 2005. – С. 125–128.
155. Захарова М. В. Языковые взгляды А. С. Шишкова и их отражение в его речевой практике : дис. ... канд. филол. наук / М. В. Захарова. – М., 2004. – 174 с.
156. Зверева Н. А. Общественно-политические взгляды С. С. Уварова : дис. ... канд. ист. наук / Н. А. Зверева. – Волгоград, 2005. – 184 с.
157. Земскова Е. Е. О роли языка в построении национальной утопии: «онемечивание» Кампе и «корнесловие» Шишкова / Е. Е. Земскова // Философский век : альманах. – 2000. – Вып. 12 : Российская утопия: от идеального государства к совершенному обществу. – С. 86–98.
158. Земскова Е. Е. Русская рецепция немецких представлений о нации в конце XVIII – начале XIX века : дис. ... канд. филол. наук / Е. Е. Земскова. – М., 2002. – 213 с.
159. Земскова Е. Е. Русский патриотизм в немецком переводе : А. С. Шишков в воспоминаниях Э. М. Арндта / Е. Е. Земскова // Труды РАН. – 2004. – Т. 2. – С. 89–97.
160. Зипунникова Н. Н. Идеологема «самодержавие – православие – народность» в политике Российского государства в сфере образования и науки первой половины XIX в. : нормативно-правовое закрепление и проблемы реализации / Н. Н. Зипунникова // Вестн. Перм. ун-та. Юрид. науки. – 2010. – Вып. 4 (10). – С. 7 – 15.
161. Златопольская А. А. «Письмо Кристофу де Бомону» с пометками Вольтера : парадоксы восприятия спора Руссо и Вольтера в России [Электронный ресурс] / А. А. Златопольская // Gallica : bibliotheque numerique de la Bibliotheque nationale de France. – Lesdonnées électroniques – [S. 1.], 1997. – URL: http://gallica.bnf.fr/dossiers/html/dossiers/Voltaire/D4/Zlato_VR.htm (la date de l'accès: 16.07.2016).
162. Златопольская А. А. Вольтер и Руссо в русской мысли XVIII–XIX века / А. А. Златопольская // Вестн. РХГА. – 2011. – № 4. – С. 55–63.

163. Златопольская А. А. Жан-Жак Руссо в России XVIII – первой четверти XIX в. : (библиографический список произведений Жан-Жака Руссо и литературы о нем на русском языке) / А. А. Златопольская // Петербург на философской картине мира. – СПб., 2003. – Вып. 2. – С. 209–239.

164. Златопольская А. А. Образ гувернера и педагогическая теория Руссо в русской культуре / А. А. Златопольская // Французский ежегодник 2011 : франкоязычные гувернеры в Европе XVII–XIX вв. – М., 2011. – С. 81–91.

165. Златопольская А. А. Под маской «бедного Жан Жака». А. М. Белосельский-Белозерский и апокрифические сочинения Ж.-Ж. Руссо в русской культуре / А. А. Златопольская // Человек. – 2005. – № 5. – С. 124–134.

166. Златопольская А. А. Потерянный рай естественного состояния и утопия состояния гражданского (Ж.-Ж. Руссо и утопизм в России XVIII–XIX вв.) [Электронный ресурс] / А. А. Златопольская // Образ рая : от мифа к утопии. – СПб., 2003. – Вып. 31. – Электрон. версия печат. публ. – URL: <http://anthropology.ru/text/zlatopolskaya-aa/poteryannyu-ray-estestvennogo-sostoyaniya-i-utopiya-sostoyaniya-grazhdanskogo> (дата обращения: 12.04.2016).

167. Змеев В. Высшая школа России : XVIII век / В. Змеев // Высшее образование в России. – 2002. – № 3. – С. 132–140.

168. Зорин А. «Кормя двуглавого орла...» Литература и государственная идеология в России последней трети XVIII – первой трети XIX в. / А. Зорин. – М. : Новое литературное обозрение, 2004. – 416 с.

169. Зорин А. Идеология «православия – самодержавия – народности» и ее немецкие источники / А. Зорин // В раздумьях о России. – М., 1996. – С. 105–128.

170. Зорин А. Л. Парадоксы чувствительности / А. Л. Зорин, А. С. Немзер // «Столетия на не сотрут» : русские классики и их читатели. – М., 1989. – С. 7–54.

171. Зорин А. Л. Человек, который пережил конец света / А. Л. Зорин, А. С. Немзер, О. А. Проскурин // Карамзин : pro et contra. – СПб., 2006. – С. 795–803.

172. Зорин А. Поход в бордель в Москве в январе 1800 (Шиллер, гонорея и первородный грех в эмоциональном мире русского дворянина) / А. Зорин // Новое литературное обозрение. – 2008. – № 92. – С. 142–157.

173. Иванов Д. А. «Одушевленная бронза» : об источнике комедии А. А. Шаховского «Ты и Вы. Послание Вольтера» / Д. А. Иванов // Русская литература. – 2014. – № 1. – С. 109–119.

174. Иванов С. В. Об этимологических изысканиях А. С. Шишкова / С. В. Иванов // Г. Р. Державин и его время. – 2007. – Вып. 3. – С. 80–95.

175. Ивинский А. Д. Екатерина II и русский язык / А. Д. Ивинский // Русская речь. – 2009. – № 2. – С. 77–81.

176. Ивинский А. Д. Литературная политика императрицы Екатерины II : «Собеседник любителей российского слова» : дис. ... канд. филол. наук / А. Д. Ивинский. – М., 2009. – 337 с.

177. Изобретение века. Проблемы и модели времени в России и Европе XIX столетия / ред. Е. Вишленкова, Д. Сдвижков. – М. : Новое литературное обозрение, 2013. – 368 с.

178. Илюха О. П. Когда Карелия училась читать : приобщение карельских крестьян к книге и чтению в конце XIX – начале XX вв. / О. П. Илюха // Вестн. РУДН. Сер. История России. – 2007. – № 1. – С. 117–127.

179. Имендерфер Е. Первые детские басни в России XVIII в. / Е. Имендерфер // Русская литература. – 1998. – № 2. – С. 51–64.

180. Информационная система «Российский консерватизм XIX–XX веков» : библиографическая база данных / А. Ю. Минаков [и др.] // Вестн. ВГУ. Сер. История. Политология. Социология. – 2012. – № 2. – С. 134–137.

181. Ионин Г. Н. Спор «древних» и «новых» и проблема историзма в русской критике 1800–1810 годов / Г. Н. Ионин // XVIII век. – Л., 1981. – Сб. 13 : Проблема историзма в русской литературе. Конец XVIII – начало XIX в. – С. 192–204.

182. Иоффе Д. Жизнетворчество русского модернизма *subspeciesemioticae*. Историографические заметки к вопросу типологической реконструкции системы жизнь – текст / Д. Иоффе // Критика и семиотика. – 2005. – № 8. – С. 126–179.

183. Ирзабеков В. Д. Александр Семенович Шишков – патриарх русской словесности [Видеозапись] / В. Д. Ирзабеков // YouTube. – Электрон. дан. – [Б. м.],

2016. – URL: <http://www.youtube.com/watch?v=NqJQAT2Nd-o> (дата обращения: 15.07.2016).

184. Исаев И.А. Политико-правовая утопия в России. Конец XIX – начало XX в. / И. А. Исаев. – М. : Наука, 1991. – 272 с.

185. Исследования по консерватизму / гл. ред. П. Ю. Рахшмир. – Пермь, 1994. – Вып. 1 : Консерватизм в современном мире : материалы междунар. науч. конф., Пермь, 27–28 мая 1993 г. – 152 с.

186. Историческая культура императорской России : формирование представлений о прошлом / отв. ред. А. Н. Дмитриев. – М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2012. – 551 с.

187. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения : 1802–1902 / сост. С. В. Рождественский. – СПб. : Изд. М-ва народного просвещения, 1902. – 785 с.

188. Ишкиняева Л. К. Литература XVIII столетия в восприятии С. Т. Аксакова (аспекты исследования) / Л. К. Ишкиняева // Татьянанин день. – Казань, 2008. – Вып. 5, ч. 1. – С. 43–48.

189. К 250-летию со дня рождения А. С. Шишкова. А. С. Шишков о русском языке // Русская речь. – 2004. – № 2. – С. 82–83.

190. Казначеев А. И. // Пушкин : статьи и материалы. – Одесса, 1926. – Вып. 3. – С. 56–57.

191. Казначеева В. Д. // Пушкин : статьи и материалы. – Одесса, 1926. – Вып. 3. – С. 55–56.

192. Калашникова Л. В. Приоритетная роль метафоры в процессе познания / Л. В. Калашникова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2008. – № 2. – С. 49–51.

193. Каменский А. Б. От Петра I до Павла I : реформы в России XVIII в. (опыт целостного анализа) / А. Б. Каменский. – М. : [Б. и.], 2001. – 575 с.

194. Каменский А. Б. Повседневная жизнь русских городских обывателей: исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII в. / А. Б. Каменский. – М. : РГГУ, 2006. – 403 с.

195. Каменский А. Б. Российская империя в XVIII в. : традиция и модернизация / А. Б. Каменский. – М. : Новое литературное обозрение, 1999. – 326 с.
196. Камчатнов А. М. А. С. Шишков и русское историческое словообразование / А. М. Камчатнов // Учен. зап. Волго-Вятского отд-ния Междунар. славянской академии наук, образования, искусств и культуры. – Н. Новгород, 2010. – Вып. 27. – С. 65–76.
197. Камчатнов А. М. В тени Карамзина : (страница из истории русского литературного языка) / А. М. Камчатнов // Феномен русской духовности : словесность, история, культура. – Калининград, 2007. – С. 185–195.
198. Камчатнов А. М. Невежество как добродетель, или «Славянорусский корнеслов» / А. М. Камчатнов // Вестн. Литературного ин-та. – 2011. – № 2. – С. 127–133.
199. Камчатнов А. М. Сакральный славянский язык в церкви и культуре / А. М. Камчатнов // Богослужебный язык русской церкви. История. Попытки реформации. – М., 1999. – С. 227–232.
200. Камчатнов А. М. У истоков русского исторического словообразования : Александр Семенович Шишков / А. М. Камчатнов // Вестн. Нижегород. гос. ун-та им. Н.И. Лобачевского. – 2010. – № 4 (2). – С. 530–534.
201. Камчатнов А. М. Язык императорских манифестов в эпоху Отечественной войны 1812 года / А. М. Камчатнов // Вестн. Лит. ин-та им. А. М. Горького. – 2009. – № 2. – С. 177–200.
202. Камчатнов А.М. Русский Гумбольдт: к вопросу о лингвистической философии А. С. Шишкова / А. М. Камчатнов // Кирилл и Мефодий : духовное наследие : материалы Междунар. науч. конф. Калининград, май 2003. – Калининград, 2002. – С. 3–15.
203. Канунова Ф. З. В. А. Жуковский – читатель и критик А. С. Шишкова (по материалам библиотеки Жуковского) / Ф. З. Канунова, А. С. Янушкевич // Рус. лит. – 1975. – № 4. – С. 84–93.

204. Канунова Ф. З. К проблеме «русский романтизм» и религия / Ф. З. Канунова // Культура Отечества : прошлое, настоящее, будущее : сб. тезисов докл. III Духовно-исторических чтений. – Томск, 1993. – С. 64–66.

205. Канунова Ф. З. Нравственно-эстетические искания русского романтизма и религия (1820–1840-е годы) / Ф. З. Канунова, И. А. Айзикова. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 2001. – 302 с.

206. Канунова Ф. З. Философия человека в эстетике русского романтизма первой трети XIX в. / Ф. З. Канунова // Филология и философия в современном культурном пространстве: проблемы взаимодействия / ред. В. А. Суханов. – Томск, 2006. – С. 226–237.

207. Карамзин : pro et contra. Личность и творчество Н. М. Карамзина в оценке русских писателей, критиков, исследователей : антология / сост., вступ. ст. Л. А. Сапченко. – СПб. : Изд-во РХГА, 2006. – 1 080 с.

208. Карипов Б. Н. Сравнительный анализ традиционализма и консерватизма / Б. Н. Карипов // Социум и власть. – 2012. – № 4. – С. 33–37.

209. Карпец В. Муж отечестволюбивый : историко-литературный очерк / В. Карпец. – М. : Молодая гвардия, 1987. – 93 с.

210. Кацис Л. Ф. Русская эсхатология и русская литература / Л. Ф. Кацис. – М. : ОГИ, 2000. – 655 с.

211. Кириченко О. В. Дворянское благочестие. XVIII век / О. В. Кириченко. – М. : Паломник, 2002. – 462 с.

212. Киселев В. С. «...Чтобы в России заведена была Азиатская академия»: «Projet d'une académie asiatique» С. С. Уварова в истории российского ориентализма / В. С. Киселев // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – 2012. – № 3 (19). – С. 66–74.

213. Киселева Л. Вальтер Скотт в интерпретации русских «архаистов» / Л. Киселева // Эткиндовские чтения. 1 : сб. ст. по материалам Чтений памяти Е.Г. Эткинда (27–29 июня 2000). – СПб., 2003. – С. 43–55.

214. Киселева Л. Литературная составляющая в имперском национальном проекте / Л. Киселева // Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia. – Тарту, 2011. –

Вып. XII : Мифология культурного пространства : к 80-летию Сергея Геннадиевича Исакова. – С. 217–233.

215. Киселева Л. Н. Журнал «Зритель» и две концепции патриотизма в русской литературе 1800-х гг. / Л. Н. Киселева // Учен. зап. Тартус. гос. ун-та. – 1985. – Вып. 645. – С. 3–20.

216. Киселева Л. Н. Идея национальной самобытности в русской литературе между Тильзитом и Отечественной войной (1807–1812) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. Н. Киселева. – Тарту, 1982. – 16 с.

217. Киселева Л. Н. Проблема литературного авторитета в русской критике 1800–1810-х гг. / Л. Н. Киселева // Учен. зап. Тартус. гос. ун-та. – 1990. – Вып. 897. – С. 15–24.

218. Киселева Л. Н. Русский «архаист» в Европе / Л. Н. Киселева // *Studia Rossica Helsingiensia et Tartuensia*. – Тарту, 1995. – Вып. IV : «Свое» и «чужое» в литературе и культуре. – С. 66–86.

219. Киселева Л. Н. С. Н. Глинка и кадетский корпус (из истории «сентиментального воспитания» в России) / Л. Н. Киселева // Учен. зап. Тартус. гос. ун-та. – 1982. – Вып. 604 : Единство и изменчивость историко-литературного процесса. – С. 48–63.

220. Киселева Л. Ю. М. Лотман : от истории литературы к семиотике культуры (о границах лотмановской семиосферы) / Л. Киселева // *Studia Rossica Helsingiensia et Tartuensia*. – Тарту, 1998. – Вып. VI : Проблемы границы в культуре. – С. 9–21.

221. Киселева М. С. Культурные детерминанты и языковые основания книжного учения / М. С. Киселева // *Общество и книга : от Гутенберга до Интернета* / общ. ред. А. П. Королевой. – М., 2000. – С. 111–121.

222. Ключевский В. О. О русской истории / В. О. Ключевский ; сост., авт. предисл. и примеч. В. В. Артемов ; под ред. В. И. Буганова. – М. : Просвещение, 1993. – 575 с.

223. Кобозева И. М. К формальной репрезентации метафор в рамках когнитивного подхода [Электронный ресурс] / И. М. Кобозева // Компьютерная

лингвистика и интеллектуальные технологии. – М., 2002.. – Электрон. версия печат. публ. – URL: <http://www.dialog-21.ru/digest/2002/articles/kobozeva/> (дата обращения: 03.01.2016).

224. Козлов В. П. Тайны фальсификации : анализ подделок исторических источников XVIII–XIX веков / В. П. Козлов. – М. : Аспект Пресс, 1994. – 271 с.

225. Козлов В. П. Фальсификация документальных исторических источников как один из признаков асимметрии источниковой базы / В. П. Козлов // Исторический источник и проблемы российской истории. – Казань, 2011. – С. 17–26.

226. Козлов И. В. Переводы двух стихотворений из «Краледворской рукописи» уральского поэта / И. В. Козлов // Литература Урала : история и современность. – Екатеринбург, 2007. – Т. 1, вып. 3. – С. 239–245.

227. Козлов С. «Гений языка» и «гений нации» : две категории XVII–XVIII веков / С. Козлов // Новое литературное обозрение. – 1999. – № 36. – С. 4–27.

228. Козлова А. А. Жанр стихотворческого переложения псалмов в контексте литературной полемики 1800-х гг. / А. А. Козлова // Вопросы гуманитарных наук. – 2004. – № 5. – С. 135–145.

229. Козлова Н. Н. Политическая философия российского консерватизма XIX – первой половины XX века: гендерные аспекты : дис. ... д-ра полит. наук / Н. Н. Козлова. – М., 2014. – 374 с.

230. Колесов В. В. Древнерусский литературный язык / В. В. Колесов. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1989. – 294 с.

231. Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове : в 3 кн. / В. В. Колесов. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2000. – Кн. 1. – 326 с.

232. Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси / В. В. Колесов. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1986. – 311 с.

233. Коломинов В. В. Адмирал – детям / В. В. Коломинов // Нева. – 1996. – № 2. – С. 229–231.

234. Коломинов В. В. Храм муз словесных : из истории Российской Академии. 1783–1841 / В. В. Коломинов, М. Ш. Файнштейн. – Л. : Наука, 1986. – 151 с.

235. Кондаков Ю. Е. Кризис государственно-церковных отношений и церковный консерватизм в первой половине XIX века / Ю. Е. Кондаков // Тетради по консерватизму. – 2015. – № 4. – С. 59–70.

236. Кондрашов Н. А. Лексикологические труды А. С. Шишкова / Н. А. Кондрашов // Семантика грамматических форм и речевых конструкций. – М., 1991. – С. 3–9.

237. Кондрашов Н. А. Лингвистические взгляды А. С. Шишкова (к 150-летию со дня кончины) / Н. А. Кондрашов // Русская языковая школа. – 1991. – № 2. – С. 102–108.

238. Кондрашов Н. А. Общелингвистические взгляды А. С. Шишкова / Н. А. Кондрашов // Лексическая, словообразовательная и синтаксическая семантика. – М., 1980. – С. 3–9.

239. Консерватизм в России и мире : в 3 ч. / Азизова Е. Н. [и др.] ; отв. ред. А. Ю. Минаков. – Воронеж : Воронежский гос. ун-т, 2004. – Ч. 1. – 263 с.

240. Консерватизм в России и мире : в 3 ч. / Ю. И. Кирьянов [и др.] ; отв. ред. А. Ю. Минаков. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2004. – Ч. 2. – 258 с.

241. Консерватизм в России и мире : в 3 ч. / С. Г. Алленов [и др.] ; отв. ред. А. Ю. Минаков. – Воронеж : Воронежский гос. ун-т, 2004. – Ч. 3. – 221 с.

242. Консерватизм и либерализм : история и современные концепции : материалы междунар. науч. конф., 15 февр. 2002 г. / отв. ред. А. С. Карцов. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2002. – 179 с.

243. Коровин В. «Замечания педанта» : поэма Ф. Н. Глинки «Таинственная капля» и ее читатель М. А. Дмитриев / В. Коровин // Новое литературное обозрение. – 2009. – № 3. – С. 178–194.

244. Костин А. А. «Галантный» Сократ. К проблеме бытования образа исторической личности в русской литературе XVIII в. / А. А. Костин // Рус. лит. – 2005. – № 1. – С. 92–96.

245. Кочеткова Н. Д. «Любослов» – сотрудник «Собеседника любителей русского слова» / Н. Д. Кочеткова // XVIII век. – 1962. – № 5. – С. 422–428.

246. Кочеткова Н. Д. Масонство и литература / Н. Д. Кочеткова // Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. – М., 1987. – С. 212–213.

247. Кочеткова Н. Д. Французский исследователь о «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина / Н. Д. Кочеткова // Рус. лит. – 2013. – № 1. – С. 221–226. – Рец. на кн.: Bauden R. Nikolai Karamzine a Strasbourg. Un écrivain-voyageur russe dans l'Alsace révolutionnaires de Strasbourg, 2011. – 321 p.

248. Кочнева Е. В. К истории создания мраморного бюста А. С. Шишкова / Е. В. Кочнева // Рус. лит. – 2012. – № 2. – С. 105–114.

249. Кочубинский А. А. Начальные годы русского славяноведения : адмирал Шишков и канцлер гр. Румянцев / А. А. Кочубинский . – Одесса : Тип. «Одес. вестн.», 1887–1888. – 492 с.

250. Кошелев В. А. «Владимира времена» и рождение русского романтического сознания / В. А. Кошелев // Жуковский и время / ред. А. С. Янушкевич, И. А. Айзикова. – Томск, 2007. – С. 118 – 132.

251. Кравецкий А. Г. История церковнославянского языка в России (конец XIX–XX в.) / А. Г. Кравецкий, А. А. Плетнева. – М. : Языки русской культуры, 2001. – 398 с.

252. Краснобаев Б. И. Русская культура второй половины XVII – начала XIX в. / Б. И. Краснобаев. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1983. – 224 с.

253. Критика первой четверти XIX века / авт.-сост. М. Л. Майофис, А. Р. Курилкин. – М. : АСТ [и др.], 2002. – 525 с.

254. Кропотухина П. В. Ландшафтные метафоры в британском политическом дискурсе / П. В. Кропотухина // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики : материалы и тезисы докладов ежегодной международной конференции. Екатеринбург, 7 февраля 2014 г. – Екатеринбург, 2014. – Ч. III. – С. 58–63.

255. Крючкова М. Л. Феномен «философской жизни» в русской культуре XVIII в. : (по поводу мемуаров И.Д. Ершова) / М. Л. Крючкова // Человек эпохи Просвещения. – М., 1999. – С. 138–155.

256. Кудяева Т. А. Педагогические идеи С. С. Уварова и их значение для российского образования : дис. ... канд. пед. наук / Т. А. Кудяева. – М., 2008. – 172 с.

257. Кудрявцева Е. П. Венская система международных отношений и ее крушение (1815–1854 годы) / Е. П. Кудрявцева // Новая и новейшая история. – 2014. – № 4. – С. 88–106.

258. Кудряшев В. Н. Идея русской нации в общественно-политической мысли России второй половины XIX в. : проблемы национальной идентичности / В. Н. Кудряшев // Сибирские исторические исследования. – 2013. – № 1. – С. 58–66.

259. Кудряшев В. Н. Консервативно-утопическая интерпретация русификаторской политики в конце XIX – начале XX в. / В. Н. Кудряшев // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2007. – № 296. – С. 96–101.

260. Кудряшев В. Н. Национальный вопрос в общественно-политической мысли России второй половины XIX века : дис. ... д-ра ист. наук / В. Н. Кудряшев. – Томск, 2013. – 592 с.

261. Кулешов В. И. История русской критики XVIII – начала XX веков / В. И. Кулешов. – М. : Просвещение, 1984. – 528 с.

262. Лаврентьева Е. Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры. Этикет / Е. Лаврентьева. – М. : Молодая гвардия, 2005. – 663 с.

263. Лагутина И. Н. Россия и Германия на перекрестке культур : культурный трансфер в системе русско-немецких литературных взаимодействий конца XVIII – первой трети XIX века / И. Н. Лагутина. – М. : Наука, 2008. – 342 с.

264. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. / Дж. Лакофф, М. Джонсон ; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.

265. Лаптева Л. П. Значение Вацлава Ганки в развитии славяноведения в России и русско-чешских научных контактов в XIX веке / Л. П. Лаптева // Славяноведение. – 2012. – № 2. – С. 68–85.

266. Лаптева Л. П. История славяноведения в России в конце XIX – первой трети XX в. / Л. П. Лаптева. – М. : Индрик, 2012. – 840 с.

267. Лаптева Л. П. Йозеф Добровский как родоначальник критического изучения источников чешской истории / Л. П. Лаптева // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. – 2007. – № 1-2. – С. 69–86.

268. Лаптева Л. П. Краледворская и Зеленогорская рукописи / Л. П. Лаптева // Рукописи, которых не было : подделки в области славянского фольклора. – М., 2002. – С. 11–241.

269. Лаптева Л. П. Краледворская и Зеленогорская рукописи и их оценка в России начала XIX и начала XX вв. / Л. П. Лаптева // *Studia slavica*. – Budapest, 1975. – С. 67–94.

270. Левин В. Д. Заметки о принципах изучения русского литературного языка конца XVIII – начала XIX в. / В. Д. Левин // XVIII век. – М. ; Л., 1966. – Сб. 7 : Роль и значение литературы XVIII в. в истории русской культуры. – С. 428–433.

271. Левин Ю. Д. Оссиан в русской литературе конец (конец XVIII – первая треть XIX века) / Ю. Д. Левин. – Л. : Наука, 1980. – 202 с.

272. Лейтон Л. Д. Эзотерическая традиция в русской романтической литературе : декабризм и масонство / Л. Д. Лейтон. – СПб. : Академический проспект, 1995. – 256 с.

273. Леонтьева О. Б. Народ-нация и народ-демос в зеркале исторической памяти российского общества XIX – начала XX века // Диалог со временем. – 2012. – Вып. 39. – С. 196–212.

274. Лескинен М. В. Представления об «отечестве» и «родине» в русских учебниках географии последней трети XIX в. : конструирование национальной идентичности / М. В. Лескинен // Вестн. Москов. ун-та. Сер. 8, История. – 2010. – № 3. – С. 40–55.

275. Лескинен М. В. Этнокультурная и лингвистическая классификации народов в период формирования этнографической науки в России (XVIII–XIX вв.) : теоретический аспект / М. В. Лескинен // Славяноведение. – 2011. – № 4. – С. 43–53.

276. Леурда И. Н. А. С. Шишков – первый русский славянофил / И. Н. Леурда // Духовные ценности и национальные интересы России. – Тюмень, 1998. – С. 59–62.

277. Леурда И. Н. Взгляды А. С. Шишкова на историю русского литературного языка и дальнейшие пути его развития / И. Н. Леурда // Русский язык : история и современность. – М., 1992. – С. 14–24.

278. Леурда И. Н. Общелингвистические взгляды А. С. Шишкова / И. Н. Леурда // Русский язык : история и современность. – М., 1993. – С. 83–92.

279. Леурда И. Н. Шишков А. С. – переводчик «Слова и полку Игореве» / И. Н. Леурда // Русский язык : синхрония и диахрония. – М., 1993. – С. 113–122.
280. Липич Т. И. Литература и философия – две формы национального самосознания первой половины XIX века / Т. И. Липич // Науч. ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки : Филология. Журналистика. Педагогика. Психология. – 2011. – № 6, вып. 9. – С. 20–26.
281. Литература и история : исторический процесс в творческом сознании русских писателей и мыслителей XVIII–XX в. / отв. ред. Ю. В. Стенник. – СПб. : Наука, 2001. – Вып. 3. – 236 с.
282. Лихачев Д. С. Общественно-политические идеи «Слова о полку Игореве» / Д. С. Лихачев // Тр. Отдела древнерусской литературы. – 1951. – Т. 8. – С. 17–30.
283. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы / Д. С. Лихачев. – М. : Наука, 1979. – 360 с.
284. Лонгинов М. Н. «Беседа любителей русского слова» / М. Н. Лонгинов // Современник. – 1856. – Вып. LVII, № 5. – С. 6–18.
285. Лонгинов М. Н. Еще шишковисты и карамзинисты (1911–1916) / М. Н. Лонгинов // Современник. – 1857. – Вып. LXIII, № 5. – С. 65–69.
286. Лонгинов М. Н. Карамзинисты и славянофилы (1805–1817) / М. Н. Лонгинов // Современник. – 1857. – Т. LXII, № 3. – С. 86–91.
287. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре : быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века) / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство-СПб, 1994. – 339 с.
288. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре : быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века) / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство-СПб, 2011. – 412 с.
289. Лотман Ю. М. Избранные статьи : в 3 т. / Ю. М. Лотман. – Таллинн : Александра, 1992. – Т. 1. – 479 с. ; Т. 2. – 478 с. ; 1993. – Т. 3. – 494 с.
290. Лотман Ю. М. История и типология русской литературы / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство-СПб, 2002. – 768 с.

291. Лотман Ю. М. Карамзин : Сотворение Карамзина. Статьи и исследования 1957–1990. Заметки и рецензии / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство-СПБ, 1997. – 832 с.
292. Лотман Ю. М. Культура и взрыв / Ю. М. Лотман. – М. : Прогресс : Гнозис, 1992. – 271 с.
293. Лотман Ю. Новые аспекты изучения культуры Древней Руси / Ю. Лотман, Б. Успенский // Вопросы литературы. – 1977. – № 3. – С. 148–166.
294. Лотман Ю. М. О русской литературе : статьи и исследования (1958–1993) : История русской прозы. Теория литературы / Ю. М. Лотман ; вступ. ст. И. А. Чернова ; сост. Н. Г. Николаюк, О. Н. Нечипуренко. – СПб. : Искусство-СПБ, 1997. – 845 с.
295. Лотман Ю. М. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) / Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский // Учен. зап. Тартус. гос. ун-та. – 1977. – Вып. 414. – С. 3–36.
296. Лотман Ю. М. «Смесь обезьяны с тигром» / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. Пушкин : биография писателя; Статьи и заметки, 1960–1990; «Евгений Онегин» : комментарий. – СПб., 1995. – С. 329–332.
297. Лотман Ю. М. Споры о языке в начале XIX в. как факт русской культуры («Происшествие в царстве теней, или Судьбина Российского языка» – неизвестное сочинение Семена Боброва) / Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский // Учен. зап. Тартус. гос. ун-та. – 1975. – Вып. 358. – С. 168–322.
298. Лотман Ю. М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман. – М. : Искусство, 1970. – 383 с.
299. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история / Ю. М. Лотман. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 447 с.
300. Луняев Е. В. Этические воззрения русских масонов эпохи Просвещения : дис. ... канд. филос. наук / Е. В. Луняев. – СПб., 2006. – 230 с.
301. Лушин А. Н. Государственно-правовые воззрения российских масонов на рубеже XVIII–XIX вв. : дис. ... канд. юрид. наук / А. Н. Лушин. – Н. Новгород, 2004. – 161 с.

302. Лямина Е. Религиозное в эпоху поэтических манифестов : «Теснятся все к тебе во храм...» В. А. Жуковского / Е. Лямина, Н. Самовер // Пушкинские чтения в Тарту / ред. Л. Киселева. – Тарту, 2004. – Вып. 3. – С. 99–111.
303. Лямина Е. Э. Общество «Беседа любителей русского слова» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. Э. Лямина. – М., 1995. – 17 с.
304. Мадариага И. Россия в эпоху Екатерины II / И. Мадариага. – М. : Новое литературное обозрение, 2002. – 976 с.
305. Майофис М. Воззвание к Европе : Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 годов / М. Майофис. – М. : Новое литературное обозрение, 2008. – 800 с.
306. Мальцев М. И. А. А. Шишков и А. С. Пушкин / М. И. Мальцев // Учен. зап. Саратов. гос. ун-та. Сер. Филол. науки. – 1948. – Т. 20. – С. 92–131.
307. Мальцев М. И. А. А. Шишков и декабристы / М. И. Мальцев // Труды Том. гос. ун-та. – 1950. – Т. 112. – С. 311–361.
308. Манн Ю. В. Динамика русского романтизма / Ю. В. Манн. – М. : Аспект Пресс, 1995. – 384 с.
309. Манхейм К. Диагноз нашего времени / К. Манхейм. – М. : Юрист, 1994. – 700 с.
310. Марасинова Е. Н. «Душевно отстал я от всяких великосветских замыслов» : (опыт исследования сознания российской дворянской элиты последней трети XVIII – начала XIX века) // Казус: индивидуальное и уникальное в истории. – М., 2000. – Вып. 3. – С. 209–216.
311. Марасинова Е. Н. Вольность российского дворянства (манифест Петра III и сословное законодательство Екатерины II) / Е. Н. Марасинова // Российская история. – 2007. – № 4. – С. 21–33.
312. Марасинова Е. Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века : (по материалам переписки) / Е. Н. Марасинова. – М. : РОССПЭН, 1999. – 299 с.
313. Марасинова Е. Н. Русский дворянин второй половины XVIII в. : (социопсихология личности) // Вестн. МГУ. Сер. 8, История. – 1991. – №1. – С. 17–28.

314. Мартин А. «Россия есть европейская держава...» : проблема «Россия и Европа» в консервативной мысли эпохи Александра I (А. С. Шишков, С. Н. Глинка, А. С. Стурдза) / А. Мартин // Исследования по консерватизму. – Пермь, 1998. – Вып. 5. – С. 14–22.
315. Мартин А. М. «Допотопный» консерватизм А. С. Шишкова / А. М. Мартин // Консерватизм : идеи и люди. – Пермь, 1998. – С. 54–66.
316. Маслова А. Г. Жанровая система масонской поэзии XVIII в. / А. Г. Маслова // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2, Гуманитарные науки. – 2013. – № 4 (120). – С. 145–158.
317. Маслова А. Г. Литература последней трети XVIII начала. Пространственно-временные символы и мифологемы масонской поэзии : (по материалам масонских журналов 1770–1780-х гг.) / А. Г. Маслова // Вестн. ВятГГУ. – 2011. – № 4-1. – С. 124–128.
318. Маслова А. Г. Пространственно-временные символы и мифологемы масонской поэзии : (по материалам масонских журналов 1770–1780-х гг.) / А. Г. Маслова // Вестн. Вят. гос. ун-та. – 2011. – №4 – 1. – С. 124–128.
319. Масонство и русская культура / сост. В. И. Новиков. – М. : Искусство, 1996. – 495 с.
320. Масонство и русская литература XVIII – начала XIX вв. / под ред. В. И. Сахарова. – М. : Эдиториал УРСС, 2000. – 272 с.
321. Материалы Международного научного симпозиума «Книжность этноконфессиональных культур прошлого и настоящего : методология, методика и практика исследования», Томск, 2012, 14–15 июня // Вестн. Том. гос. ун-та. История. – 2013. – № 1. – С. 7–79.
322. Медведева И. Н. Просветительское движение и педагогика филантропизма в Германии XVIII в. / И. Н. Медведева // Вестн. Моск. гос. областного ун-та. Сер. Педагогика. – 2012. – № 4. – С. 44–48.
323. Мединская Е. В. А. С. Шишков и В. К. Кюхельбекер / Е. В. Мединская // Семантическая структура слова и высказывания. – М., 1993. – С. 35–42.
324. Межуев В. Феномен книги и национальное в культуре / В. Межуев // Общество и книга : от Гутенберга до Интернета. – М., 2000. – С. 95–110.

325. Мейлах Б. С. А. С. Шишков и «Беседа любителей русского слова» / Б. С. Мейлах // История русской литературы. – М. ; Л., 1941. – Т. 5, ч 1. – С. 183–197.

326. Мельникова А. П. Феномен страха Божьего в учении о спасении святителя Феофана затворника / А. П. Мельникова // Вестн. Новгород. гос. ун-та. – 2003. – № 24. – С. 25–30.

327. Меркулов И. В. К вопросу об объективности отражения реальности в «Отрывке из жизни N...» А. С. Шишкова / И. В. Меркулов // Университетский историк. – СПб., 2007. – Вып. 4. – С. 76–86.

328. Меркулов И. В. К истории одной публикации: полемика А. С. Шишкова и В. М. Головина по поводу «Отрывка из жизни N...» / И. В. Меркулов // Петербургские исследования : альманах. – 2010. – № 2. – С. 213–301.

329. Мещерякова А. О. Ростопчин Федор Васильевич / А. О. Мещерякова // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века : энциклопедия . – М., 2010. – С. 404–407.

330. Мещерякова А. О. Граф С. С. Уваров в истории русского консерватизма / А. О. Мещерякова // Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. Сер. Гуманитарные науки. – 2014. – № 7-8. – С. 46–52.

331. Милевский О. А. Л. А. Тихомиров : из истории формирования консервативной мысли в России в конце XIX – начале XX веков : дис. ... д-ра ист. наук / О. А. Милевский. – Барнаул, 2006. – 601 с.

332. Милевский О. А. Текст Апокалипсиса в историософском наследии Л. А. Тихомирова / О. А. Милевский // Человек – текст – эпоха : сб. науч. ст. и материалов / под ред. Е. Е. Дутчак, В. П. Зиновьева. – Томск, 2011. – Ч. 39, вып. 4 : Аналитические практики и перспективы современного источниковедения. – С. 302–316.

333. Милиев В. А. Немецкий романтизм и формирование консервативной идеи : автореф. дис. ... канд. филос. наук / В. А. Милиев. – Мурманск, 2006. – 21 с.

334. Миллер А. Империя Романовых и национализм : эссе по методологии исторического исследования / А. Миллер. – М. : Новое литературное обозрение, 2006. – 248 с.

335. Миллер А. История понятия «нация» в России / А. Миллер // Отечественные записки. – 2012. – № 1. – С. 162–186.

336. Миллер А. Приобретение необходимое, но не вполне удобное : трансфер понятия нация в России (начало XVIII – середина XIX в.) / А. Миллер // *Inperiuminterpaes* : Роль трансфертов в истории Российской империи (1700–1917). – М., 2010. – С. 42–66.

337. Минаева Н. В. Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX века / Н. В. Минаева. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1982. – 288 с.

338. Минаков А. Ю. «Друг чести, друг народа» : консерватор А. С. Шишков / А. Ю. Минаков // Российский консерватизм в литературе и общественной мысли XIX в. – М., 2003. – С. 111–126.

339. Минаков А. Ю. «Рассуждение о старом и новом слоге русского языка» А. С. Шишкова – первый манифест русского консервативного национализма / А. Ю. Минаков // Проблемы этнической истории Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в новое и новейшее время. – Воронеж, 2002. – Вып. 1. – С. 239–253.

340. Минаков А. Ю. «Рассуждение о старом и новом слоге русского языка» А. С. Шишкова как манифест русского консерватизма / А. Ю. Минаков // Эволюция консерватизма : европейская традиция и русский опыт. – Самара, 2002. – С. 183–193.

341. Минаков А. Ю. А. С. Шишков как идеолог и практик русского консерватизма / А. Ю. Минаков // Научные ведомости. – 2009. – № 7 (62). – С. 143–150.

342. Минаков А. Ю. Возникновение русского консервативного национализма в первой четверти XIX века в России / А. Ю. Минаков // Вестн. Рос. гос. ун-та им. И. Канта. – 2009. – Вып. 12. – С. 12–17.

343. Минаков А. Ю. Г. Р. Державин как представитель русского консерватизма / А. Ю. Минаков // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2010. – Вып. 7 (87). – С. 7–15.

344. Минаков А. Ю. Идеал государственного и общественного устройства в воззрениях русских консерваторов первой четверти XIX века / А. Ю. Минаков // Вестн. Рос. гос. ун-та им. И. Канта. – 2010. – Вып. 6. – С. 154–159.

345. Минаков А. Ю. Изучение русского консерватизма в современной российской историографии: некоторые направления и тенденции / А. Ю. Минаков // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. гуманитарные науки. – 2005. – № 1. – С. 104–122.

346. Минаков А. Ю. Князь Александр Николаевич Голицын – представитель мистико-космополитического консерватизма в царствование Александра I / А. Ю. Минаков // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2010. – № 1. – С. 186–189.

347. Минаков А. Ю. Консерватизм / А. Ю. Минаков, А. В. Репников, М. Ю. Чернавский // Общественная мысль России XVIII – начала XX века. – М., 2005. – С. 217–220.

348. Минаков А. Ю. Михаил Леонтьевич Магницкий / А. Ю. Минаков // Вопросы истории. – 2010. – № 11. – С. 36–49.

349. Минаков А. Ю. Особенности и политическая роль русского консерватизма первой четверти XIX века / А. Ю. Минаков // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. История. Политология. Социология. – 2010. – № 1. – С. 72–76.

350. Минаков А. Ю. Особенности русского консерватизма в первой четверти XIX века / А. Ю. Минаков // Диалог со временем. – 2011. – Вып. 34. – С. 100–117.

351. Минаков А. Ю. Русская партия в первой четверти XIX века / А. Ю. Минаков ; отв. ред. О. А. Платонов. – М. : Ин-т рус. цивилизации, 2013. – 528 с.

352. Минаков А. Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века / А. Ю. Минаков. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2011. – 560 с.

353. Минаков А. Ю. Русский консерватизм в современной российской историографии : новые подходы и тенденции изучения / А. Ю. Минаков // Отечественная история. – 2005. – № 6. – С. 1323–142.

354. Минаков А. Ю. Сергей Александрович Ширинский-Шихматов: основные вехи биографии / А. Ю. Минаков // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. История. Политология. Социология. – 2014. – № 4. – С. 31–34.

355. Минаков А. Ю. У истоков русского консерватизма : «русская партия» первой четверти XIX в. / А. Ю. Минаков // Tractus aevorum: эволюция социокультурных и политических пространств. – 2014. – № 1. – С. 67–77.

356. Минаков А. Ю. Франкобесие / А. Ю. Минаков // Родина. – 2002. – № 8. – С. 18–19.

357. Миненко Г. Н. Западные и российские источники концепции «народность» в идеологии раннего славянофильства / Г. Н. Миненко // Вестн. Кем. гос. ун-та культуры и искусств. – 2012. – № 19. – С.38–52.

358. Минц С. С. Российская мемуаристика последней трети XVIII – первой трети XIX вв. в контексте историко-психологического исследования : дис. ... д-ра ист. наук / С. С. Минц. – Краснодар, 2000. – 395 с.

359. Миронова Т. Л. Министр просвещения А. С. Шишков о книгоиздании и цензуре (по фондам ОР РГБ) / Т. Л. Миронова // Румянцевские чтения. – М., 2005. – С. 170–172.

360. Михайловский М. Г. Государственный совет Российской империи. Государственные секретари. А. С. Шишков / М. Г. Михайловский // Вестн. Совета Федерации. – 2007. – № 6. – С. 28–39.

361. Михалев А. Б. Фоносемантические идеи в «Корнеслове» А. С. Шишкова / А. Б. Михалев // Рус. яз. и межкультурная коммуникация. – 2014. – № 1 (13). – С. 151–159.

362. Могильницкий Б. Г. История исторической мысли XX века / Б. Г. Могильницкий. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. – Вып. 1 : Кризис историзма. – 206 с.

363. Моисеева Г. Н. Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века / Г. Н. Моисеева. – Л. : Наука, 1980. – 262 с.

364. Мордовченко Н. И. Русская критика первой четверти XIX века / Н. И. Мордовченко. – М. : Изд-во АН СССР, 1959. – 430 с.

365. Морозова Н. П. О хронологии заседаний литературного общества «Беседа любителей русского слова» / Н. П. Морозова // Г. Р. Державин и его время. – СПб., 2010. – Вып. 6. – С. 47–73.

366. Моряков В. И. Проблема воспитания «истинного сына Отечества» в России XVIII в. / В. И. Моряков // Вестн. МГУ. Сер. 8, История. – 2009. – № 2. – С. 42–58.

367. Моряков В. И. Русское просветительство второй половины XVIII в. : (из истории общественно-политической мысли России) / В. И. Моряков. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1994. – 216 с.

368. Мурзин А. А. Народная религиозность как феномен культуры / А. А. Мурзин. – М. : Инфра-М, 2014. – 144 с.

369. Мухина С. Л. «Орлеанская дева» В. А. Жуковского и проблема «народности» / С. Л. Мухина // Проблемы эстетики и творчества романтиков. – Калинин, 1982. – С.123–139.

370. Нахимова Е. А. Историческая динамика прецедентных онимов: окказионализмы, неологизмы, архаизмы и историзмы / Е. А. Нахимова // Политическая лингвистика. – 2012. – Вып. 1 (39). – С. 144–146.

371. Нахимова Е. А. Теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования прецедентных онимов в современной российской массовой коммуникации : дис. ... д-ра филол. наук / Е. А. Нахимова. – Екатеринбург, 2011. – 408 с.

372. Нахимова Е. А. Интертекстемы, прецедентные имена, текстовые реминисценции и метафоры / Е. А. Нахимова // Политическая лингвистика. – 2006. – № 19. – С. 186–196.

373. Немирова Н. В. Речевые вкусы И. И. Дмитриева и литературный язык 20–30-х гг. XIX в. : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. В. Немирова. – М., 1990. – 16 с.

374. Нешумова Т. «Зачем натура вновь бесплодна?» (Д. И. Хвостов в его письмах к Х. О. Кайсарову) / Т. Нешумова // Новое литературное обозрение. – 2009. – № 97. – С. 140–164.

375. Никитин О. В. Забытые труды А. С. Шишкова / О. В. Никитин // Рус. речь. – 2005. – № 1. – С. 93–102.
376. Никонова Н. Е. В. А. Жуковский и его немецкий друзья : новые факты из истории российско-германского межкультурного взаимодействия первой половины XIX в. / Н. Е. Никонова. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2012. – 336 с.
377. Никонова Н. Е. В. А. Жуковский и немецкий мир / Н. Е. Никонова. – М. : Альянс-Архео, 2015. – 491 с.
378. Новая имперская история и вызовы империи / А. Герасимов [и др.] // *Ab imperio*. – 2010. – № 1. – С. 19–52.
379. Новиков В. Педагогические идеи русских писателей-масонов XVIII века // Высшее образование. – 2004. – № 12. – С. 139–144.
380. Новиков И. А. Философское содержание понятия «благочестие» в христианском сознании / И. А. Новиков // Православные традиции в современном российском обществе : материалы XXII Духовно-исторических чтений памяти святых равноапостольных Кирилла и Мефодия / под ред. иерея Андрея Носкова. – Томск, 2013. – С. 169–172.
381. Общественная мысль России XVIII – начала XX в. : [энциклопедия] / отв. ред. В. В. Журавлев. – М. : РОССПЭН, 2005. – 637 с.
382. Олескина Е. Конфликт французской и немецкой традиции в русской детской литературе конца XVIII – начала XIX в. А. С. Шишков как переводчик Кампе / Е. Олескина // Озерная школа : тр. пятой Междунар. летней школы на Карельском перешейке по рус. лит. – Поляны (Уусикирко), 2009. – С. 122–131.
383. Отечественная война 1812 г. : 200 лет событию и мифу / [сост. О. Проскурин] // Новое литературное обозрение. – 2012. – № 118. – С. 66–68.
384. Пайпс Р. Русский консерватизм и его критики : исследование политической культуры / Р. Пайпс. – М. : Новое изд-во, 2008. – 250 с.
385. Панов С. Еще шишковисты и карамзинисты / С. Панов // Новое литературное обозрение. – 2009. – № 97. – С. 165–177.
386. Панфилов А. К. Из истории борьбы вокруг «нового слога» / А. К. Панфилов // Вопросы истории русского языка. XIX–XX. – М., 1988. – С. 3–9.

387. Парсамов В. С. В семиотическом пространстве русско-европейского диалога (XVIII – начало XIX века) / В. С. Парсамов // Одиссей. Человек в истории. – М., 2001. – С. 234–254.

388. Парсамов В. С. Декабристы и культурно-политические традиции Франции конца XVIII – начала XIX вв. : дис. ... д-ра ист. наук / В. С. Парсамов. – Саратов, 2002. – 587 с.

389. Парсамов В. С. Идея национальной самобытности в преобразовательных проектах П. И. Пестеля : автореф. дис. ... канд. ист. наук / В. С. Парсамов. – Саратов, 1993. – 18 с.

390. Парсамов В. С. Конструирование идеи народной войны в 1812 г. / В. С. Парсамов // Новое литературное обозрение. – 2012. – № 118. – С. 69–94.

391. Парсамов В. С. Пестель как «архаист» / В. С. Парсамов // Проблемы истории, культуры, литературы, социально-экономической мысли. – Саратов, 1984. – Вып. 1. – С. 126–146.

392. Партаненко Т. В. Рождение и становление образа России во Франции XV–XVIII в. / Т. В. Партаненко // Клио. – 2006. – № 1. – С. 44–53.

393. Пастернак Е. Л. Решение вопросов языка в рамках французской философской традиции XVIII в. / Е. Л. Пастернак // Вестн. Ярослав. гос. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. – 2010. – № 3 (13). – С. 86–93.

394. Петров М. В. Концептуальная метафора «здание» в дискурсе публичных обращений Б. Обамы и Д. Кэмерона / М. В. Петров // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики : материалы и тез. докл. ежегодной междунар. конф. Екатеринбург, 7 февраля 2014 г. – Екатеринбург, 2014. – Ч. III. – С. 103–114.

395. Петров Ю. А. Международная научная конференция «Эпоха 1812 г. в судьбах России и Франции» / Ю. А. Петров, Л. В. Мельникова // Рос. история. – 2013. – № 4. – С. 208–214.

396. Пиксанов Н. К. Грибоедов : исследования и характеристики / Н. К. Пиксанов. – Л. : Изд-во писателей в Ленинграде, 1934. – 333 с.

397. Пиксанов Н. К. Массонская литература / Н. К. Пиксанов // История русской литературы : в 10 т. – М. ; Л., 1947. – Т. 4, ч. 2. – С. 51–84.

398. Письменная О. А. Патриотический аспект «теории официальной народности» графа С. С. Уварова: к вопросу о понимании особенностей современного российского образования / О. А. Письменная, Л. А. Обухова // Образование и общество. – 2009. – № 1. – С. 93–98.

399. Плюханова М. Б. О некоторых чертах народной эсхатологии в России XVII–XVIII веков // Учен. зап. Тартус. гос. ун-та. – 1985. – Вып. 645. – С. 54–70.

400. Погосян Е. Россия древняя и Россия новая в исторической концепции Карамзина (1811 г.) / Е. Погосян // *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia*. – 1998. – Вып. VI : Проблемы границы в культуре / ред. Л. Киселева. – С. 69–86.

401. Познанский В. В. Очерк формирования русской национальной культуры : первая половина XIX в. / В. В. Познанский. – М. : Мысль, 1975. – 223 с.

402. Полежаева Т. В. «Сей старец дорог нам...» : к вопросу о политическом поведении А. С. Шишкова / Т. В. Полежаева // Вестн. Том. гос. ун-та. История. – 2014. – № 3 (29). – С. 116–122.

403. Полежаева Т. В. «Ходил я в католицкую здешнюю церковь слушать музыки и пения» : к вопросу о характере религиозности А. С. Шишкова / Т. В. Полежаева // Вестн. Том. гос. ун-та. История. – 2013. – № 1 (21). – С. 63–66.

404. Полежаева Т. В. Казус одного еврея: чтение как фактор формирования / разрушения этноконфессиональной идентичности / Т. В. Полежаева // История мировых цивилизаций. Культурные события как отражение общественных процессов. – Красноярск, 2012. – С. 202–214.

405. Полежаева Т. В. Язык как фактор национального единства (на материале полемики архаистов и карамзинистов начала первой четверти XIX в.) / Т. В. Полежаева // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2013. – № 376. – С. 96–100.

406. Попов А. Н. Эпизоды из истории 1812 г. Граф Ростопчин – Сперанский – Шишков / А. Н. Попов // Русский архив. – 1892. – № 8. – С. 399–418.

407. Попов И. В. Преддекабристская публицистическая критика о патриотизме / И. В. Попов // Писатель и критика, XIX в. – Куйбышев, 1987. – С. 3–27.

408. Поэты 1790–1810. – 2-е изд. – Л. : Сов. писатель, Ленингр. отд-ние, 1971. – 910 с.

409. Православная культура вчера и сегодня / под ред. Е. Потехиной, А. Кравецкого. – Olztyn : Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego w Olztyne, 2015. – 379 с.
410. Православный ландшафт таежной Сибири : концепция исследования / Е. Е. Дутчак [и др.] // Сибирские исторические исследования. – 2013. – № 1. – С. 79–90.
411. Прийма Ф. Я. «Слово о полку Игореве» в русском историко-литературном процессе первой трети XIX века / Ф. Я. Прийма. – Л. : Наука, 1980. – 249 с.
412. Прийма Ф. Я. К истории открытия «Слова о полку Игореве» / Ф. Я. Прийма // Тр. Отдела древнерусской литературы. – 1956. – Т. 12. – С. 46–54.
413. Приказчикова Е. Е. Культурная мифология масонства в русском литературном сознании второй половины XVIII в. : в поисках образа «чужого» / Е. Е. Приказчикова // Изв. Урал. гос. ун-та. – 2006. – № 41. – С. 19–35.
414. Прокофьев А. В. А. С. Шишков: Языковая утопия российского традиционализма и ее истоки / А. В. Прокофьев // Философский век : альманах. – 1998. – Вып. 5 : Идея истории в российском просвещении. – С. 249–257.
415. Прокофьев А. В. Морализирующий традиционализм адмирала Шишкова : (страница из российской истории идей начала XIX в.) / А. В. Прокофьев // Вопросы философии. – 1999. – № 4. – С. 107–119.
416. Проскурин О. А. Литературные скандалы пушкинской эпохи / О. А. Проскурин. – М. : О.Г.И., 2000. – 366 с.
417. Проскурин О. Литературные кружки и салоны. Бедная певица (подтексты арзамасской речи С. С. Уварова) / О. Проскурин // Новое литературное обозрение. – 2000. – № 3. – С. 166–190.
418. Проскурин О. А. Поэзия Пушкина, или Подвижный палимпсест / О. А. Проскурин. – М. : Новое литературное обозрение, 1999. – 462 с.
419. Проскурина В. Мифы империи: литература и власть в эпоху Екатерины II / В. Проскурина. – М. : Новое литературное обозрение, 2006. – 328 с.
420. Проскурина В. Ода Г. Р. Державина «На счастье»: политика и поэтика / В. Проскурина // Новое литературное обозрение. – 2009. – № 3. – С. 114–139.

421. Против течения : исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия / М. Г. Альтшуллер [и др.] ; отв. ред. А. Ю. Минаков. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2005. – 417 с.

422. Пустовойт Ю. В. «Страх Божий» и его современное понимание : к вопросу о «растлении смыслов» / Ю. В. Пустовойт // Науч. тр. Северо-Западного ин-та управления. – 2013. – Т. 4, № 5 (12). – С. 290–294.

423. Пыпин А. Н. Вячеслав Ганка / А. Н. Пыпин // Пыпин А. Н. Мои заметки с приложением статей «Два месяца в Праге» и «Вячеслав Ганка». – М. : Изд. Л. Э. Бухгейм, 1910. – С. 267–312.

424. Пыпин А. Н. Исследования и статьи по эпохе Александра I : в 2 т. / А. Н. Пыпин – Петроград : Огни, 1917. – Т. II : Очерки литературы и общественности при Александре I. – 536 с.

425. Ражнев Г. В. «После Отечественной войны 1812 г. российская имперская эмблема нашла отклик в душе народа» / Г. В. Ражнев, Н. Г. Ранчугова // Военно-исторический журнал. – 2012. – № 12. – С. 70–73.

426. Разживин А. И. «Перечень писем из Грузии» А. А. Шишкова / А. И. Разживин // Филологос. – 2010. – № 1-2 (7). – С. 15–22.

427. Ратников К. В. Исторические формы отражения правительственной политики в общественном сознании (по материалам русских стихотворных откликов на польское восстание 1794 года) / К. В. Ратников // Альманах современной науки и образования. – 2008. – № 6-2. – С. 157–159.

428. Рахшмир П. Ю. Три консервативные традиции : общее и особенное / П. Ю. Рахшмир // Исследования по консерватизму. – Пермь, 1995. – Вып. 2 : Консерватизм в политическом и духовном измерениях. – С. 4–17.

429. «Регулярная академия учреждена будет...» : образовательные проекты в России в первой половине XVIII века / ред.-сост. М. Лавринович, И. Федюкин. – М. : Новое изд-во, 2015. – 408 с.

430. Рейтблат А. Видок Фиглярин : (история одной литературной репутации) / А. Рейтблат // Вопросы литературы. – 1990. – № 3. – С. 73–101.

431. Рейтблат А. И. Как Пушкин вышел в гении : историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи / А. И. Рейтблат. – М. : Новое литературное обозрение, 2001. – 328 с.

432. Рейтблат А. И. От Бовы к Бальмонту : очерки по истории чтения в России во второй половине XIX в. / А. И. Рейтблат. – М. : Изд-во МПИ, 1991. – 221 с.

433. Рейтблат А. И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы / А. И. Рейтблат. – М. : Новое литературное обозрение, 2009. – 448 с.

434. Репников А. В. Проблемы государственной власти в концепции русских консервативных мыслителей конца XIX – начала XX вв. : исторический аспект : автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. В. Репников. – М., 1997. – 26 с.

435. Репников А. Размышления о консерватизме / А. Репников // Свободная мысль. – 2012. – № 11. – С. 103–116.

436. Розенталь И. С. «И вот общественное мнение!» Клубы в истории российской общественности. Конец XVIII – начало XX вв. / И. С. Розенталь. – М. : Новый хронограф, 2007. – 398 с.

437. Романова Н. И. Эсхатологические представления старообрядцев / Н. И. Романова // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2012. – № 12. – С. 42–51.

438. Российская империя в сравнительной перспективе / отв. ред. А. Миллер. – М. : Новое изд-во, 2004. – 383 с.

439. Российские консерваторы / А. Н. Боханов [и др.]. – М. : Русский мир, 1997. – 382 с.

440. Российский консерватизм [Электронный ресурс] / Воронеж. гос. ун-т. – Электрон. дан. – Воронеж, [Б. г.]. – URL: <http://conservatism.lib.vsu.ru> (дата обращения: 13.04.2016).

441. Рудковская И. Е. Персонифицированное время в историографической традиции позднего Просвещения / И. Е. Рудковская // Диалог со временем. – 2014. – № 47. – С. 21–35.

442. Рудковская И. Е. Пространство государства как политический и религиозный миры в интерпретации Э. Гиббона и Н. М. Карамзина / И. Е. Рудковская // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2012. – № 364. – С. 72–79.

443. Рудковская И. Е. Терминологические предпочтения историографов позднего Просвещения (от Д. Юма до Н. М. Карамзина) / И. Е. Рудковская // Вестн. Том. педагог. ун-та. – 2010. – № 5 (95). – С. 92–99.

444. Руднев Д. В. Предшественники А. С. Шишкова в Морском кадетском корпусе : (к постановке вопроса) / Д. В. Руднев // Литературная культура XVIII века : материалы XXXVI Междунар. филол. конф. / ред. П. Е. Бухаркин; Е. М. Матвеев. – СПб., 2007. – С. 138–145.

445. Русская мысль в век Просвещения / Н. Ф. Уткина [и др.] ; отв. ред. Н. Ф. Уткина, А. Д. Сухов. – М. : Наука, 1991. – 280 с.

446. Русские мемуары : избранные страницы, 1800–1825 гг. / сост., вступ. ст. и примеч. И. И. Подольской. – М. : Правда, 1989. – 619 с.

447. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / В. Я. Гросул [и др.] ; под ред. В. Я. Гросула. – М. : Прогресс-Традиция, 2000. – 439 с.

448. Русский консерватизм середины XVIII – начала XX в. : энциклопедия / редкол.: В. В. Шелохаев [и др.] ; сост. А. Ю. Минаков, А. В. Репников. – М. : РОССПЭН, 2010. – 637 с.

449. Руссо Ж.-Ж. Трактаты / Ж.-Ж. Руссо ; подгот. В. С. Алексеев-Попов [и др.] ; отв. ред. А. З. Манфред. – М. : Наука, 1969. – 703 с.

450. Руссо Ж.-Ж. : pro et contra : идеи Жан-Жака Руссо в восприятии и оценке русских мыслителей и исследователей (1752–1917) / авт. вступ. ст. и сост. А. А. Златопольская ; отв. ред. Д. К. Бурлака. – СПб. : Изд-во РХГА, 2005. – 829 с.

451. Рэй М.-П. Александр I / М.-П. Рэй. – М. : Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2013. – 495 с.

452. Рябинин Д. Александр Ардальонович Шишков / Д. Рябинин // Ист. вестн. – 1889. – Т. 38. – С. 42–69.

453. Рябинин Д. Д. Шишков Александр Ардальонович. Биография (1709–1833) / Д. Д. Рябинин // Ист. вестн. – 1889. – Т. 38. – С. 42–69.

454. Сабурова Т. А. «Горизонты ожиданий» русских интеллектуалов первой половины XIX века / Т. А. Сабурова // Диалог со временем. – 2008. – Вып. 25/2. – С. 23–37.

455. Сабурова Т. А. Образ Александра I и формирование идентичности русского общества первой половины XIX в. / Т. А. Сабурова // Образы России и ее регионов в историческом и образовательном пространстве : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 75-летию Новосибирского государственного педагогического университета, 17–19 ноября 2010 г. / под ред. В. А. Зверева – Новосибирск, 2010. – С. 178–183.

456. Сабурова Т. А. Образ власти как фактор формирования стратегии поведения русской интеллигенции первой половины XIX века / Т. А. Сабурова // Известия Урал. гос. ун-та. – 2005. – № 34. – С. 98–108.

457. Сабурова Т. А. Становление и особенности исторического сознания русской интеллигенции XIX в. / Т. А. Сабурова // Историко-педагогические чтения. – 2003. – № 7. – С. 188–193.

458. Савельева И. М. История и время. В поисках утраченного / И. М. Савельева, А. В. Полетаев. – М. : Языки русской культуры, 1997. – 800 с.

459. Савченко В. А. Одесса масонская / В. А. Савченко. – Одесса : Optimum, 2007. – 151 с.

460. Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII – начале XIX в. / отв. ред. А. С. Туманова. – М. : Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – 887 с.

461. Сарапас М. В. А. С. Шишков и развитие русского литературного языка в первое десятилетие XIX в. : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. В. Сарапас. – М., 1993. – 16 с.

462. Сарапас М. В. Н на страже чистоты и правильности русского языка / М. В. Сарапас // Слово памяти : мемориал : сб. ст. посвящ. проф. А. К. Панфилову. – М., 2003. – С. 146–158.

463. Сахаров В. И. «Гам гроб стоит...» Державин и масоны / В. И. Сахаров // Мир романтизма. – 2009. – № 14. – С. 153–156.

464. Сахаров В. И. Концепция человека в философии русских масонов (по архивным материалам) [Электронный ресурс] / В. И. Сахаров // Дельфис : культурно-просветительский журн. – 1997. – № 4. – Электрон. версия печат. публ. – URL: <http://www.delphis.ru/journal/article/kontseptsiya-cheloveka-v-filosofii-russkikh-masonov> (дата обращения: 02.03.2016).

465. Сахаров В. И. М. В. Ломоносов и полемика о «старом и новом слоге» (конец XVIII – начало XIX в.) / В. И. Сахаров // Ломоносов и русская культура. – М., 1987. – С. 280–295.

466. Сахаров В. Каменщики в эполетах : масонство в русской армии / В. Сахаров // Родина. – 2003. – № 9. – С.48–49.

467. Седова Д. Д. «Архаисты» и «новаторы»: обобщение полемики / Д. Д. Седова // Rhema. Рема. – 2009. – № 3. – С. 61–74.

468. Семевский В. И. Крестьянский вопрос в России в XVIII – первой половине XIX века : в 2 т. / В. И. Семевский. – СПб. : Тип. товарищества «Общественная польза», 1888. – Т. II : Крестьянский вопрос в царствование императора Николая. – 625 с.

469. Семевский В. И. Крестьянский вопрос в царствование императора Николая / В. И. Семевский // Русская мысль. – 1884. – № 6. – С. 199–205.

470. Семенников В. П. Литературно-общественный круг Радищева / В. П. Семенников // Радищев А. Н. Материалы и исследования. – М., 1936. – С. 215–247.

471. Семенов П. А. Литературно-языковые взгляды шишковцев и карамзинистов в контексте пушкинских воззрений на русский литературный язык и закономерности его развития / П. А. Семенов // Вестн. Новгород. ун-та им. Ярослава Мудрого. Сер. гуманитарные науки. – 2000. – № 15. – С. 102–108.

472. Сергеев Д. В. Социально-культурная ситуация в России начала XXI в. : рецидивная культура, архаизация, изобретенная архаика / Д. В. Сергеев // Мир России. – 2012. – № 3. – С. 100–118.

473. Серков А. И. Массонские библиотеки / А. И. Серков // Массонство и массоны. – М., 1997. – Вып. 2. – С. 50–56.

474. Серман И. З. История и утопия в русской общественной мысли и литературе XVIII века / И. З. Серман // Философский век. Альманах. – 1998. – Вып. 5 : Идея истории в российском просвещении. – С. 215–236.

475. Серман И. З. Пушкин и Шишков о Карамзине / И. З. Серман // Карамзин и время / ред. И. А. Айзикова, А. С. Янушкевич. – Томск, 2006. – С. 207–216.

476. Сиповский В. В. Из истории русской мысли XVIII–XIX вв. : русское вольтерьянство / В. В. Сиповский // Голос минувшего. – 1914. – № 1. – С. 105–131.

477. Скабический А. М. Очерки истории русской цензуры : 1700–1863 / А. М. Скабический. – СПб. : Ф. Павленков, 1892. – 495 с.

478. Славянорусский корнеслов : язык наш – древо жизни на земле и отец наречий иных / вступ. ст. Г. Емельяненко. – СПб. : Фонд славян. письменности и культуры, 2005. – 415 с.

479. Сложеникина Ю. Начало и конец Трудолюбивой Пчелы: утопический проект А. П. Сумарокова / Ю. Сложеникина, А. Растягаев // XVIII век: литература в эпоху идиллий и бурь : материалы VIII Междунар. науч. конф. Москва, 29–31 марта 2012 г. – М., 2012. – С. 331–338.

480. Сметанников А. Критика духа времени в русской консервативной публицистике «периода реакции» (1880–1890-е гг.): Н. Н. Страхов, К. П. Победоносцев, К. Н. Леонтьев : дис. ... д-ра философии / А. Сметанников. – Иерусалим, 2008. – 257 с.

481. Смилянская Е. Б. Волшебники. Богохульники. Еретики : народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII в. / Е. Б. Смилянская. – М. : Индрик, 2003. – 462 с.

482. Смит Д. Работа над диким камнем : массонский орден и русское общество в XVIII веке / Д. Смит ; пер. с англ. К. Осповата и Д. Хитровой. – М. : Новое литературное обозрение, 2006. – 224 с.

483. Смолицкий Г. А. Шишков О Ломоносове : чтение в «Беседе любителей русского слова» как программный документ / Г. А. Смолицкий // Новый филол. вестн. – 2008. – № 1 (6). – С. 21–30.

484. Смолицкий Г. Адмирал А. С. Шишков в газетном дискурсе 2000-х гг. / Г. Смолицкий // Литература XX века : итоги и перспективы изучения. – М., 2008. – С. 250–253.

485. Смолицкий Г. Шишков о Ломоносове : чтение в «Беседе любителей русского слова» как программный документ / Г. Смолицкий // Новый филол. вестн. – 2008. – № 1(6). – С. 21–30.

486. Смолярова Т. Зримая лирика. Державин / Т. Смолярова. – М. : Новое литературное обозрение, 2011. – 607 с.

487. Соколов В. В. История Франции на рубеже XVIII–XIX вв. [Электронный ресурс] / Н. Н. Соколов. – Томск : [ТГУ], 2012. – Электрон. версия печат. публ.

488. Соколовская Т. О масонстве в прежнем русском флоте / Т. Соколовская // Море. – 1907. – № 8. – С. 2–39.

489. Соколовская Т. Русское масонство и его значение в истории общественного движения (XVIII и первая четверть XIX столетия) / Т. Соколовская. – СПб. : Изд. Н. Глаголева, 1907. – 184 с.

490. Сокольская Л. В. Российские читательницы в прошлом и настоящем. Зачем и как изучать? / Л. В. Сокольская // Вестн. Челябин. гос. академии культуры и искусств. – 2010. – № 1 (21). – С. 17–26.

491. Соловьев О. Ф. Масонство : словарь-справочник / О. Ф. Соловьев. – М. : Аграф, 2001. – 423 с.

492. Соловьев Э. Ю. Биографический анализ как вид историко-философского исследования / Э. Ф. Соловьев // Вопросы философии. – 1981. – № 7. – С. 115–126.

493. Солодянкина О. Ю. Феномен иностранного гувернерства в России (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.) / О. Ю. Солодянкина // Отечественная история. – 2008. – № 4. – С. 9–23.

494. Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка, 30–90-е годы XIX века / Ю. С. Сорокин. – М. : Наука, 1965. – 564 с.

495. Старкова Л. К. К вопросу о свободе российской печати: «дух правительства» против «духа времени» / Л. К. Старкова // Власть. – 2009. – № 1. – С. 118–121.

496. Стародубцев М. П. Акт ценности идеала человека в понимании российского дворянства XVIII в. : трансформация суждений / М. П. Стародубцев // Известия Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. – 2012. – № 152. – С. 202–212.

497. Стародубцев М. П. Актуальные ценности идеала человека в понимании российского дворянства XVIII века : трансформация суждений / М. П. Стародубцев // Известия Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. – 2012. – № 152. – С. 202–212.

498. Стеллецкий В. И. Перевод «Слова о полку Игореве» Н. М. Карамзина / В. И. Стеллецкий // Тр. Отд. древнерус. лит. – М. ; Л., 1951. – Т. 8. – С. 68–70.

499. Стенник Ю. В. Вопросы языка и стиля в журнале «Собеседник любителей русского слова» / Ю. В. Стенник // XVIII век. – 1993. – № 18. – С. 113–130.

500. Стенник Ю. В. Идея «древней» и «новой» России в литературе и общественно-исторической мысли XVIII – начала XIX века / Ю. В. Стенник ; отв. ред. В. Е. Ветловская. – СПб. : Наука, 2004. – 275 с.

501. Стенник Ю. В. Православие и масонство в России XVIII века : (к постановке проблемы) / Ю. В. Стенник // Рус. лит. – 1995. – № 1. – С. 76–92.

502. Стоюнин В. Я. Исторические сочинения / В. Я. Стоюнин. – СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1880. – Ч. 1 : Александр Семенович Шишков. – 371 с.

503. Стрельникова Л. Н. Воспитательная роль детской литературы конца XVIII – начала XIX века (на примере творчества А. С. Шишкова) / Л. Н. Стрельникова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2011. – № 10. – С. 163–166.

504. Стрельникова Л. Н. Мир детства в рассказах для детей в русской детской литературе XIX в. : (на примере творчества А. С. Шишкова) / Л. Н. Стрельникова // Педагогическая наука и практика – региону. – Ставрополь, 2006. – С. 236–239.

505. Стрельникова Л. Н. Наследие А. С. Шишкова для детей и его место в истории русской детской литературы / Л. Н. Стрельникова // *Мировая словесность для детей и о детях*. – М., 2005. – Вып. 10, ч. 1. – С. 129–131.

506. Стрельникова Л. Н. Творчество А. С. Шишкова в области русской детской литературы : дис. ... канд. филол. наук / Л. Н. Стрельникова. – М., 2006. – 233 с.

507. Стрельникова Л. Н. Традиции А. С. Шишкова в детской литературе второй половины XIX в. / Л. Н. Стрельникова // *Языковая личность в аспекте антропологии*. – Ставрополь, 2007. – С. 123–128.

508. Стрельникова Л. Н. Традиции русской детской литературы конца XVIII – начала XIX в. в рассказах для детей А. С. Шишкова / Л. Н. Стрельникова // *Мировая словесность для детей и о детях*. – М., 2006. – Вып. 11. – С. 236–239.

509. Стрельникова Л. Н. Жанр оды в творчестве А. С. Шишкова / Л. Н. Стрельникова // *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. – 2012. – № 4. – С. 165–169.

510. Стрижев А. Н. А. С. Шишков (1754 – 1841) : материалы к библиографии / А. Н. Стрижев, В. Л. Коровин // *Литературоведческий журнал*. – 2011. – № 28. – С. 150–209.

511. Сухомлинов М. И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению : в 2 т. / М. И. Сухомлинов. – СПб. : А. С. Суворин, 1889. – Т. 1. – 671 с.

512. Сухонин П. П. А. С. Шишков в его литературной деятельности // *Журн. М-ва народного просвещения*. – 1851. – Т. 69, отд. 5. – С. 1–44.

513. Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России / под ред. А. Эткинда, Д. Уффельманна, И. Кукулина. – М. : Новое литературное обозрение, 2012. – 951 с.

514. Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика : опыт источниковедческого изучения / А. Г. Тартаковский. – М. : Наука, 1980. – 312 с.

515. Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в. : от рукописи к книге / А. Г. Тартаковский. – М. : Наука, 1991. – 286 с.

516. Творогов О. В. А. С. Шишков [Электронный ресурс] / О. В. Творогов // Слова о полку Игореве : энциклопедия : в 5 т. / Рос. акад. наук. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом) ; ред. кол. Л. А. Дмитриев [и др.]. – СПб. : Дмитрий Буланин, 1995. – Т. 5 : Слово Даниила Заточника–Я. Дополнения. Карты. Указатели. – Электрон. версия печат. публ. – URL: <http://feb-web.ru/feb/slovinc/es/> (дата обращения: 06.03.2016).

517. Теория метафоры / пер. под ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной ; вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой. – М. : Прогресс, 1990. – 511 с.

518. Терешкина Д. Б. «И вот бледнеющий над святыми Шишков» : из комментария к эпиграмме Д. Н. Блудова / Д. Б. Терешкина // Литературное общество «Арзамас» : история и современность. – Арзамас ; Н. Новгород, 2015. – С. 145–155.

519. Тетеркина С. В. К истории русской словесности : «Беседа любителей русского слова» / С. В. Тетеркина // Русская словесность как основа возрождения русской школы. – Липецк, 2009. – С. 75–80.

520. Тетеркина С. В. Основные когнитивные признаки концепта «язык русских» в мировоззрении А. С. Шишкова [Электронный ресурс] / С. В. Тетеркина // Современные исследования социальных проблем. – 2012. – № 3 (11). – Электрон. науч. журн. – URL: <http://ej.soc-journal.ru/archive/2012/3/tetyorkina.pdf> (дата обращения: 16.07.2016).

521. Тимофеев Д. В. Методология истории социально-политических понятий в контексте исследования процесса адаптации либеральных идей в России первой четверти XIX века / Д. В. Тимофеев // Вестн. Челябин. гос. ун-та. – 2011. – № 34 (249). – С. 133–140

522. Тихомиров Б. Н. Иеромонах Аникита (в миру князь С. А. Ширинский-Шихматов) в творческих замыслах Достоевского / Б. Н. Тихомиров // Достоевский : материалы и исследования / отв. ред. Н. Ф. Буданова, И. Д. Якубович. – СПб., 1997. – Т. 14. – С. 202–215.

523. Томашевский Б. В. Заметки о Пушкине. I. К Пушкинским сюжетам. II. «Кинжал» и m-me de Staël / Б. В. Томашевский // Пушкин и его современники : материалы и исследования. – Петроград, 1923. – Вып. 36. – С. 78–95.

524. Томашевский Б. В. Стилистика и стихосложение / Б. В. Томашевский; отв. ред. В. Я. Пропп. – Л. : Учпедгиз, Ленингр. отд-ние, 1959. – 534 с.

525. Трунова Т. А. «Истинные сыны Отечества» : Екатерина II о формировании гражданственности / Т. А. Трунова // Изв. Алт. гос. ун-та. – 2006. – № 4. – С. 40–43.

526. Тубалова И. В. Официально-деловой дискурс как прототекстовая среда бытового диалектного текста / И. В. Тубалова // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – 2010. – № 1 (9). – С. 80–90.

527. Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники / Ю. Н. Тынянов. – М. : Наука, 1969. – 423 с.

528. Тыркова-Вильямс А. В. Жизнь Пушкина : в 2 т. / А. В. Тыркова-Вильямс. – М. : Молодая гвардия, 2004. – Т. 1 : 1799–1824. – 470 с.

529. Тьерри Р. Письмо Кристофу де Бомону Ж.-Ж. Руссо [Электронный ресурс] / Р. Тьерри, М. Друэ // Gallica : bibliotheque numerique de la Bibliotheque nationale de France. – Lesdonnées électroniques. – [S. 1.], 1997. – URL: http://gallica.bnf.fr/dossiers/html/dossiers/Voltaire/D4/Zlato_VR.htm (la date de l'accès: 16.07.2016).

530. Уайт А. Э. Новая энциклопедия масонства (великого искусства каменщиков) и родственных таинств : их ритуалов, литературы и истории / А. Э. Уайт. – СПб. : Лань, 2003. – 480 с.

531. Уайтхед Д. Серьезные забавы / Д. Уайтхед. – М. : Книга, 1986. – 284 с.

532. Успенский Б. А. Из истории русского литературного языка XVIII – начала XIX века. Языковая программа Карамзина и ее исторические корни / Б. А. Успенский. – М. : Изд-во МГУ, 1985. – 212 с.

533. Файнштейн М. Ш. А. С. Шишков и словарь Академии Российской (1789–1794) / М. Ш. Файнштейн // Словари и словарное дело в России XVIII в. – Л., 1980. – С. 157–163.

534. Файнштейн М. Ш. Объединение двух Академий / М. Ш. Файнштейн // Вопросы истории естествознания и техники. – 1999. – № 2. – С. 40–55.

535. Фатенков А. Н. Социально-философский органицизм о проблеме объективности и закономерности исторического процесса / А. Н. Фатенков //

Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Сер. Социальные науки. – 2001. – Вып. 1. – С. 128–132.

536. Филатов О. В. Социальный аспект языковых программ Н. М. Карамзина и А. С. Шишкова / О. В. Филатов // Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований : материалы VII регион. науч. конф. молодых ученых Сибири в области гуманитарных и социальных наук. – Новосибирск, 2009. – С. 96–98.

537. Филатова Ю. А. Формирование консервативного стиля мышления : Эдмунд Берк и Николай Карамзин : дис. ... канд. ист. наук / Ю. А. Филатова. – М., 2005. – 220 с.

538. Филатова-Шишкова В. «Неугомонный русопят» : к 160-летию со дня смерти адмирала, министра народного просвещения, писателя и государственного деятеля Александра Семеновича Шишкова / В. Филатова-Шишкова // Наш современник. – 2001. – № 4. – С. 284–287.

539. Флоровский Г. В. Пути русского богословия / прот. Г. Флоровский. – Вильнюс, 1991. – 601 с.

540. Фоменко И. Ю. Неизвестный автограф А. С. Шишкова в собрании Музея книг РНБ / И. Ю. Фоменко // Румянцевские чтения. – М., 2009. – Ч. 1. – С. 258–262.

541. Франция и Россия: культурные контакты / под ред. Т. Ю. Загрязкиной. – М. : Городец, 2010. – 237 с.

542. Фролов Э. Д. У истоков русского неоклассицизма : А. Н. Оленин и С. С. Уваров / Э. Д. Фролов // Вестн. С.-Петербур. ун-та. Сер. 2. – 2005. – Вып. 4. – С. 51–72.

543. Фролова М. М. Лейб-гвардии Конный полк в кампании 1814 г. / М. М. Фролова // Вопр. истории. – 2014. – № 7. – С. 77–93.

544. Фуко М. Слова и вещи : археология гуманитарных наук / М. Фуко ; пер. с фр. В. П. Визгина, Н. С. Автономовой. – М. : Прогресс, 1977. – 488 с.

545. Хабермас Ю. Наследие французской революции / Ю. Хабермас // Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность : московские лекции и интервью. – М. : КАМІ, 1995. – С. 57–77.

546. Халтурин Ю. Л. Отношение русских масонов XVIII–XIX вв. к русской православной церкви : опыт типологии / Ю. Л. Халтурин // Вестн. РХГА. – 2012. – Т. 13, вып. 2. – С. 24–33.
547. Халтурин Ю. Л. Философия русских масонов конца XVIII – начала XIX вв. : критическая реконструкция : дис. ... канд. филос. наук / Ю. Л. Халтурин. – Екатеринбург, 2010. – 227 с.
548. Харитонович Д. Э. Масонство / Д. Э. Харитонович. – М. : Весь Мир, 2001. – 223 с.
549. Хобсбаум Э. Век революции. Европа, 1789–1848 / Э. Хобсбаум ; пер. с англ. Л. Д. Якуниной. – Ростов н/Д. : Феникс, 1999. – 475 с.
550. Ходанен Л. А. Миф в творчестве русских романтиков / Л. А. Ходанен. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2000. – 318 с.
551. Хоркхаймер К. Диалектика просвещения / К. Хоркхаймер, Т. В. Адорно. – М. ; СПб. : Медиум, Ювента, 1997. – 314 с.
552. Хоскинг Д. Россия: народ и империя (1552–1917) / Д. Хоскинг. – Смоленск : Русич, 2001. – 510 с.
553. Христофоров И. Империя, нации и конфессиональная политика в эпоху реформ : [Российская империя в XVIII – начале XX вв. – «круглый стол»] / И. Христофоров // Российская история. – 2012. – № 4. – С. 47–93.
554. Художественный язык средневековья / отв. ред. В. А. Карпушин. – М. : Наука, 1982. – 270 с.
555. Худушина И. Ф. Царь. Бог. Россия. Самосознание русского дворянства (конец XVIII – первая треть XIX в.) / И. Ф. Худушина. – М. : ИФ РАН, 1995. – 223 с.
556. Хюбнер К. Нация : от забвения к возрождению / К. Хюбнер. – М. : Канон+, 2001. – 399 с.
557. Цилюрик Д. Д. Образ России во Франции: формирование матрицы восприятия в XVIII – начале XIX вв. [Электронный ресурс] / Д. Д. Цилюрик // Медиаскоп. – Электрон. науч. журн. – 2012. – № 1. – URL: <http://mediascope.ru/?q=node/1026> (дата обращения: 16.07.2016).

558. Цимбаева Е. Грибоедов / Е. Цимбаева. – М. : Молодая гвардия, 2011. – 608 с.
559. Цимбаева Е. История литературы. Художественный образ в историческом контексте (анализ биографий персонажей «Горя от ума») / Е. Цимбаева // Вопросы литературы. – 2003. – № 4. – С. 98–139.
560. Цимбаева Е. Н. Исторический контекст в художественном образе : (дворянское общество в романе «Война и мир») / Е. Н. Цимбаева // Вопросы литературы. – 2004. – № 5. – С. 175–215.
561. Чайковская О. Г. Воспитание «новой породы» людей : (об одном социальном эксперименте XVIII в.) // Социологические исследования. – 1987. – № 2. – С. 121–131.
562. Чапаева Л. Г. Культурно-языковая ситуация в России 1830–1840-х годов в контексте споров славянофилов и западников : дис. ... д-ра филол. наук / Л. Г. Чапаева. – М., 2007. – 415 с.
563. Человек эпохи Просвещения / отв. ред. Г. С. Кучеренко. – М. : Наука, 1999. – 222 с.
564. Чердаков Д. Н. А. С. Шишков и А. Х. Востоков : к вопросу о соотношении старого и нового в истории отечественной филологии / Д. Н. Чердаков // Язык и речевая деятельность. – СПб., 1998. – Т. 1. – С. 142–150.
565. Чердаков Д. Н. Семантика слова и развитие русского языка в концепции А. С. Шишкова / Д. Н. Чердаков // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 2, История, языкознание, литературоведение. – 1996. – Вып. 1. – С. 37–44.
566. Чернавский М. Ю. Идеологии либерализма и консерватизма / М. Ю. Чернавский. – М. : Гуманитарно-социальный ин-т, 2008. – 379 с.
567. Черная Л. А. Русская культура переходного периода от Средневековья к новому времени : философско-антропологический анализ русской культуры XVII – первой трети XVIII века / Л. А. Черная. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 281 с.

568. Черная Л. А. Русская мысль второй половины XVII – начала XVIII в. о природе человека / Л. А. Черная // Человек и культура : индивидуальность в истории культуры. – М., 1990. – С. 192–203.

569. Чернета В. Предтеча (адмирал А. С. Шишков – человек, ученый, министр) / В. Чернета, Б. Яковлев // Высшее образование в России. – 1999. – № 3. – С. 137–151 ; № 4. – С. 130–144.

570. Черников М. В. Царство и имперство как философы русского общественного сознания / М. В. Черников // Русская философия: новые исследования и материалы. – СПб., 2001. – С. 222–225.

571. Чикишева Е. Несколько размышлений по поводу эпистолярности / Е. Чикишева // *Annali della Facoltà di Lingue e Letterature Straniere*. – 2005. – Vol. 5. – P. 65–70.

572. Чудинов А. В. Масоны и французская революция : дискуссия длиной в два столетия / А. В. Чудинов // Новая и новейшая история. – 1999. – № 1. – С. 45–69.

573. Чудинов А. В. Французская революция : история и мифы / А. В. Чудинов. – М. : Наука, 2006. – 312 с.

574. Чудинов А. П. Болгарская политическая метафора / А. П. Чудинов, Е. А. Нахимова // Политическая лингвистика. – 2012. – № 2. – С. 275–277.

575. Чуркин М. К. Колонизация Степного края Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. : историографическая традиция и исследовательские практики / М. К. Чуркин // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2016. – № 406. – С. 158–163.

576. Шаврыгин С. М. Творчество А. А. Шаховского в историко-литературном процессе 1800–1840-х годов / С. М. Шаврыгин. – СПб. : Дмитрий Буланин, 1996. – 179 с.

577. Шадури В. С. Друг Пушкина А. А. Шишков и его роман о Грузии / В. С. Шадури. – Тбилиси : Заря Востока, 1951. – 382 с.

578. Шарыпкин Д. М. Боян в «Слове о полку Игореве» и поэзия скальдов / Д. М. Шарыпкин // ТОДРЛ. – 1976. – Т. 1. – С. 14–22.

579. Шацкий Е. Утопия и традиции / Е. Шацкий ; общ. ред. и послесл. В. А. Чаликовой. – М. : Прогресс, 1990. – 455 с.

580. Шебунин А. Н. Братья Тургеневы и дворянское общество Александровской эпохи // Декабрист Тургенев Н. И. : письма к брату С. И. Тургеневу / Н. И. Тургенев. – М. ; Л., 1936. – С. 79–86.

581. Шевцова О. Н. Архаизмы «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина и семантическое наполнение исторического труда первой четверти XIX в. / О. Н. Шевцова // Вестн. ВГУ. Сер. Филология. Журналистика. – 2011. – № 1. – С. 107–111.

582. Шелохаев В. В. Общественная мысль России как историографическая и теоретико-методологическая проблема / В. В. Шелохаев // Общественная мысль России: истоки, эволюция, основные направления : материалы Междунар. науч. конф. Москва, 28–29 октября 2010 г. – М., 2011. – С. 25–39.

583. Шелудченко Д. А. Утопия и эсхатология: два типа философского предвидения / Д. А. Шелудченко // Изв. Том. политехн. ун-та. – 2013. – Т. 322, № 6. – С. 104–109.

584. Шемякин Я. Г. О характере соотношения языка, текста и шрифта в цивилизациях «пограничного» типа / Я. Г. Шемякин // Вестн. Том. гос. ун-та. История. – 2013. – № 1 (21). – С. 15–25.

585. Шенле А. Между «древней» и «новой» Россией : руины у раннего Карамзина как место «modernity» / А. Шенле // Новое литературное обозрение. – 2003. – № 1 (59). – С. 125–141.

586. Шетеля М. Теоретическое осмысление словарной нормы русского литературного языка первой четверти XIX в. в работах Н. М. Карамзина и А. С. Шишкова : на материале русской журнальной критики / М. Шетеля // *Slaviaorientalis*. – 1989. – Роср. 36, № 3/4. – С. 513–522.

587. Шилов Д. Н. Шишков Александр Семенович // Государственные деятели Российской империи: главы высших и центральных учреждений, 1802–1917 : биобиблиографический справочник / Д. Н. Шилов ; ред. А. А. Кононов. – СПб., 2001. – С. 753–757.

588. Шипилов А. В. Новое и старое в поместном быту России в первой половине XVIII в. / А. В. Шипилов // Вопросы истории. – 2014. – № 8. – С. 89–102.

589. Ширинянц А. А. Нигилизм или консерватизм? Русская интеллигенция в истории политики и мысли / А. А. Ширинянц. – М. : Изд-во МГУ, 2011. – 586 с.
590. Шноль Д. Э. «А логике он строит ков» / Д. Э. Шноль // Рус. яз. в школе. – 1998. – № 2. – С. 69–70.
591. Шульгин В. Н. Русский свободный консерватизм первой половины XIX века / В. Н. Шульгин. – СПб. : Нестор-история, 2009. – 495 с.
592. Щебальский П. К. А. С. Шишков и его союзники и противники / П. К. Щебальский // Рус. вестн. – 1870. – № 11. – С. 192–254.
593. Щепанская Т. Б. Кризисная сеть (традиции духовного освоения пространства) / Т. Б. Щепанская // Русский север : к проблеме локальных групп. – СПб., 1995. – С. 110–176.
594. Щепанская Т. Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции, XIX–XX вв. / Т. Б. Щепанская. – М. : Индрик, 2003. – 526 с.
595. Щепанская Т. Б. Странные лидеры (о некоторых традициях социального управления у русских) / Т. Б. Щепанская // Этнические аспекты власти / под ред. В. В. Бочарова. – СПб., 1995. – С. 211–240.
596. Эдельман О. В. 1812-й год и генезис декабризма / О. Эдельман // Гуманитарные науки в Сибири. – 2012. – № 3. – С. 3–7.
597. Эйдельман Н. Я. Грань веков : политическая борьба в России, конец XVIII – начало XIX столетия / Н. Я. Эйдельман. – М. : Мысль, 1982. – 368 с.
598. Эйдельман Н. Я. Последний летописец / Н. Я. Эйдельман. – М. : Книга, 1983. – 174 с.
599. Эйхенбаум Б. М. Черты летописного стиля в литературе XIX в. / Б. М. Эйхенбаум // Труды Отдела древнерусской литературы. – 1958. – Т. 14. – С. 546–550.
600. Энгельгардт Н. А. Очерк истории русской цензуры в связи с развитием печати (1703–1903) / Н. А. Энгельгардт. – СПб. : Изд. А. С. Суворина, 1904. – 388 с.
601. Эткинд А. М. Внутренняя колонизация : имперский опыт России / А. Эткинд. – М. : Новое литературное обозрение, 2014. – 441 с.

602. Эткинд А. После нации. Русская литература, XIX в. : роман внутренней колонизации / А. Эткинд // Новое литературное обозрение. – 2003. – № 1. – С. 103–124.

603. Юдин Е. Е. Образование и карьера дворянина во Франции и в России второй половины XVIII в. / Е. Е. Юдин // Вопросы истории. – 2011. – № 4. – С. 141–151.

604. Юров Р. В. Отечественная военно-морская энциклопедистика. Середина XVIII – конец XIX в. / Р. В. Юров // Вопросы истории. – 2012. – № 3. – С. 164–169.

605. Якимович Ю. К. Деятели русской культуры и словарное дело / Ю. К. Якимович ; отв. ред. Т. Л. Канделаки. – М. : Наука, 1985. – 159 с.

606. Яковкина Н. И. Русское дворянство первой половины XIX века : быт и традиции / Н. И. Яковкина. – СПб. : Лань, 2002. – 156 с.

607. Янушкевич А. С. Идея нравственного самоусовершенствования и формы ее выражения в русской культуре 1790–1810-х гг. / А. С. Янушкевич // Культура Отечества : прошлое, настоящее, будущее. – Томск, 1993. – Вып. 1. – С. 67–70.

608. Ясперс К. Духовная ситуация времени / К. Ясперс // Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М. : Политиздат, 1991. – С. 288–418.

609. Garde P. A propos du premier mouvement slavophile / P. Garde // Cahiers du Monde russe et soviétique. – 1964. – Vol. 5, № 3. – P. 261–269.

610. Garde P. Šiškov et Karamzin: deux ennemis? / P. Garde // Studia slavica mediaevalia et humanistica. – 1986. – № 1. – P. 279–285.

611. Karlinsky S. Russische Literaturgeschichte des 19. Jahrhunderts, I : Die Romantik by Dmitrij Tschizewskij : (Review) / S. Karlinsky // The Slavic and East European Journal. – 1965. – Vol. 9, № 3. – P. 320–322.

612. Khristoforov I. Nineteenth-Century Russian Conservatism. Problems and Contradictions / I. Khristoforov // Russian Studies in History. – 2009. – Vol. 48, № 2. – P. 56–77.

613. Koester H. L. Geschichte der Deutschen Yugendliteratur / H. L. Koester. – Hamburg : Alfred Yanssen, 1906. – 417 S.

614. Langenberg E. Ernst Moritz Arndt. Sein Leben und Seine Schriften / E. Langenberg. – Bonn : Ed. Weber, 1865. – 280 S.
615. Leighton L. G. Russian Romantisizm : Two essays / L. G. Leighton – The Hague : Mouton, 1975. – 128 p.
616. Lyamina E. E. The first literary jubilee in Russia: Krylov and others / E. E. Lyamina. – Series: Literary Studies – М. : Высшая школа экономики, 2015. – 13 с. – (Препринт / Высшая школа экономики ; WP BRP 08/LS/2015).
617. Mitic A. The Idea of State in N. M. Karamzin's Conservative Value System / A. Mitic // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2012. – № 5 (4). – P. 550–555.
618. Pesenson M. A. Napoleon Bonaparte and Apocalyptic Discourse in Early Nineteenth-Century Russia / M. A. Pesenson // Russian Review. – 2006. – Vol. 65, № 3. – P. 373–392.
619. Repnikov A. V. The Contemporary Historiography of Russian Conservatism / A. V. Repnikov // Russian Studies in History. – 2009. – Vol. 48, №. 2. – P. 29–55.
620. Rotenstreich N. Volksgeist / N. Rotenstreich // Dictionary of the History of Ideas. – New York, 1968. – Vol. 4. – P. 490–496.
621. Rotenstreich N. Zeitgeist / N. Rotenstreich // Dictionary of the History of Ideas. – New York, 1968. – Vol. 4. – P. 535–537.
622. Rosslyn W. Anna Bunina (1774–1829) and the Origins of Women's Poetry in Russia / W. Rosslyn. – Lewiston, NY : Edwin Mellen Press, 1997. – 360 p.
623. Stepanov V. L. Revisiting Russian Conservatism. Guest Editor's Introduction / V. L. Stepanov // Russian Studies in History. – 2009. – Vol. 48, №. 2. – P. 3–7.
624. Steward D. The Hermeneutics of Suspicion / D. Steward // Journal of Literature and Theology. – 1989. – № 3. – P. 296–307.
625. Thaden E. C. The Beginnings of Romantic Nationalism in Russia / E. C. Thaden // American Slavic and East European Review. – 1954. – Vol. 13, № 4. – P. 500–521.
626. The Invention of tradition / ed. by E. Hobsbawm, T. Ranger. – Cambridge : Cambridge University Press, 1992. – 322 p.
627. Trempler J. Event and pictorial act Catastrophes and their images / J. Trempler // Res: Anthropology and Aesthetics. – 2013. – Vol. 63/64. – P. 201–214.

628. Whittaker C. H. The Ideology of Sergei Uvarov : An Interpretive Essay / C. H. Whittaker // Russian Review. – 1978. – Vol. 37, №. 2. – P. 158–176.

629. Whittaker C. H. The Impact of the Oriental Renaissance in Russia : The Case of Sergej Uvarov / C. H. Whittaker // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. – 1978. – Bd. 26, H. 4. – S. 503–524.

630. Women in Russian culture and society, 1700–1825 / ed. by W. Rosslyn, A. Tosi. – Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2007. – 257 p.

ПРИЛОЖЕНИЕ А

А. С. Шишков: краткая биографическая справка

1754 г. – А. С. Шишков родился в семье С. Н. Шишкова и П. Е. Денисьевой, второй сын. Имел трех братьев (старший – Николай, младшие – Ардалион, Дмитрий). Отец – Семен Никифорович Шишков, премьер-майор, участник Семилетней войны, в 1759–1764 гг. служил в Москве, в 1764 г. вышел в отставку. Мать – Прасковья Ермолаевна Денисьева из мелкопоместных дворян.

1767–1772 гг. – обучение в Морском кадетском корпусе. Во время учебного плавания потерпел кораблекрушение, легшее в основу его автобиографической повести «Разбитие русского военного корабля у берегов Швеции в 1771 г.», опубликованном в «Отечественных записках» в 1821–1822 гг. После возвращения был произведен в мичманы, оставался при корпусе.

1776–1779 гг. – плавание в Константинополь через Северное и Средиземное моря, знакомство с Европой (побывал в Дании, Англии, Италии).

1788–1790 гг. – участие в русско-шведской войне.

1796–1801 гг. – быстрый карьерный рост в царствование Павла, получение в 1799 г. чина вице-адмирала.

1797–1798 гг. – служебная командировка с особым поручением в Вену (набрать моряков на службу), отпуск за границей.

1801–1809 гг. – отказ от службы, литературная деятельность.

1810–1816 гг. – участие в заседаниях организованного А. С. Шишковым и Г. Р. Державиным литературного кружка «Беседы любителей русского слова».

1812–1814 гг. – назначение на пост государственного секретаря вместо М. М. Сперанского, в этой должности участвовал в Отечественной войне и сопровождал императора в заграничных походах.

1814 г. – назначение членом Государственного совета.

1824–1828 гг. – назначение на должность министра народного просвещения.

1813 г. – назначение на должность Президента Академии Российской. А. С. Шишков занимал ее вплоть до своей кончины в 1841 г.